

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

АБДУЛВОХИДОВ РАХМАТУЛЛО МИРАЗОРОВИЧ

**ИСТОРИЯ ТАДЖИКСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА И
ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Акрамов Закирьё Иномович

Душанбе – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ3
ГЛАВА 1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И АГРОКЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАДЖИКИСТАНА16
1.1. Историография изучения истории животноводства таджиков16
1.2. Особенности природно географических и агроклиматических условий развития животноводства в крае42
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА У ТАДЖИКОВ68
2.1. Исторические этапы развития животноводства у таджиков68
2.2. Степень развития и ареал распространения различных видов скота у таджиков105
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИВОТНОВОДСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.120
3.1. Экономическое положение в Туркестанском крае, Восточной Бухаре и на Памире120
3.2. Развитие кустарной промышленности в Восточной Бухаре142
ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И ПРИНЦИПЫ ЕГО КЛАССИФИКАЦИИ159
4.1. Некоторые сведения о способах и формах содержания животных в равнинно-долинных регионах159
4.2. Описание традиционных хозяйственных построек животноводов191
4.3. Традиционные скотопрогонные маршруты и их историческое значение214
4.4. Классификация форм животноводства у таджиков в XIX – XX вв.231
ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ И ГЕНЕЗИС НЕКОТОРЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЖИВОТНЫМИ250
5.1. История и генезис различных животноводческих терминов и связанные с ними традиции250
5.2. Культ животных и сохранившиеся архаические пережитки в животноводстве таджиков260
5.3. Традиции как инновация в реформировании животноводческой отрасли Республики Таджикистан277
ЗАКЛЮЧЕНИЕ290
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ302

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы развития хозяйства таджиков конца XIX – начала XX вв. остаются крайне недостаточно исследованными и с исторической, и с социально-экономической точек зрения. Здесь имеется много нерешенных вопросов так или иначе связанных с бытом, культурой, хозяйственными традициями таджикского народа.

Актуальность темы исследования. Животноводство, как в историческом прошлом, так и в настоящее время было и остается одной из важнейших отраслей в экономике Республики Таджикистан. Проблемы его становления и развития уходят своими корнями в далекое прошлое, и накопленный здесь огромный опыт, конечно, весьма актуален, поскольку развитие животноводческой отрасли в стране находится сейчас в критическом состоянии. Анализ становления животноводства, как одного из главных занятий населения региона, как определяющей отрасли в сельском хозяйстве республики, с исторической точки зрения заслуживает самого пристального внимания, глубокого обоснования и четкой аргументированности.

Необходимость исследования истории таджикского животноводства и его социально-экономических аспектов в конце XIX – начале XX вв. обусловлена также возросшим в последнее время в обществе повышенным интересом к национальным истокам, в частности, к хозяйственной деятельности населения региона в указанный период. И такой интерес вполне оправдан, поскольку в период научно-технического прогресса традиционные системы хозяйствования не только претерпевают изменения, но и вообще исчезают. В животноводческом хозяйстве этот процесс приобрел особенно острый характер, так как традиционное ведение животноводческого хозяйства у таджиков постепенно отмирает. И поэтому исследование всей системы традиционного животноводства в рамках радикальных преобразований в современном обществе становится практически

целесообразным.

Особого внимания требуют и вопросы генезиса и развития традиционных форм ведения скотоводства, проблемы зонального размещения основных животноводческих отраслей и особенностей их сочетания с земледельческим хозяйством, промыслами и ремеслами, основанными на скотоводческом сырье.

С позиций современного развития сельского хозяйства вообще и животноводства в частности, интерес представляют и способы эксплуатации сенокосов и пастбищ, особенности организации труда в скотоводстве в различных зонах, породы и виды скота, скотоводческие постройки и т. д., присущие средневековью. Многие из того, что имело место в прошлом, преемственно может быть воспринято нынешним поколением дехкан и фермеров.

Как известно, во второй половине XIX – начале XX вв. исторически территория Таджикистана была неотъемлемой частью Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи и Бухарского эмирата – вассала России. Животноводческое хозяйство таджиков было в этот период одной из ведущих отраслей экономики, одним из главных занятий населения. Для достижения непрерывного и устойчивого развития, различными правителями указанных выше государственных объединений были проведены экономические реформы, которые, не давали желаемых результатов, так как вся система аграрного производства имела глубоко традиционный характер, выработанный предками таджикского народа в историческом прошлом. Эта традиционность не только не способствовала развитию сельского хозяйства, но и зачастую препятствовала ему. В основном это касалось именно животноводческого производства (продуктов питания) и тех отраслей, которые напрямую были связаны с ним.

В таджикской исторической науке весьма актуальными остаются и вопросы исследования процессов превращения натурального хозяйства в мелкотоварное производство, появления и развития ремесленных

производств, основанных на животноводческом сырье, а также создания первых предприятий по переработке этого сырья, способствующих укреплению экономической связи окраин Бухарского эмирата с различными регионами, в том числе с Туркестанским генерал-губернаторством. Все эти изменения активно влияли на развитие производительных сил и производственных отношений в регионе и формированию здесь к началу XX в. товарно-денежных отношений.

В силу сказанного, изучение истории животноводства рассматриваемого периода актуально и с политической, и с экономической точек зрения.

С позиций истории, особенно важен анализ социально-экономического аспекта животноводческой отрасли, что предполагает изучение традиционных социальных институтов – товариществ, различных форм организации труда, вопросов найма рабочей силы и условий этого найма во всех видах животноводческого хозяйства. В XIX – начале XX вв. перечисленные выше институты играли во многом определяющую роль в развитии животноводства в Среднеазиатском регионе. Автор проводит интересные параллели с грузинскими, дагестанскими, молдавскими и другими скотоводами, с целью возможности заимствования положительного опыта в сфере производства молочных продуктов, ведения скотоводческого хозяйства, хозяйственного строительства и т. д.

Формирование современной концепции развития отечественной истории, изучение этногенеза таджикского народа невозможно без органического включения в нее истории развития регионов, где происходил процесс сложения таджикского народа. Более того, по сей день остаются актуальными проблемы, связанные с такими явлениями и процессами, которые в равной степени отражают изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни. К таким проблемам с полным основанием могут быть отнесены и вопросы симбиоза двух отраслей, составлявших основу экономики в историческом прошлом – земледелия и скотоводства. Развитие животноводства на обширной территории Средней

Азии вполне сопоставимо с интенсификацией земледельческой отрасли.

Комплекс проблем в развитии таджикского животноводства и особенностей его социально-экономических аспектов в конце XIX – начале XX вв. попытался рассмотреть автор в своем диссертационном исследовании.

Степень научной разработанности проблемы. Историографический анализ показал, что история традиционного животноводства в Таджикистане, особенностей его социально-экономических аспектов в конце XIX – начале XX вв. в современной исторической науке пока еще не стала предметом специального научного исследования. Некоторые подходы по различным аспектам развития животноводства у таджиков нашли отражение в коллективных исследованиях по истории Туркестанского края, Средней Азии и Казахстана, истории таджикского народа и Таджикистана, в записках и докладах известных русских путешественников – исследователей Центральной Азии, научных трудах советских и постсоветских отечественных, российских и центральноазиатских археологов, этнографов, историков и экономистов. Глубокое изучение имеющейся научной литературы, а также собственные полевые наблюдения позволили автору диссертации представить комплексное исследование заявленной темы.

В полном объеме историография проблемы рассматривается автором в первом разделе первой главы.

Объектом диссертационного исследования являются история животноводства таджиков и его социально-экономические особенности в конце XIX – начале XX вв.

Предметом исследования диссертации являются этапы исторического развития и исходные традиционные типы и формы животноводства у таджиков, особенности их модернизации в новых социально-экономических условиях пребывания в составе Российской империи.

Цель данного диссертационного исследования состоит в комплексном анализе субстратной основы появления различных форм и типов животноводческого хозяйства у таджиков, социально-экономические

особенности их функционирования в конце XIX – начале XX вв., а также в обосновании возможности реконструкции некоторых из них в современной экономике.

В соответствии с намеченной целью автор определил ряд научных **задач:**

- определить степень изученности проблемы через историографический анализ научных трудов и обозначить источниковую базу по исследуемой теме;

- раскрыть особенности природно-географических и агроклиматических условий развития животноводства у таджиков;

- изучить генетические истоки отдельных типов и форм традиционного животноводства у таджиков и охарактеризовать основные исторические этапы его развития;

- показать степень развития и ареал различных видов скота у таджиков в конце XIX – начале XX вв.;

- раскрыть перемены в экономике Туркестанского края, Восточной Бухары и Памиро-Алая, начавшиеся с присоединением к Российской империи;

- обосновать значение и место животноводства в общей системе хозяйства и исследовать его взаимосвязь с важнейшим сельскохозяйственным занятием – земледелием;

- определить уровень, динамику и структуру животноводческого хозяйства, и его влияние на развитие местной промышленности;

- выявить общее и особенное в способах ведения животноводческого хозяйства у таджиков, проживающих как в самом Таджикистане, так и за его пределами;

- провести сравнение способов ведения животноводческого хозяйства таджиками и соседними народами;

- предложить классификацию типов и форм животноводческого хозяйства таджиков в исследуемое время и определить их общие и

отличительные черты;

– показать роль сельской общины и ее общественных институтов в сохранении или развитии традиционного уклада в хозяйстве и быте животноводов;

– систематизировать материалы, касающиеся архаических представлений таджиков, связанных с занятием животноводством, и показать их место в социально-экономической и общественной жизни сельской общины;

– дать характеристику современного состояния животноводческой отрасли Республики Таджикистана, обосновать необходимость изучения и использования традиционных способов ведения данного хозяйства в инновационном виде на современном этапе.

Территориальные рамки исследования охватывают регионы современного Таджикистана (области: Хатлонская, Согдийская, ГБАО, районы республиканского подчинения), а также места проживания локальных групп таджиков – Сурхандарьинская, Джизакская, Ташкентская области Республики Узбекистан, Чимкентская область Республики Казахстан и некоторые территории Афганистана.

Хронологические рамки исследования определяются историческим периодом нахождения территории Таджикистана в составе Российской империи и охватывают конец XIX – начало XX вв. Для полноты освещения темы, исходя из необходимости логической увязки настоящего с прошлым, были осуществлены ретроспективные отступления, то есть были затронуты более древние периоды истории таджикского народа. Новизна и актуальность работы, конечно, диктовали необходимость обращения и к современной истории развития животноводства. Все это позволяет автору утверждать, что история животноводства таджиков и их предков насчитывает не менее семи тысячелетий.

Эмпирическая база исследования основана на материалах исторического и этнографического характера, которые имеют

непосредственное отношение к изучению истории животноводства таджиков с древнейших времен до начала XX в. Особое место занимают исторические документы, прошедшие тематический отбор и научную систематизацию. К первому виду источников относятся законодательные, статистические и нормативные акты, характеризующие демографическое положение, имущественные и социальные отношения таджикских животноводов и земледельцев, а также документы, отражающие социально-экономические проблемы.

В исследовании были использованы делопроизводственная документация государственных, областных и уездных органов управления Туркестанского генерал-губернаторства и других организаций; материалы статистики Туркестанского края; данные по районированию Средней Азии; сведения о земельных отношениях в Таджикистане.

Большой интерес представляют архивные материалы – документы центральных органов государственного управления, сохранившиеся в фондах Центрального государственного архива Таджикистана (ЦГА). Главным достоинством указанных источников является сопоставимость территориальных, статистических и демографических показателей, хотя часть документов этого архива (до 1911 г.) не имеет указаний времени их составления. Используются также архивные материалы из российских и республиканских госархивов, в частности ЦГВИА (Москва), ЦГИА (Санкт-Петербург), материалы из фонда Национальной библиотеки Республики Таджикистана им. А. Фирдоуси, Центральной научной библиотеки АН Республики Таджикистана им. И. Ганди, в которых были обнаружены различные исторические и архивные документы, касающиеся истории традиционного животноводства таджиков.

Значительно расширило степень раскрытия заявленной темы изучение автором личных архивов известных русских путешественников, в которых хранятся множество документов по истории хозяйства и быта таджикского населения, например архива А. Е. Снесарева, а также рапортов, донесений и

отчетов военных и политических представителей Российской империи; статей в научных журналах и сборниках («Записки русского географического общества», «Полиагентства в Бухаре», «Русский Туркестан», «Туркестанские ведомости», «Советская этнография» и др.).

При исследовании генетических истоков животноводства и его различных форм автор обращался к археологическим сведениям ученых по эпохе неолита и бронзы.

Еще одним источником стали материалы, собранные самим автором во время производственных командировок в регионы республики, а также во время командировок и экспедиций в Сурхандарьинскую, Джизакскую, Ташкентскую области Республики Узбекистан и Чимкентскую область Республики Казахстан. Автором были проведены также беседы с беженцами и выходцами с территории Республики Афганистан, в результате которых были получены необходимые сведения о животноводческом занятии таджиков, проживающих в этом государстве.

Научная новизна исследования заключается, в первую очередь, в самой постановке вопроса и комплексном характере его исследования. В диссертации рассматривается исторический отрезок времени, отмеченный важными политическими и социально-экономическими изменениями в истории Таджикистана в период нахождения большей части его территории в составе Российской империи.

Представлена общая картина истории животноводства таджиков на основе введения в научных оборот новых документальных и архивных материалов, а также критического осмысления научных исследований по сходной тематике. Доказана обусловленность его развития природно-географическим фактором и социально-экономическими условиями на территории Средней Азии.

Раскрыто значение традиционных исходных типов и форм животноводства, сложившихся в результате многовекового развития в организационных и социально-экономических основах таджикского

животноводства. Прослежена динамика развития животноводческого хозяйства; показано общее и особенное в путях его развития у таджиков в различных областях региона и у соседних народов в конце XIX – начале XX вв. Произведена классификация форм и типов животноводства у таджиков.

Прослежен генезис появления различных терминов и связанных с ними представлений, традиций, и культов животных у таджиков. Обосновано значение традиции как инновации в проведении структурной перестройки экономики РТ, возрождении и развитии некоторых видов и форм традиционного животноводства; показаны пути организации фермерских животноводческих хозяйств в современных рыночных условиях.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили теория модернизации, описывающая процесс заимствования исторического опыта, а также принципы историзма, основанные на признании объективности исторического процесса и его вариантности. В ходе работы эти принципы реализованы при оценке и объяснении исторических явлений в тесной связи с конкретными историческими условиями рассматриваемого периода, в сопоставлении объективных и субъективных факторов, характерных для этого этапа в истории таджиков, в комплексном подборе исторических источников и их критическом и непредвзятом анализе.

В процессе работы над избранной темой автор использовал комплекс общенаучных и специальных методов исторического исследования: описание и измерение, статистический, проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-географический и историко-системный и др.

Избранная методология, широкая источниковая база предопределили обоснованность и достоверность научных положений и выводов диссертационной работы.

Научно-практическая значимость исследования. Данное исследование восполняет большой пробел в истории таджикского народа.

Широкая фактологическая база, впервые представленные документальные материалы, положения и выводы диссертации могут способствовать комплексному пересмотру и новым оценкам значения традиционного животноводства таджиков.

Исследование истории традиционного таджикского животноводства, естественно, затрагивает и область исторических взаимоотношений народов, проживавших на территории Средней Азии, что поможет осветить многие исторические моменты, важные для определения этнокультурных контактов народов региона.

Обобщения и отдельные характеристики автора могут быть использованы при написании общих научно-исследовательских работ по истории таджикского народа, составлении спецкурсов, учебных пособий в вузах республики; в государственных программах по дальнейшему развитию агропромышленного комплекса, а также арендаторами, фермерами, руководителями и специалистами сельского хозяйства в деле организации фермерских хозяйств, арендных предприятий и др.

Многие предложения и рекомендации диссертанта нашли отражение в Государственной Программе развития животноводства в Республике Таджикистан на 2000-е гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Главную роль в генезисе и развитии традиционного животноводства играло достаточное количество пастбищ и сенокосов. В силу этого таджиками издревле учитывались такие факторы, как многообразие природно-географических условий и агроклиматических ресурсов региона, отличающихся экологией и кормовой растительностью в различных климатических зонах. Именно природная среда и антропогенные факторы определили специфику хозяйственной деятельности населения, многообразие форм животноводческого хозяйства, особенности сочетания его отраслей с земледельческим хозяйством, промыслами и ремеслами, роль в развитии экономики региона, социальной жизни и благосостоянии населения.

2. Формирование современной концепции развития отечественной истории, изучение этногенеза таджикского народа невозможно без органического включения в нее истории развития регионов, где происходил процесс сложения таджикского народа, его хозяйственной деятельности. Животноводческое занятие исторически уходит своими корнями в поздненеолитический период. Его развитие на обширной территории Средней Азии вполне сопоставимо с интенсификацией земледельческой отрасли. Вековые культурно-этнические традиции сыграли определяющую роль в передаче опыта в хозяйственно-культурной сфере. В процессе экономического и культурного взаимодействия этносы и свойственные им культуры выступали как селектирующие силы. Подвижные степные скотоводы стали основой древнейшей историко-культурной общности, которую исследователи связывают с формированием индоиранских языков и этносов.

3. В конце XIX – начале XX вв. животноводческое хозяйство у таджиков развивалось в основном за счет внутренних экономических ресурсов и заимствований эмпирических знаний предков. Оно носило подсобный характер и велось на индивидуальной и семейно-родственной основе. Пастбищное содержание скота имело круглогодичный характер, но в силу разнообразия природно-географических условий появились отгонное, перегонное и стойловое виды содержания скота. Повысилась роль традиционных социальных институтов – товариществ по организации различных форм труда и условий найма рабочей силы.

С присоединением современной территории Северного Таджикистана к Туркестанскому генерал-губернаторству России начался процесс коренной ломки патриархально-феодалных отношений, превращения натурального хозяйства в мелкотоварное производство, появления первых промышленных предприятий по переработке животноводческого сырья, развития товарно-денежных отношений. Эти же процессы были характерны и для Восточной Бухары, так как значительно усилились экономические взаимоотношений

между русским Туркестаном и Бухарским эмиратом.

4. Многие архаические пережитки в современном животноводческом занятии восходят к ранним этапам истории таджикского народа. Древние идеи и образы, присущие этим пережиткам, отражают начальные формы религиозной идеологии, зародившиеся еще в раннем родовом обществе и составляют магико-анимистический пласт доисламской культуры.

Привлеченные нами материалы языкознания и множество терминов, используемых грузинскими, туркменскими, дагестанскими, молдавскими и другими скотоводами в применении техники ведения скотоводческого хозяйства, подтверждают происходившие на территории Средней Азии процессы этнокультурного обмена между древними арийцами и тюркскими племенами, начиная с древнейших времен, и проникновение словарного фонда иранского языка в быт и хозяйство многих народов, что лишний раз подтверждает самобытность таджикского животноводства.

5. Выработка единого для отечественной истории представления о своеобразии развития животноводства таджиков и его социально-экономических аспектов в конце XIX – начале XX вв. возможна на основе богатого эмпирического опыта предков таджикского народа и его модернизации. Многие из того, что имело место в прошлом, с учетом инноваций может быть воспринято нынешним поколением дехкан и фермеров. Это, прежде всего, традиционные способы индивидуального и семейно-родственного ведения животноводческого хозяйства, эксплуатации сенокосов и пастбищ, особенности организации труда в различных зонах, породы и виды скота, хозяйственные постройки, производство животноводческих продуктов питания и др. Все это должно положительно сказаться на развитии рыночной экономики современного Таджикистана.

Степень достоверности и апробации результатов.
Сформулированные положения и выводы автора апробированы в двух онографиях: «Традиционное скотоводческое хозяйство таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX вв.» (Душанбе, 1997. 119 с.),

«Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства у таджиков в конце XIX – начале XX вв.» (Душанбе, 2011. 297 с.), а также в 27 научных статьях, 17 из которых изданы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК РФ, остальные – в республиканских научных журналах и в сборниках материалов научно-практических конференций. Общий объем публикаций – свыше 36,0 п.л.

Теоретические положения и выводы диссертационной работы апробированы автором в ходе выступлений на ряде международных, республиканских и региональных научных конференциях и семинарах: «Россия – Таджикистан: история взаимоотношений» (Душанбе, 2009), «Памирское разграничение 1895 г.: история и современность» (Душанбе, 2010), «Возрождение традиционного животноводства, его связь с материальным бытом, культурой, традициями и обычаями населения» (Дангара, 2010), «Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история и общение» (Дангара, 2010), «Агробиоразнообразии и продовольственный суверенитет» в районах и сельских местностях Республики Таджикистан» (Хорог, 2014), «Межцивилизационное взаимодействие на Европейском пространстве: история, современные тенденции и перспективы» (Душанбе, 2015).

Автор непосредственно докладывал о результатах собственных исследований по теме «Агробиоразнообразии и продовольственный суверенитет» на Созыве грантполучателей Фонда Кристенса (ТСФ) (5-7 июня 2011 г., г. Хорог, ГБАО).

В Российско-Таджикском (славянском) университете диссертант читает спецкурс по данной проблематике.

Структура диссертации обусловлена логикой достижения цели и решения поставленных задач. Диссертационное исследование состоит из введения, пяти глав, содержащих тринадцать параграфов, заключения, списка литературы.

ГЛАВА 1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И АГРОКЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАДЖИКИСТАНА

1.1. Историография изучения животноводства таджиков

Важность историографического обзора проблемы животноводства таджиков заключается в том, что в процессе анализа определяется вклад ученых в изучение данного направления. Бесспорно, определенный вклад в ее решение внесли многие отечественные и зарубежные ученые. Историографический анализ показал, что история животноводства в современной исторической науке до настоящего времени не стала объектом пристального изучения. Тем не менее, к настоящему времени имеются определенные публикации, условно делимые на следующие группы: архивные источники, археологические и этнографические исследования, полевые этнографические материалы автора, литературные сведения дореволюционных исследователей, литература постсоветского периода Средней Азии и Таджикистана.

В изучение истории, языка, культуры, этнографии, археологии Таджикистана огромный вклад внесли русские ученые – академик Академии наук Таджикистана А. А. Семенов и член-корреспондент Академии наук СССР М. С. Андреев. В работе использованы документы из личных фондов этих известных исследователей, которые хранятся в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

Научный архив М. С. Андреева находится в Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистана. В нем хранятся рукописи, незаконченные статьи, необработанные полевые записки. Недавно вышла в свет книга замечательного историка Л. Додхудоевой «Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные

документы)»¹. Личный фонд М. С. Андреева по своему количеству составляет более 3000 листов и около 1000 единиц фотографий, рисунков, планов, негативов, эстампажей².

Материалы личного фонда М. С. Андреева были вначале систематизированы его женой, другом и соратником, известным этнографом А. К. Писарчик, которая опубликовала краткую характеристику его научного наследия³. Особое значение имеют материалы в папках с экспедиций 1921 г. в Самарканд⁴, 1924 г. – в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб и 1925 г. маршрутом в Ягноб, Дюшамбе, Каратаг, Дарваз, Припамирье, Памир и Ош. В этом архиве хранится также дневник пути в Кабул (1926 г.). Но самый большой материал хранится по Ягнобу⁵. Из 198 страниц дневника нами использованы записи, содержащие сведения о селениях, социальной жизни ягнобцев, хозяйственной деятельности, и главным образом – занятие и система ведения животноводческого хозяйства, летовки, приготовление молочных продуктов, торговля, товарообмен и т.д.

Другую группу архивных материалов составляют первичные рукописи, сделанные М. С. Андреевым в Рушане (132 страницы) и дополненные в 1929 г. во время новой экспедиции (250 страниц). Собранные материалы во время экспедиции 1943 г. по Язгулему, Рушану, Бартангу и Шугнану содержатся в 320 страницах. Среди них имеется много материалов по животноводству таджиков Язгулема, Рушана и Шугнана. Нами использованы некоторые материалы из данного фонда и опубликованных работ⁶.

¹ Додхудоева Л. Научное наследие А.В. Семенова и М.С.Андреева (архивные документы). Душанбе, 2013. 266 с.

² Там же. С. 5.

³ Писарчик А. К. Михаил Степанович Андреев (1873—1948) // Труды (АН Тадж. ССР). Т. 120, Сталинабад, 1960. С. 23-29.

⁴ Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // Изв. Турк. Отдела Русск. Географ. Общ-ва. Т. ХУП. Ташкент, 1925. С. 121–140.

⁵ ИИАЭ АН РТ. Фонд М. С. Андреева. Оп.1. Ед.хр. 81. Л. 5.

⁶ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. 192 с.; Андреев М. С. По Таджикистану. Ташкент, 1927. С. 42-59; Андреев М. С. По этнографии таджиков // Таджикистан. Ташкент, 1925. Кн. 1. С. 151-177; Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.).

Документы личного фонда А. А. Семенова из этнографического архива Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистана (до 2013 г.)¹ не были систематизированы и описаны. Наследие академика А. А. Семенова имеется в количестве 48 документов и 13 фотографий. Однако следует отметить, что все эти документы, вне зависимости от их объема, представляют особый интерес. Основной архив А. А. Семенова (коллекция рукописей и библиотека) хранятся в Доме-музее А. А. Семенова при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. В фонде под инв. № 3 (№ 162) сохранились фотографии с надписью: «Асхабадские типы. Персы-чарводары (скотоводы) из Сабзевара». Также нами использованы некоторые материалы по работам – «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза»² и «Очерки поземельного и налогового устройства Бухарского ханства»³ и другие источники.

В Архиве востоковедов ИВ (ИНА) АН СССР (в настоящее время – Российская АН) еще в 1962 г. был образован Фонд № 115 «А. Е. Снесарев». Здесь более трети дел всего фонда содержат материалы об Индии. Андрей Евгеньевич Снесарев – выдающий русский востоковед, научная деятельность которого началась на рубеже XIX и XX вв. и продолжалась особенно плодотворно после Великой Октябрьской революции. Им написаны статьи

(Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Ташкент, 1927. 101 с.; *Андреев М. С.* Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Деви Сафид // Из материалов мифологии таджиков // Из краткого отчета по этнографии экспедиции под рук. М. С. Андреева в 1925 г. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана, 1927. 26 с.; *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып.1. Труды Института истории АН Тадж. ССР. Т.7. Сталинабад, 1953. 260 с.; *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып. 2. Подготовка к печати, примеч. и доп. А. К. Писарчик. Труды АН Тадж. ССР. Т. I. XI. Сталинабад, 1958. 524 с. и др.

¹ *Додхудоева Л.* Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные документы). Душанбе, 2013. 266 с.

² *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. 112 с.

³ *Семенов А. А.* Очерки поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1929. 54 с.

«Религия и обычаи горцев Западного Памира»¹, «Поездка в Горную Бухару»² книга «Краткий очерк Памира (по сведениям к 15 октября 1901 г.). Добавление к Сборнику материалов по Азии»³, доклад «Памир в средние века и Великий памирский путь»⁴ и т. д. Нам в 1988-1989 гг. удалось побывать в Архиве востоковедения Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР для сбора необходимых архивных документов, которые дополнили нашу научную работу материалами по истории занятия животноводством и ремеслу таджиков Ванча, Дарваза, Шугнана, Вахана и т.д.

Также нами использованы интересные материалы из фондов национальной библиотеки им. А. Фирдоуси⁵.

Автором использовались материалы по животноводству из статей и сообщений «Туркестанских ведомостей», находящихся в Узбекской государственной публичной библиотеке им. А. Навои⁶. Автор ознакомился с некоторыми источниками. Эти сведения косвенно или прямо имели отношение к животноводству таджиков в прошлом⁷.

¹ *Снесарев А. Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // ТВ, 1904, № 89–93.

² *Снесарев А. Е.* Поездка в Горную Бухару // ТВ. 1903. № 105, 112, 123, 128, 134.

³ *Снесарев А. Е.* Краткий очерк Памира (по сведениям к 15 октября 1901 года). Добавление к Сборнику материалов по Азии. № 7. СПб., 1902. С. 1-51.

⁴ Памир в средние века и Великий памирский путь (доклад) // Известия Туркестанского Географического общества. 1907. Т. VII. С. 88 – 90.

⁵ В настоящее время — Национальная библиотека Республики Таджикистан.

⁶ Сейчас — Национальная библиотека Республики Узбекистан им. А. Навои.

⁷ *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984. 237 с.; *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайракумов // История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 115–124; *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. 1971. № 2. С. 133-147; *Ранов В. А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск. С. 29-31; *Виноградова Н. М.* Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // ЮТАЭ (1978). 1984. 74 с.; *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. М., 1982. С. 126-151; *Виноградова Н. М.* Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981. 173 с.; *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен и др. народов старого света. (Средняя Азия в древности и средневековье). М., 1977. 41 с.; *Ее же:* В стане Кавата и Афрасиаба. М., 1871. 143 с.; *Ее же:* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов

По истории ведения традиционного животноводческого хозяйства таджиков большую ценность для нас представляет архивный фонд Кушбеги из Центрального Архива Республики Узбекистан (№ И-126)¹, 2, 3 группа материалов из дела 198 и 199 охватывают только касающихся спорных вопросов по скотоводческому хозяйству в Восточной Бухаре. Данные архивные материалы по вопросам животноводства Восточной Бухары можно подразделить на следующие части:

1. Материалы в деле 26: хранятся все заявления и письма населения, направленные элбеги;
2. Группа материалов из дела 633: в основном собраны сведения о сборе закота;
3. Дело 652: материалы, где описываются и даются сведения о количестве скота у населения;
4. Часть дела 764: материалы, касающиеся жалоб скотоводов по отношению к чиновникам и сборщикам закота².

Нас заинтересовали такие факты, как: в деле 764, л. 2 имеется письмо Бальджуанского бека Бухарскому эмиру. В этом письме пишется, что на территории бекства уже несколько лет у населения не ведется перепись скота. Несмотря на это, каждый год у населения собирается закот по имеющимся старым сведениям. При этом еще каждый год чиновниками самостоятельно добавляются по 5 или 6 окотившихся овец, с которых также берут закот. Следует добавить, что в этом году в регионе зима была очень морозной, что привело к большой потере скота. Поэтому скотоводы Бальджуана просят, чтобы их скот подсчитывался каждый год и на основе

Евразии. М., 1976. С. 53-55 и др.

¹ Материалы предоставил немецкий востоковед, историк и этнограф – Вольфганг Холтсварт, сотрудник Института востоковедения Института этнографии им. Макс Планки Халле (ФРГ), ссылаемся на его статью «Хуччатхои бойгони аморати Бухоро оид ба холати чорводори дар Хатлонзамин» // Сб. докладов международной научно-практической конференции по теме «Вопросы, животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история и общение». Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010.

² Фонд Бухарского Кушбеги. Оп. 1. Д. 633. Л. 13.

этого с них взимали закот. Кто имеет больше скота, можно взимать больше, а у кого меньше скота, чтобы взимали меньше закота. Если у кого вообще не осталось скота, то пускай его имя уберут со списка, чтобы он больше не платил закота. Другая проблема – это то, что каждый год через реку Аму в Афганистан переправляются 5 или 6 хозяйств, которые не могут заплатить закот. С каждым годом их становится все больше. Поэтому решение этого вопроса является очень важным¹. Как видим, сбор закота для многих скотоводов и слоев населения являлся большим напряжением, который всегда проводился с большим нарушением законодательства и явным беспределом².

Среди источников немаловажное значение имеет работа «Таърихи Хумоюн» (История Хумоюна), автором которой является Гулшани³, путешествовавший в 1901–1908 гг. по всем районам Бухары, в том числе и Восточной Бухары. Он в своей книге дает некоторые сведения о географическом, этническом и социально-экономическом положении этого края, в том числе и о пастбищах, угодьях, положении края и занятием скотоводством.

В работе для достижения поставленной цели и задачи – описания истории животноводства таджиков и выявления генезиса данного занятия нами использованы некоторые археологические сведения. Следует отметить, что к археологическим источникам относятся работы, опубликованные в советский период, а именно: научные работы в виде статей, тезисов и монографий, а также отчеты по археологическим экспедициям.

Данные материалы отражают древнейший период и описывают:

¹ Фонд Бухарского Кушбеги. Оп 1. Д. 633. Л. 13.

² *Вольфганг Холтсварт*. Хуччатхон бойгони аморати Бухоро оид ба холати чорводори дар Хатлонзамин // Сб. докладов международной научно-практической конференции «Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история и общение». Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 31.

³ Материалы из архива Института востоковедения Таджикистана (нами были использованы сведения из книги ученого Г. Гоибова «Таърихи Хатлон», хотя в настоящее время имеются сведения о публикации этой книги).

- культурные регионы, границы, датировку, антропологические сведения;
- первые признаки религиозных представлений, связанных со скотоводческим занятием;
- материальная культура, первые признаки цивилизации и развитие в области животноводства.

В целом, изучение данной темы привлекло внимание и археологов Таджикистана. Советские и русские исследователи Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А., Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.¹ внесли огромный вклад в изучение эпохи бронзы на территории Таджикистана. Характеризуя историю эпохи бронзы на территории южного Таджикистана. Они отмечают, что в хозяйстве племен ведущую роль играло животноводство, обеспечивающее значительную подвижность населения. Среднеазиатским очагом степной бронзы является кайракумская культура, где основным занятием было также скотоводство, о чем свидетельствуют найденные кости мелкого и крупного рогатого скота и лошади. Было развито и земледелие. В Западной части Памира в этот период население также занималось скотоводством. В наличии стада, включающего помимо мелкого рогатого скота, содержался также крупный рогатый скот, что свидетельствует в пользу сезонного (яйлажного) скотоводства. Эти сведения

¹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984. 237 с.; Литвинский Б. А. Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайракумов // История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С. 115–124; Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. 1971. № 2. 146 с.; Ранов В. А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 29-31; Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // ЮТАЭ (1978). 1984. 74 с.; Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. М., 1982. С. 126-151; Виноградова Н. М. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981. 173 с.; Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен и др. народов старого света. (Средняя Азия в древности и средневековье). М., 1977. 41 с.; Ее же: В стане Кавата и Афрасиаба. М., 1871. 143 с.; Ее же: Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 53-55 и др.

для нас очень необходимы в том, что доказывают генезис и существование некоторых типов и форм ведения данного хозяйства еще в эпоху бронзы. Нами для сравнительного материала и генезиса использованы некоторые из этих публикаций¹.

Правда, в работах исследователей начала XX в. вопросы развития животноводства у таджиков в конце XIX – начале XX вв. затрагиваются эпизодически. Остановимся на некоторых из интересующих нас публикациях более подробно.

Дореволюционные русские ученые-востоковеды особенно развили и обогатили мировую науку в аспекте изучения истории, этнографии и географии Средней Азии. В отличие от других зарубежных ученых русские востоковеды достигли больших успехов и в изучении социально-экономической истории региона.

Одним из главных источников для разработки исследуемой темы послужили сведения русских офицеров и путешественников, а также работы дореволюционных авторов. Н. А. Кисляков пишет, что «русские исследователи начали интересоваться культурой и бытом таджикского народа и других, соседних с таджиками народов, даже с момента присоединения Средней Азии к России, то есть с конца 60-х и начала 70-х гг. прошлого столетия»². Здесь следует подчеркнуть, что труды этих исследователей использованы крайне осторожно, так как во многих из них

¹ *Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А.* Древности Кайракумов. Душанбе 1962. 405 с.; *История таджикского народа. Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1963. С. 115-124; Литвинский Б. А.* Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК АН СССР. М., 1960. Вып. 80. С. 47-52; *Литвинский Б. А.* Археологические открытия на восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности // Тр. XXV Междунар. конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 31-40; *Его же:* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. 272 с.; *Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы / Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 130-140; *Виноградова Н. М.* Раскопки поселения эпохи бронзы Кангурттут на юге Таджикистана в 1980 году // АРТ. Вып. 20. Душанбе, 1987. С. 133-134 и др.

² *Кисляков Н. А.* К вопросу об этногенезе таджиков // Сб. «Советская этнография». Вып. VI–VIII. 1947. Т. 6. С. 53.

допущены явные неточности.

Первые данные о хозяйственном занятии таджиков приведены в работе русского исследователя Е. Е. Кузьминой «В стране Кавата и Афрасиаба»¹ и в других ее трудах, где она указывает на некоторые специфические особенности животноводческого хозяйства в этих регионах.

При рассмотрении хозяйственной деятельности горной части Бухары на примере Гиссарского края Н. А. Маев подробно рассматривает занятие животноводством в определенный период времени. Дополнительные данные о хозяйственном занятии таджиков горной части Бухары на примере Гиссарского края приведены в работе «Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края, Куляб и побережье Амударьи»². Здесь имеются сведения об этническом составе, быте населения и животноводческом занятии таджиков. Отдельные вопросы истории таджикского животноводства и его социально-экономические аспекты (конец XIX – начало XX вв.) освещены в работах А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины»,³ В. А. Староверова «Типы скотоводческого хозяйства у киргизов Памира-Алая и Каратегина в конце XIX – начале XX вв.»⁴, Н. Н. Покотило «Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г.»⁵.

Особое внимание заслуживают публикации русского путешественника и ученого Н. А. Арандаренко «Скотоводство в Зарафшанской долине» (1880 г.), «В горах Дарваза-Каратегина (на Верховье Аму-Дарьи», где приводятся важные сведения о таджиках этого региона, об их быте, и главное – животноводческом хозяйстве, игравшем главную роль в жизни горцев того времени. Автором дана справка о системе и способах содержания скота, о его

¹ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1871; Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств // Материалы для статистики туркестанского края. СПб., 1879. Т.У. С.130-138.

² Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства. Гиссарский кий, Куляб и побережье Аму-Дарьи. Ташкент, 1876. С. 130 – 328.

³ Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С.157-289.

⁴ Староверов В. А. Типы скотоводческого хозяйства у киргизов Памиро-Алая и Каратегина в конце XIX - начале XX вв. // Советская этнография. 1984. № 4.

⁵ Покотило Н. Н. Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888. № 3. С. 72-97.

видах и количестве, о молочном хозяйстве горных таджиков Зеравшанской долины¹.

Немаловажное значение имеет также статья Н. Февралева «Правобережная полоса Пянджа и Амударьи от Калы Ванча до Керки», опубликованная в журнале «Военный сборник»². В ней приведены интересные фактические материалы, собранные путем личного наблюдения автора, касающиеся хозяйственной жизни, занятия земледелием и животноводством, быта и жилища таджиков указанных районов.

В. В. Бартольд в своей работе «Об одном историческом вопросе»³ акцентирует некоторые вопросы животноводства таджикского народа в исследуемый период.

Значительный интерес представляет работа А. А. Семенова «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза»⁴, посвященная географическому описанию горных районов Таджикистана. Дается характеристика расположения селений, жилища, подробно описываются занятия населения – земледелие, животноводство, ремесло; приведены некоторые обычаи и обряды, связанные с сельским хозяйством. Аналогичные вопросы отражены и в работе В. И. Липского «Каратаг и Бальджуан – Куляб»⁵.

Богатый материал предоставлен в работе ученого и путешественника, полковника А. Е. Снесарева «Восточная Бухара»⁶. Приводятся подробные

¹ *Арандаренко А.* Скотоводство в Зарафшанской долине. В кн.: Досуги в Туркестане. СПб., 1889. С. 85; *Его же:* В горах Дарваза-Каратегина (На верховье Аму-Дарьи). В кн. Досуги в Туркестане. СПб., 1889. С. 428-478.

² *Февралев И.* Правобережная полоса Пянджа и Амударьи от Калы Ванча до Керки // Военный сборник. 1895. № 19. С. 431.

³ *Бартольд В. В.* Об одном историческом вопросе // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896.

⁴ *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор Каратегина и Дарваза. М., 1903. 65 с.

⁵ *Липский В. И.* Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 583-593.

⁶ *Снесарев А. Е.* Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб., 1906. 77 с.

военно-географические и статистические сведения о горных бекствах Восточной Бухары. Автор дает характеристику населения, сельского хозяйства, указывает количество скота, затрагивает вопросы торговли. Работа содержит статистические данные о количестве хлеба и скота в богатых хозяйствах, а также у середняцких и бедных слоев населения. Параллельно в работе дается небольшое описание быта и культуры таджиков Восточной Бухары. В другой его статье «Религия и обычаи Западного Памира», напечатанной в «Туркестанских ведомостях» (1904 г.)¹, приведено много архаических представлений, связанных с занятием и бытом таджиков Памира.

Занятие земледелием и скотоводством таджиков нашли свое отражение в трудах ученого, путешественника А. А. Бобринского – «Горцы верховьев Пянджа. Ваханцы и ишкошимцы»².

Интересные данные в аспекте исследуемой темы имеются в заметках и наблюдениях русского офицера и путешественника Д. Н. Логофета, приведенные в его работах «Бухарское ханство под русским протекторатом», «Кулябское бекство и его население», «Сарайская долина, ее современное положение», «Через Бухару»³. которые были опубликованы в «Туркестанских ведомостях». В этих работах сообщаются ценнейшие сведения о народах, проживающих на обширной территории Восточной Бухары, точнее об их расселении и быте, в том числе о животноводческом занятии, содержании определенных видов скота и некоторых видах ремесел.

Аналогичные сведения содержатся и в публикациях ученого А. В.

¹ *Снесарев А. Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 89–94.

² *Бобринский А. А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А. Бобринского. М., 1908. С. 150.

³ *Логофет Д. Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1-2. С. 340-357; *Его же:* Кулябское бекство // Туркестанские ведомости, № 3. 1905; *Его же:* Сараясийская долина и ее современное положение // Туркестанские ведомости. 1903. С. 80; *Его же:* Через Бухару. Путевые очерки по Средней Азии // Военный сборник. СПб., 1910. № 8. С. 996.

Нечаева. Особый интерес представляет его работа «По горной Бухаре»¹, где даются сжатые, но ценные сведения о районах Восточной Бухары: их природе, расположении селений, занятиях населения, в том числе о животноводстве, формах содержания скота, его видах, а также о кустарных промыслах.

Интересные сведения представлены также в работе Н. Г. Маллицкого «Учебное пособие по географии Таджикистана», где содержатся различные сведения и по этнографии горных таджиков, которые сопровождаются иллюстрациями², а также в книгах И. И. Зарубина, которые являются важными источниками в изучении традиционного образа жизни таджиков и их занятия в прошлом³.

Подлинно научное историко-этнографическое изучение таджиков началось в советское время. Нами в диссертации использовано огромное количество работ исследователей, раскрывающих историко-этнографические, политические и социально-экономические аспекты. Большую ценность в данном аспекте имеют труды ученых: Е. М. Пещеревой, Н. А. Кислякова, М. С. Андреева, А. К. Писарчик, Н. Н. Ершова и др.

Особо следует отметить работы Е. М. Пещеревой «Ягнобские этнографические материалы» и «Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ними обычаи»⁴. В указанных трудах обстоятельно и подробно описываются занятия таджиков, и автор отдельно останавливается на животноводческом хозяйстве. Во второй работе приводятся сведения о самом важном и интересном периоде в животноводческом хозяйстве – выход

¹ *Нечаев А. В.* По горной Бухаре. Путевые очерки. СПб., 1914. С. 107.

² *Маллицкий Н. Г.* Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент-Самарканд, 1930. 47 с. Ч. I. Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. 6. Исфаринская волость, Средазбюро ЦК ВКП/б, 1927. С. 28–34.

³ *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской АН. Петроград, 1917. Т. V. С. 97–149.

⁴ *Пещерева Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976. С. 42–59; Она же: Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927. С. 42–59.

на летовье и заготовка впрок молочных продуктов. Подробно освещены многие обычаи, обряды, связанные с приготовлением молочных продуктов, а также пребывание на летовье. Также описываются жилища, расположенные на летовьях, системы выпаса скота, распределения обязанностей в этот период года между членами семьи.

В своей работе Н. А. Кисляков «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло»¹, освещая вопросы родового быта, патриархально-семейной общины и сельской общины у небольшой группы таджиков, попутно дает описание занятия таджиков и распределения работ между членами семьи. В другой работе – «Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у таджиков бассейна р. Хингоу»² автор приводит интересные материалы, касающиеся занятия скотоводством, формы содержания скота, выхода на летовье, пастбищ и т.д.

Большого внимания заслуживают работы М. С. Андреева. В его книге «Таджики долины Хуф»³, в специальном разделе «Скотоводство», дается детальное, чрезвычайно полное и подробное описание данного занятия в высокогорной долине Хуф и в других припамирских районах. Приводятся подробные сведения относительно цикла содержания скота, способов разведения отдельных видов скота, перекочевки скота на сезонные стоянки и значения этих перекочевок, сезонных поселений, жилища, переработки молочных продуктов, а также некоторых обычаев и обрядов, связанных с весенне-летним периодом у скотоводов. Эта монография по материалам научного архива М. С. Андреева была подготовлена к изданию и снабжена обширными примечаниями и дополнениями замечательным исследователем - этнографом А. К. Писарчик. Благодаря ей в отдельном разделе даются

¹ Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М. – Л., 1939. С. 160.

² Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия № 15 (История и этнография). Сталинабад: Изд-во АН СССР, 1949. С. 37-46.

³ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 260.

сравнительные материалы по животноводству Нураты и Ферганы.

В вопросе изучения генезиса и этапов развития животноводства у таджиков использованы историко-археологические работы: Л. Т. Пьянковой «Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая балка»)»¹, И. В. Пьянкова «Некоторые вопросы этнической истории таджикского народа»², В. А. Ранова «Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности)»³, Ю. А. Рапопорт «Из истории религии древнего Хорезма»⁴ и т. д.

Почти все результаты исследований по данной тематике в нашей работе были использованы. Благодаря применению сравнительного материала удалось обобщить проблемные вопросы по животноводству таджиков конца XIX – начала XX вв. и выявить их особенности.

По традиционной системе ведения животноводческого хозяйства в конце XIX – начале XX вв. чрезвычайно важные сообщения приводятся в работе Л. Ф. Моногаровой «Материалы по этнографии язгулемцев», где рассматривается животноводческое хозяйство таджиков Язгулема. Автор подробно описывает состав стада и некоторые вопросы, касающиеся формы и способа содержания скота⁵.

Среди многочисленных трудов особый интерес представляет коллективная монографическая работа ученых отдела этнографии Института

¹ Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана: (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка») / отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, Институт истории им. А. Дониша, 1989. С. 253.

² Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1988.

³ Ранов В. А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 29-31.

⁴ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма: оссуарии. ред. С. А. Трудновская; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971. С. 67.

⁵ Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник. Т. 2. Труды ИЭ АН СССР. Т. 17. М., 1959. С. 3–94.

истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ «Таджики Каратегина и Дарваза»¹, где животноводческому занятию таджиков отводится отдельный раздел. Дается описание животноводческого хозяйства, условий содержания скота, формы хозяйственных построек, летних жилищ на летовье, а также обычаев и обрядов, связанных со скотоводством.

Многие ценные сведения историко-этнографического характера содержатся в статье М. Рахимова «Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза»². В работе приведены некоторые интересные материалы, имеющие значение для изучения животноводческого хозяйства таджиков в целом. Эта небольшая по объему работа помогла нам в обобщении наших выводов.

Значительный интерес представляет работа замечательного этнографа Б. Х. Кармышевой «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана»³. Хотя данная монография в основном посвящена быту и культуре узбеков-локайцев, животноводческому занятию здесь отведен отдельный раздел, где приводится ряд этнографических материалов, аналогичных таджикским материалам. Оно и понятно, ведь локайцы в своем историческом развитии имели тесные культурно-экономические связи с таджиками этого региона. В этой работе дается сравнительный анализ ведения животноводческого хозяйства узбеками-локайцами и таджикским населением.

Особо следует отметить работу Б. Х. Кармышевой по типологии животноводства населения южных районов Таджикистана и Узбекистана⁴. Следует подчеркнуть, что данная классификация весьма удачна, но так как

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. // АН Таджикской ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. С. 151.

² Рахимов М.Р. Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза // Памяти М.С. Андреева. Душанбе, 1960. С. 181-187.

³ Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. 1953. Т. XXVIII. 169 с.

⁴ Еришов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русаякина С. П. Культура и быт таджикского колхозного села (по материалам колхоза им. Г. М. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР) / под общей ред. Н. А. Кислякова // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XXIV. 232 с.

распространяется она не на все районы южного Таджикистана, то мы, используя ее в своих исследованиях, параллельно предлагаем свою классификацию.

В 1954 г. была издана монография «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства»¹. Авторы Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина поставили цель «на материалах одного из колхозов показать социалистическое переустройство жизни таджикского колхозного крестьянства и сдвиги в развитии хозяйства, культуры и быта таджиков-колхозников». В данной работе в основном освещен современный образ жизни сельского населения. Дореволюционный период здесь почти не нашел своего отражения.

До Н. Н. Ершова систематизированного исследования дореволюционной сельскохозяйственной деятельности таджиков северных районов Таджикистана не проводилось. Автор на основе сельскохозяйственной деятельности одного из колхозов Ленинабадской области попытался выявить и изучить традиционное хозяйство таджиков равнинной части дореволюционного периода². Шестая глава монографии посвящена развитию животноводства в северных районах Таджикистана. Исследование Н. Н. Ершова является единственным источником, который в более полном объеме содержит характеристику животноводческого хозяйства в районах равнинной части, другими словами, места древней оседлости предков таджикского народа – это Зеравшанская долина и берега Сырдарьи, куда можно включить и городскую часть региона. Автор описывает в ней культуру таджиков Ферганской долины, которая известна

¹ *Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русяйкина С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (по материалам колхоза имени Г. М. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР). / под общей ред. Н. А. Кислякова // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XXIV. 232 с.

² *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. 174 с.

также своей высокой самобытной земледельческой культурой. Следует отметить, что о ферганских таджиках до сих пор не существует отдельной работы.

Заслуживает внимания также статья ученого У. Джахонова «Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX вв.»¹. Это – первое серьезное исследование по интересующей нас теме, характеризующее животноводческое хозяйство таджиков конца XIX – начала XX вв., проживающих за пределами Таджикистана. Следует отметить также статью А. С. Давыдова «Некоторые представления, связанные с животным миром»². В данной работе приводятся архаические представления, связанные не только с домашними, но и с дикими животными. Автор анализирует совершенно новые этнографические материалы и делает интересные выводы.

Нами использованы и некоторые другие этнографические источники, как многотомник «Таджики Каратегина и Дарваза» (вып. 1)³, подготовленный коллективом отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Тадж. ССР путем сплошного этнографического обследования (с 1948 по 1949 гг.). Работа состоит из 14 глав и нескольких приложений. Автором главы сельскохозяйственного занятия таджиков, где особый раздел посвящен животноводству таджиков (стр. 151), является замечательный этнограф М. Р. Рахимов. По записи самих авторов «...такие публикации содержат, помимо основного этнографического материала, много побочного, который может оказаться интересным и ценным для представителей ряда смежных дисциплин»⁴. Для нашей работы данный источник оказался необходимым в освещении формы

¹ Джахонов У. Традиционное скотоводство таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX вв. // История и этнография народов Средней Азии и Казахстана (сб. статей). Душанбе, 1981. С. 65-76.

² Давыдов А. С. Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром // Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1985. С. 93.

³ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. Вып. 1. С. 379.

⁴ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. Вып. 1. С. 5.

ведения животноводства таджиков и его социально-экономических аспектов в районах Каратегина и Дарваза.

Благодаря большому труду этнографа А. Мардоновой вышла из печати книга Р. Л. Неменевой «Таджики Варзоба»¹. Здесь дается анализ этнической истории, хозяйственной направленности, материальной и духовной культуры таджиков этого региона. В главе «Занятия» имеется небольшой раздел по животноводству, которое в прошлом занимало у таджиков Варзоба наряду с земледелием важное место в хозяйственной деятельности².

Автором представленного исследования опубликована монография «Традиционное скотоводческое хозяйство таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX в»³, в которой рассматриваются: основные виды домашнего скота, способы их содержания; материальная культура; традиционные хозяйственные и скотоводческие постройки; традиционные виды ремесла и домашние промыслы, основанные на скотоводческом сырье и его экономические аспекты. По своему научно-исследовательскому масштабу данная работа охватывает почти всю этническую территорию сложения таджикского народа, хотя в последнее время во многих исторических публикациях принято называть «историческая территория». Используемые нами материалы охватывают (не все) некоторые территории проживания таджиков и за пределами современного Таджикистана. Многие из них по настоящее время составляют анклав, но при этом сохранившие древние традиции своих предков. Например, таджики в Узбекистане по численности этнической группы являются вторыми. На данной территории этнические таджики проживают в 10 областях и нами проведены исследования в Сурхандарьинской, Джизакской, Ташкентской областях Республики Узбекистан, в Чимкентской области Республики Казахстан, в Сохе Республики Киргизия. Также использованы некоторые сведения по

¹ Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 250.

² Там же. С. 250.

³ Абдулвохидов Р. М. Традиционное скотоводческое хозяйство таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1997. 170 с.

этническим таджикам Афганистана. Например, по хозяйству таджиков Афганистана имеется очень мало доступных источников. В статье А. Д. Давыдова «Афганская деревня»¹ представлены данные, лишь поверхностно характеризующие быт и занятия населения этого края. Несмотря на это, в статье имеются некоторые данные о занятии таджиков животноводством, социально-экономическом положении, животноводческом сырье и продуктах товарного характера. В ней также использованы сведения, полученные путем опроса таджиков – переселенцев из Афганистана и беженцев, которые в последнее время, в связи с политическими событиями в этой стране оказались на нашей территории. Определенный интерес представляет работа Р. Махмадшоева «Таджики Афганистана», которая имеет историко-этнографический и экономический характер². В ней описываются некоторые стороны жизни таджикского населения, сельское хозяйство, животноводство, ремесленное и промысловое занятия. Данные сведения используются как сравнительные материалы.

Кроме того, занятие животноводством требовало частого передвижения, что способствовало соприкосновению с другими этническими компонентами и сложению различных культурных связей, возникновению родственных отношений и культурному взаимообмену. Кроме русских дореволюционных исследователей, этнографов XX вв., автор дает исследование по Туркмении этнографа А. Оразова «Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX вв.»³. Автором рассматривается широкий круг теоретических проблем хозяйственно-культурного типа этой отрасли. Описываются локальные особенности на конкретном материале: подробная характеристика системы пастьбы, годового скотоводческого цикла и т.д. В первой главе автор описывает историю скотоводства в Туркменистане,

¹ Давыдов А. Д. Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М: Наука, 1969. С. 263.

² Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время, (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 180.

³ Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. Ашгабад: Ылым, 1995 С. 330.

которую делит на разделы – из истории хозяйства, сочетание скотоводства с другими занятиями, как земледелие, промыслы, охота и т. д. Нами эти материалы сопоставляются с таджикским хозяйственным занятием, где много общего по аналогии и есть отличительные черты, и это нами анализируется.

Следующая работа дагестанского ученого М.–З. О. Османова «Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в.¹ посвящена анализу скотоводства народов Дагестана. Данная работа является историко-этнографическим исследованием, где на основе многочисленных историко-этнографических материалов анализируются формы и типы скотоводства, разрабатываются теоретические принципы и понятия форм и типологической классификации. Начиная от исторических условий и предпосылок складывания форм скотоводства, описано восемь форм и одиннадцать типов традиционного скотоводства в конце XX – начале XX в., которые являются составной частью хозяйственно-культурного типа, определяя характер и способствуя его эволюции. Дагестан, являясь горной страной, во многом аналогичен по природно-географическим условиям с нашей территорией. Поэтому использование данной работы для нас являлось необходимостью.

В конце 70-х гг. XX в. вышла работа грузинского ученого В. М. Шамиладзе «Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии»², где автор на основе имеющихся многочисленных сведений по истории и этнографии Грузии дает ряд важных материалов по интересующей нас проблеме. Автором данная тема полностью и всесторонне изучена. Поэтому именно тема животноводства таджиков на фоне других научно-исследовательских работ других народов требует необходимости такого изучения, так как история животноводства наших

¹ Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. // АН СССР. Дагестанский филиал Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. М., 1990. С. 197.

² Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979, 456 с.

предков восходит к более древнейшим временам.

До конца XIX в. у таджиков горной части, где долгое время сохранялись родоплеменные отношения, обусловленные особым географическим расположением и изолированностью местности, а также другими факторами, наблюдалось сезонное перемещение скота. Это, в свою очередь, послужило возникновению экономических связей с последующим товарообменом между горцами и их соседями, в результате чего граница между ними постепенно стиралась. В дальнейшем между зонами расположения земледельцев и животноводов также шел процесс налаживания контактов, что создавало почву для развития единого этноса.

Таким образом, по социально-экономической проблеме таджиков в конце XIX – начале XX вв. посвящена целая глава работы. По этой причине наряду с вышеуказанными конкретными исследованиями имеются труды по хозяйственно-культурным и социально-экономическим аспектам истории хозяйства таджикского народа. Эти данные выявлены и исследованы в трудах М. Р. Рахимова¹, Б. И. Искандарова², А. Маджлисова³, М. Назаршоева⁴, Н. Н. Ершова⁵, М. Бабаханова⁶, Х. Пирумшоева⁷, А. Кушматова⁸, П. П. Иванов П. П.⁹ и др.

¹ *Рахимов М. Р.* Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. С. 221.

² *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 214.

³ *Маджлисов А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. Душанбе-Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко, 1967. С. 331.

⁴ *Назаршоев М.* Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 296.

⁵ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 174.

⁶ *Бабаханов М. Б.* Предпосылки революционного Союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 34.

⁷ *Пирумшоев Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. Душанбе: Дониш, 1992. С. 130.

⁸ *Кушматов А.* Таджикское крестьянство в конце XIX и начале XX века. Душанбе, 1998. С. 430.

⁹ *Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX века). М.,

В работе Н. К. Нарзикулова «Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана»¹ затрагивается исторический период дореволюционного Таджикистана, где после завоевания Россией Средней Азии, хотя медленно, но постепенно идет процесс проникновения капиталистических отношений в крае. В этих условиях создаются отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, такие как кожевенная обработка шерсти, обувное производство и т. п. Постепенно Средняя Азия была втянута в торговые отношения с внешним рынком. Автор также отмечает, что эти изменения, хотя и незначительные, но все же сдвинувшие экономику северной части Таджикистана с «мертвой точки», почти не коснулись остальной части его территории. Автор имеет в виду восточную часть Бухары, где в политической и экономической жизни господствовала докапиталистическая форма управления. Автор подчеркивает о соединении ремесла с сельским хозяйством в Таджикистане, и таких хозяйств было больше, чем в других местах.

Исследователь М. Р. Рахимов в 1957 г. опубликовал работу «Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк)»², в которой приводится целый ряд сведений о животноводстве и домашних промыслах, которые, как пишет автор, были подспорьем для существования горцев. Также даются сведения о занятии населения, системе налогов и повинностей, имеющих статистическо-экономический характер. Автор ввел в оборот большой фактический материал и проводит сравнительный анализ. Кроме того, описывая экономические отношения, затрагивает социальные учреждения и институты, а также многие вопросы хозяйственной и культурной жизни таджикского населения различных районов и областей.

1958. С. 141.

¹ Нарзикулов И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана. Труды АН Тадж.ССР. Т. XXXI. / ред. проф. А. А. Семенов. Сталинабад, 1957. С. 69.

² Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). Сталинабад, 1957. С. 221.

В работе академика Б. И. Искандарова «Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России»¹ на основе многочисленных и впервые привлеченных материалов освещается социально-экономический строй восточной части Бухары и Памира во второй половине XIX в. В работе приведены ценные материалы, характеризующие социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира. Автором характеризуется каждый регион восточной части Бухары, его экономическое развитие, занятия населения, торговля, даже природные богатства местности. Описывая налогообложение, автор отмечает такой факт, что Бухарский эмир только за баранов ежегодно брал с Гиссарского бекства зякет до 25 тыс. тенге, что дает предположить, что в Гиссаре было очень развито скотоводство. Автор отмечает, что слабое развитие экономики, отсутствие нормальных условий для развития торговли между отдельными областями страны при наличии феодальной раздробленности во многом тормозили создание единого устойчивого централизованного феодального государства, как в юго-восточных районах современного Таджикистана, так и на Памире.

В монографии А. Маджлисова «Аграрные отношения в Восточной Бухаре в начале XIX – начале XX века»² описываются некоторые вопросы земельных отношений в Восточной Бухаре, проанализированы формы земельной собственности. На основе приведенных материалов конкретизируются вопросы политической истории и социально-экономических отношений. В третьей главе автор дает сведения о жизни населения, которое было занято животноводством, торговлей, ремеслом и промыслом, при этом характеризует полупатриархальное хозяйство таджиков. С усилением сферы экономического влияния России на окраинные районы постепенно втягивались в общую сферу капиталистических отношений. Важные данные приводятся о взимании налогов с домашних

¹ *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 214.

² *Маджлисов А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. Душанбе-Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко, 1967. С. 331.

животных и их значение в экономике Восточной Бухары. Описывается политика царизма, стремившаяся искусственно сохранить феодально-патриархальный строй в Бухаре. Капиталистические отношения приводили к распаду натурального хозяйства в Бухарском ханстве. Развитие хлопководства привело к резкому сокращению зернового хозяйства, но это не мешало развитию животноводства. Ежегодно из Восточной Бухары в Туркестан через Анзобский, Багбашский, Каракизикский, Тамдикульский перевалы перегоняли тысячи баранов, коз, коров, лошадей в Ташкент и Фергану.

Работа М. Назаршоева «Социально-экономическое положение дореволюционного Памира»¹ характеризует сущность истории социально-экономического положения таджикского населения Памира в дореволюционном периоде. Автор на основе имеющихся письменных исторических источников, опубликованных документов, неопубликованных рукописей и архивных материалов осветил ряд вопросов, относящихся к социально-экономическому и политическому положению Западного и Восточного Памира. Несмотря на указанный «дореволюционный» период, автор счел необходимым и осветил историю Памира с древнейших времен, развитие феодальных отношений до обострения социально-экономических отношений конца XIX – начала XX вв. на Памире. Данная работа дала нам очень много необходимых научных материалов, в том числе социально-экономического характера по Памиру.

Работа Х. Пирумшоева «Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв.»² имеет историографический характер. В ней описывается жизнь городов Восточной Бухары в этот период. Автор использовал многочисленные сведения путевых записок, служебные представления, дневники, отчеты первооткрывателей

¹ Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 296.

² Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. Душанбе: Дониш, 1992. С. 128.

края: Н. Маева, В. Ф. Ошанина, А. Э. Регеля, П. Я. Костякова. Е. Грум-Гржимайло и многих других. На основе указанных источников автор проанализировал социальную и административную структуру городов, показал сущность феодального режима управления, попытался определить численный состав населения городов и их этнический состав. В работе очень много фактов экономического состояния городов и их торговли. Выделена особая глава – «Русские ученые об экономике и культуре городов Восточной Бухары», где характеризуется ремесленное производство, основанное на животноводческом сырье.

А. Кушматов в своей работе «Таджикское крестьянство в конце XIX и начале XX века»¹ раскрывает историю таджикского крестьянского хозяйства, существование различных форм и категорий землевладения, вопросы налогообложения, податную систему, трудовые повинности, административное и политическое устройство таких регионов, как Северный Таджикистан, Памир и Горный Бадахшан и Восточная Бухара. Необходимо отметить, что в работе освещены вопросы социально-экономического положения таджикского крестьянства в конце XIX и начале XX вв. Автором затронут вопрос животноводства, которое существовало в симбиозе с земледельческим хозяйством. По этой причине работа для нас является нужным источником.

Опубликованная работа Х. Абдуназарова «История животноводства Таджикистана»² охватывает период 1920 – 1965 гг. и освещает историю развития советского животноводства Таджикистана, когда экономический уклад являлся общественным, социалистическим. В ней освещен исторический опыт и проблемы одной из основных отраслей сельского хозяйства – животноводство Таджикистана в советский период. В этой работе автором решены такие вопросы, как: становление и развитие

¹ *Кушматов А.* Таджикское крестьянство в конце XIX и начале XX века. Душанбе, 1998. С.430.

² *Абдуназаров Х.* История животноводства Таджикистана (1920–1965 гг.). Душанбе: Ирфон, 2004. С. 255.

общественного животноводства республики, развитие животноводства в 1946–1965 гг., научно-исследовательская работа ученых в области животноводства и т. д. Следует отметить, что автором в одном разделе сделана попытка описания занятия животноводством конца XIX – начала XX вв. Она имеет поверхностное описание и никаких анализов по ведению хозяйства в работе не наблюдается. В работе автором делаются некоторые конкретные предложения с целью разрешения проблемы животноводства на современном этапе.

Важное место в работе занимает изучение типологии и форм в истории животноводства и уточнение терминологии. Данная проблема привлекала внимание советских ученых только в последние годы существования Советского Союза. Были затронуты и разрешены многие важные вопросы, освещающие разные стороны животноводческого хозяйства. К сожалению, до настоящего времени этот вопрос остаётся нерешенным, хотя сделано в этом плане много.

При изучении форм и типов истории животноводства таджиков, как правило, нами использовано большое количество литературы, рассмотрены анализ методологии и принципы классификации у таких ученых, как С. М. Абрамзон, Г. Е. Марков, Б. Х. Кармышева, Г. И. Симаков, А. Оразов и др.¹ На основе этих материалов нами предложена единая система типологии и форм ведения традиционного животноводческого хозяйства у таджиков.

Таким образом, перечисленные корифеи отечественной истории касались темы нашего исследования лишь косвенно. Они не учитывали

¹ *Абрамзон С. М.* Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана // Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана: Метод. материалы. М., 1967. С. 43-65; *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX века) // Советская этнография. 1969. № 3. С. 44, 49; *Симаков Г. И.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // Советская этнография. 1982. № 6. С. 73; *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 88-94; *Марков Г. Е.* О терминах и понятиях в этнографии // Советская этнография. 1983. № 5. С. 85; *Оразов А.* Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. Ашгабат, 1995. С. 81.

современное общество, где бытует рыночная экономика, к тому же они не были специалистами в области сельского хозяйства, тем более животноводства. А ученые-экономисты в области сельского хозяйства рассматривают вопросы экономики и организации животноводства в основном по его отраслям. Поэтому изучение традиционного животноводства таджикского народа, его социально-экономических аспектов в конце XIX – начале XX вв. является актуальным и имеет большое теоретическое и практическое значение.

Благодаря всем вышеперечисленным источникам в диссертационной работе обобщаются все имеющиеся материалы по животноводству таджиков, включая и новые сведения, собранные автором, на основе чего предлагается исследовательская работа по истории животноводства таджиков в конце XIX – начале XX вв.

1.2. Особенности природно-географических и агроклиматических условий развития животноводства в крае

Поскольку Средняя Азия, как физико-географическая область почти не имеет четко очерченных границ, отделяющих ее от соседних территорий, можно констатировать об искусственности установившегося географического понятия. Поэтому термин «Средняя Азия» в физико-географическом отношении являлся условным и ограничивался пределами только бывшего СССР.

В физико-географическом отношении Средняя Азия разделяется на две подзоны и два «меридиональных» сектора. Северная часть среднеазиатских равнин относится к зоне пустынь, а южная, обладая рядом климатических особенностей, относится к субтропическому поясу.

В меридиональном направлении Средняя Азия делится на западную (Туранскую) и восточную части. Границей является линия – Тянь-Шань,

Каратау, Таласская долина, Алатай, Ферганский хребет, между Кашгарской и Ферганской впадинами по Заалайскому хребту и западной границе Памирского нагорья¹. Памир является территорией, так называемой в литературе Восточным Памиром, в отличие от резко расчлененного Западного Памира, называемого Бадахшаном (хребты Петра Первого и Дарвазский относятся к нему). Граница между Бадахшаном и Памиром, согласно К. В. Станюковичу, проходила от р. Памир по р. Мац и Кокбай, через перевал Кокбай, западной окраине озера Яшилькуль, по хребту Базардара, через перевал Пшарт, по хребту Музкол до пика Западный Музкол, далее до пика Ходжаджайлау и Северный Танымас, по хребту Биляндкиик до пика Нанкельды, на ледник Зулумарт и по одноименному хребту до гребня Заалайского хребта². Хребты Петр Первый, Дарвазский и Заалайский относятся к Памиру.

Гиссарский хребет является водоразделом между бассейнами Зарафшана и Амударьи. С южного склона этого хребта берут свое начало реки Кафарниган и Сурхандарья, являющиеся притоками Амударьи. Широкая межгорная впадина, расположенная между Гиссарским хребтом и Бабатагом, называется Гиссарской долиной.

Восточнее р. Кафарниган по юго-западному направлению, параллельно ей, тянется хребет Октау, продолжением которого является Каратегинский хребет. Параллельно Каратегинскому хребту к юго-востоку расположены горные гряды под названием хребты Вахша, Кухитеке и Хозратишо.

Между горами Октау на западе и Чалтау на востоке расположена долина р. Вахш с абсолютной высотой до 300-400 м. Этот район под названием Таджикская депрессия или Южно-Таджикская депрессия простирается на юг до Банди-Туркестана и Гиндукуша как южное обрамление.

¹ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 610.

² Станюкович К. В. Еще раз о том, что называется Памиром // Известия Всесоюзного географического общества, 1952. Т. 84. № 4. С. 14.

Долина Пянджа – Амударья (южная часть этого обрамления) делится на две части: северную – таджикскую и южную – афганскую. Последняя составляет обширную равнину. Следует отметить, что характерной чертой климата Средней Азии являются большая солнечность, засушливость и континентальность¹.

В Средней Азии осадки выпадают в холодную половину года. Месячный максимум осадков приходится на начало весны. На равнинах осадки выпадают в виде дождя и снега. В горах зимние осадки образуют снежный покров, толщина оказывается разнообразной в зависимости от рельефа и других природных условий. Особая характерная черта заключается в том, что в горах наблюдается сложная вертикальная климатическая поясность, в результате которой отмечается смена поясов от пустынного к степному, лесолуговому, поясов альпийских лугов, вечного снега и ледников. По высоте расположения указанные пояса в горах Средней Азии размещены в различных ее районах весьма разнообразно. Однако характерной чертой для гор Средней Азии является то, что степь и даже пустыня простираются далеко вверх. Исходя из этого, в горных районах осадков выпадает больше, чем на равнине, что зависит от высоты и ориентировки склонов. При этом месячный максимум осадков приходится на начало весны. На равнинах осадки выпадают в виде дождя и снега, что не всегда приводит к снежному покрову. В горах зимой снег образует снежный покров, продолжительность залегания которого увеличивается с высотой, а толщина в зависимости от рельефа и других условий. Это все благоприятствует развитию луговой растительности, что является важным для развития животноводства. Малое количество осадков характерно для многих горных районов Средней Азии.

Переход от горных областей Средней Азии к среднеазиатским равнинам составляет полосу наклонных равнин, имеющей неправильную, извилистую форму, местами довольно широкой или вклинивающейся.

¹ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 119.

Исследователи горными долинами называют места, расположенные на высотных пределах между 1400 и 2600 м, а выше этого относят к высокогорным долинам¹.

Наибольшей ширины полоса наклонных равнин достигает к западу от Каткальского хребта, в районах впадения в Сырдарью ее правых притоков – Бодсу, Чирчика, Ангрена. Областью наименьшего годового количества осадков (около 75 мм) является район междуречья Сырдарьи и Амударьи. Сыр-Дарья – самая известная река в Средней Азии доставляет неисчислимы выгоды земледелию, орошая посредством проводимых из нее каналов, пахотные поля, которые без этого пособия были бы вовсе неспособны к обрабатыванию².

Для предгорных районов Средней Азии, преимущественно ее восточной части, характерен климат степей с теплой зимой. На равнине представлен климат пустыни, который делится на 2 группы – климат пустынь с холодной зимой и климат пустынь с теплой зимой. Осадки в горах и предгорьях имеют весьма большое значение для развития культурной и луговой растительности³.

В Средней Азии проявляется разнообразие растений гор по отношению к температурному фактору, изменяющемуся в зависимости от высоты местности над уровнем моря. Поэтому в горах встречаются виды теплолюбивых растений и виды растений, способных произрастать в местностях с низкими температурами. Следует добавить, что в горных и высокогорных районах, особенно в бассейнах горных рек в различных местностях, природа способствовала появлению различных микроклиматических районов. Нередко приходится удивляться тому, что в одном соседнем селении выращивают те виды растений, которые

¹ Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан // Избр. тр. в 5-ти томах. М.-Л., 1959. С. 81.

² Записки Императорского Русского географического общества. Книжка 3. СПб., 1849. С. 170.

³ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 119.

совершенно не характерны для другого, недалеко расположенного селения. Это, как правило, влияет и на ведение хозяйства в этих селениях.

В западной части Тянь-Шаня, на Алайском, Туркестанском и Зеравшанском хребтах, распространены растения из семьи злаков – пырей волосоносный, ячмень луковичный, из разнотравья – девясил, мальва, скабиоза, синеголовник, эремурус и др. В северной части Средней Азии такой тип растительности из полынно-типчаково-ковыльных семей.

Как видим, Таджикистан расположен на самой высокогорной территории Центральной Азии. Исходя из вышесказанного, климатические особенности обусловлены большим разнообразием природных условий, сочетающихся с горными рельефами, характеризуется сухостью воздуха и высокими летними температурами, что и создает климатическую особенность по всей территории республики.

Система высоких горных хребтов, окружающих данную территорию, защищает от холодных вторжений воздушных масс с севера, что является причиной того, что зима в южных районах, находящихся под прикрытием Гиссарского, Зеравшанского и Туркестанского хребтов, значительно мягче, чем в северных районах¹.

Особая роль в формировании климата принадлежит солнечной радиации, сумма которой за год продолжительности в Таджикистане очень велика.

Особо следует отметить, что зима в южных и юго-западных районах республики имеет циклонический характер. Их происхождение ведет за собой холодную и прохладную погоду, которая через несколько дней становится ясной, но в этот период часто происходит процесс повторяемости зимних туманов.

Весна в Таджикистане наступает быстро, иногда рано. Хотя это время

¹ Асоев, Н. М. Эрозия и проговоэрозийные мероприятия в зоне орошаемого земледелия Таджикистана : дис. ... док. сельхоз. наук : 06.01.01. / Асоев Нурали Махмадуллоевич. Душанбе, 2012. – 319 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/eroziya-i-protivoerozionnye-meropriyatiya-v-zone-oroshaemogo-zemledeliya-tadzhikistana>

характеризуется крайне неустойчивой погодой, вуалируется со сменой температуры и вторжениями теплого и холодного воздуха.

Летом на данной территории ясная, сухая и жаркая погода, хотя иногда сопровождается пыльными бурями. Но заметное понижение температуры воздуха не происходит и не наблюдается осадков.

Уже в начале осени в горах и долинах происходит некоторое изменения климата, возникает процесс вторжения холодных ветров, что завершается образованием обширных антициклонов, хотя этот период характеризуется длительной теплой, солнечной и сухой погодой. Во второй половине осени активизируется циклоническая деятельность, наступает период дождей. В конце осени и начале декабря в горах отмечается переход к новому зимнему периоду. На основе формирования температурного режима и сезонности, вертикальной поясности, условий увлажнения и других признаков в республике выделено 11 агроклиматических районов, в той или иной степени влияющих на весь комплекс формирования погодных условий¹.

Для Гиссарского и Дарвазского горных хребтов характерны основные виды растений и летние пастбища. Согласно Н. Ф. Гончарову, в пределах этих хребтов выделяются три пояса растительности: а) среднегорный пояс древесно-кустарниковой растительности (от 1100 до 2400-2800 м); б) пояс субальпийских лугов (от 2400-2800 до 3200-3500 м); в) пояс альпийских низкотравных лугов (свыше 3200-3500 м)².

В горной части растительность имеет характер значительного разнообразного приспособления к температурному изменению, зависящему от высоты местности. Например, травяная растительность среднегорного пояса встречается почти во всех частях Таджикистана: юган, камол, таран, лисохвост. Отчасти поэтому преимущественно обширные летние пастбища

¹ Асоев, Н. М. Эрозия и проговоэрозийные мероприятия в зоне орошаемого земледелия Таджикистана : дис. ... док. сельхоз. наук : 06.01.01. / Асоев Нурали Махмадуллоевич. Душанбе, 2012. – 319 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/eroziya-i-protivoerozionnye-meropriyatiya-v-zone-oroshaemogo-zemledeliya-tadzhikistana>

² Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 59.

альпийской и субальпийской зоны были расположены в горной части Каратегина и Дарваза.

Кобрезники, являющиеся самостоятельным типом растения, распространены на высоте 3000-3500 м. Как кормовые угодья, кобрезники имеют большое хозяйственное значение. Урожайность достигает до 25 ц/ га. Они являются ценнейшим видом кормовых угодий летних высокогорных пастбищ Средней Азии¹.

Хорошими урочищами были для пастьбы скота Кыздара, Серобораи Пушти Шибар, Серобораи Пушти Тург, Айлоки Калон и т.д. Прекрасные пастбища были и на Зеравшанском хребте. Как писал А. И. Липский, пастбища были расположены в горах на склонах. Здесь было много овец, также лошадей, которых гнали на лето к истокам Ягноба из равнин и, главным образом, из Ура-Тюбе. Особо следует отметить пастбища в ущелье реки Сангдара, представляющее собой пастушеское эльдорадо. О прекрасных пастбищах этих мест писал и М. С. Андреев. Самые лучшие пастбища были расположены в верхних селениях Ягноба².

На территории Истаравшана меньше пригодных пастбищ. Территория Ура-Тюбе не менее половины занята горами, покрыта камнями и галькой. Территория Матчи по естественным условиям – климата, почвы и растительности, относится к горной зоне, а некоторая часть ее – к высокогорной зоне, то есть к зоне альпийских лугов.

В альпийских лугах обычными растениями являются горец (*Polygonum viviparum*), фиалка (*Viola alaic*), камнеломка, различные виды одуванчика (*Toxaspp*) и ясколок (*Cerastium*). Высота травостоя – от 5-10 до 20 см.

Субальпийские луга расположены ниже альпийских. Здесь преобладают злаковые растения овсец (*Avenastrum*), лисохвост (*Alopecurus sougoricus*), овсяница (*Festucarubra*), трищетинник (*Trisetum spicatum*) и др. Здесь более распространены манжетковые, зонтиковые и гераниевые луга,

¹ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 337.

² Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 195.

являющиеся хорошим кормом для скота. Именно этот пояс играет важную роль в хозяйственном развитии скотоводства, поскольку такие пояса являются продуктивными летними пастбищами. Урожайность их колеблется от 9 до 18 центнеров с га¹.

Южную часть Таджикистана занимают горные возвышенности, изобилующие пастбищами, которыми пользуются кочевые и полукочевые скотоводы, а также местные жители. Горы не достигают большой высоты. Эта зона, в основном, использовалась как зимние пастбища.

Луга среднегорные, в отличие от вышеназванных, отличаются рядом эколого-биологических признаков. Они связаны с гораздо более мягкими, умеренными климатическими условиями. Здесь обычными являются такие растения, как ежа, коротконожка, веник, костер, пырей и др.

На границе от 1100 до 1700 м на севере и от 1600-2300 м на юге растительный покров отличается большим разнообразием и представлен лугово-степным разнотравьем, хвойными и широколиственными лесами. В южном Узбекистане и в юго-западном Таджикистане встречаются: ежа, костер, вика и многие другие растения.

Для животноводства, кроме высокогорных альпийских пастбищ, которые использовались в летнее время, были пригодны и пустынная зона в низовьях рек Вахш, Пяндж, Сурхоб, а также в среднем течении дельты Амударьи и низовьях дельт рек Зеравшан, Кашкадарья и Мургаб, для которых были характерны тростниковые заросли.

Пойменные луга, расположенные в долинах, состоят из тростника и вейника (*Phragmites communes*), которые образуют участки сплошных зарослей тростника. Можно встретить и луговые сообщества из вейника. Тростниковые заросли особенно характерны для дельты Амударьи, Зеравшана, Кашкадарьи, Мургаба и др. Площади с тростниковыми зарослями обыкновенно используются для выпаса крупного рогатого скота и лошадей.

¹ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 336.

Продуктивность тростниковых зарослей достигает 115ц/га.

Исторический анализ растительности Средней Азии показывает различие между отдельными частями данного региона. Эти различия соответствуют физико-географическим условиям. Вся территория Средней Азии делится на четыре района – Туранский, Казахский, Памиро-Тяньшанский и Джунгаро-Алтайский, что соответствует геоботаническому районированию. Оно основано на характере растительности, ее типах, отношениях к растительности сопредельных стран, условиях существования растительности и т.д.

Таким образом, географическая и агроклиматическая характеристика Таджикистана отличаются большим многообразием экологических форм и пастбищных угодий с различной кормовой растительностью. Географическое расположение горных и предгорных регионов в прошлом способствовало развитию скотоводческого хозяйства и многообразию форм данной отрасли.

Развитию животноводства Таджикистана благоприятствовали климатические условия¹. Для огромной территории, ставшей для нас объектом исследования, были характерны различные системы содержания скота, в зависимости от природно-климатических условий различных природных зон. В физико-географическом отношении на данной территории имеет место различие в климатическом отношении. Например, равнинные районы южной части республики относятся к зоне климата пустынь, для которой характерна высокая температура воздуха и резкие ее колебания. Горным районам характерны горные черноземы, используемые, главным образом, под богарные посевы и под пастбища².

Существенное значение из числа природных факторов, влияющих на изменчивость домашних животных, имеют физические свойства почвы. От состава почвы, в известной мере, зависят качество кормовой растительности,

¹ Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. М.: Академия наук СССР, 1950. С. 848.

² Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930. С.77.

а также большая или меньшая распространенность различного рода бактерий, количество минеральных солей в почве. Следовательно, кормовая растительность непосредственно могла повлиять на характер и интенсивность роста животных¹.

Покосные угодья в горной части были естественно-общинными. Кишлачные угодья, в свою очередь, делились на частные и общинные. Такая собственность больше была характерна для равнинной и предгорной зон. Общинные земли имелись как в орошаемых зонах, так и в горной части и предгорной зонах, но в ограниченном количестве. В предгорной и горной зонах, где большинство участков земли отводилось под пастбища, ощущалась нехватка покосных участков, и население было вынуждено арендовать сенокосные угодья на отдаленных, труднодоступных горных участках, в основном взамен скота.

На основе народных знаний, где учитывались зональность, выделялись территории под пастбища с определенными видами трав и их урожайностью, питательностью (калорийностью), расположение по отношению к солнцу (солнечная или теневая). Разумеется, между растениями равнинной и горной зон наблюдаются существенные различия в химическом составе и питательности. В растениях последней зоны наблюдается повышенное содержание белков.

Академик-историк Б. И. Искандаров разделял выпасы скота на следующие категории: «аилоки омма», аналогично ей – «аилоки подшохи», а также «аилоки кишлок», которые были настолько сходными, что порою невозможно было установить между ними грань². По нашим полевым материалам, «аилоки омма» является общинным пастбищем без права продажи в частную собственность, а «аилоки подшохи» были собственностью государства. Эти пастбища отпускались в аренду, как

¹ Колесник Н. Н. Эволюция крупного рогатого скота. Труды таджикского филиала АН СССР. 1949. Т. 25. С. 49.

² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. Т. 32. Ч. 1. С. 108.

амляковые земли.

На Памире аналогичные пастбища назывались «чарогохи мири», т.е. «эмирские пастбища». На эмирских пастбищах пасся только скот эмира.

Пастбища, в зависимости от природно-географических и климатических условий, делились на сезонные – летние, зимние и весенне-осенние; они располагались на трех зональных ярусах. Летние пастбища располагались в горной и высокогорной частях и использовались только в летнее время – от 2-х до 4-х месяцев. Особо следует сказать о пастбищах в альпийских и субальпийских зонах на хребтах Каратегинский, Петр I и Дарвазский. На Каратегинском хребте имелись такие пастбища, как: Кыздара (Девичье ущелье), Саробораи-Пушти-Шибар (Склон над болотом), Саробораи-Пушти Гург (Склон за большим камнем – Гург), Айлоки Калон (Большая летовка). На хребте Петра I – Тупчок Каракуль (Черное озеро), Хафтсола (Семилетка), Хазрати Шох (Святой шейх). На Дарвазском хребте – Каракутан (Черный загон), Сари об (Начало реки), Хирсдара (Медвежье ущелье), Зирадара (Тминное ущелье), Чармдара (Ущелье кож), Тахмдара (Широкое ущелье), Хошмерган (Святой мерган), Дорчуб (Виселица), Пшогад и т.д. Высокогорные пастбища с обильной сочной растительностью, с прохладным климатом и изобилием воды были весьма благоприятны для быстрого нагула животных¹.

Весенне-осенние пастбища играли огромную роль в скотоводческой отрасли. Они были расположены в предгорной зоне и являлись промежуточными между летними и зимними пастбищами, и поэтому в отличие от долины, были объектом двойной нагрузки. Обязательная, неизбежная смена пастбищ летнего периода на зимнее, а затем зимнего периода на летнее не представлялась возможной без промежуточной, акклиматизированной зоны для выпаса скота. Поэтому эти промежуточные пастбища и являлись объектом двойной нагрузки, что компенсировалось

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Ч. 1. С. 152.

наименьшим временем их эксплуатации. Зимние пастбища, скорее всего, охватывали равнинную зону и служили одновременно и зимовкой для скота. В степных долинах и на побережье рек Сыр-Дарья, Зеравшан, Пяндж, Вахш, Сурхоб и Яхсу каждое скотоводческое хозяйство практиковало отгонное овцеводство и пользовалось всеми видами пастбищ. Использование зимних пастбищ для скотоводов обходилось недорого, чего нельзя было сказать о других видах пастбищ. Например, если скотовладелец арендовал государственные пастбища «подшохи» или «байни» (букв. «промежуточные»), которые были расположены в основном в предгорной части, то взамен из 40 голов овец отдавал одного барана. При этом обязательным условием было соблюдение правила, согласно которому поголовье скота, содержащегося здесь, не должно было превышать 200 голов. На Гиссарском хребте, в его складках имеются хорошие пастбища, привлекающие сюда летом скотоводов даже издалека. При кочевании этими пастбищами пользовались, главным образом, скотоводы узбекских этнических групп (локайцы, оча-майли, марка и др.), т.е. с юга; с севера же пригоняли стада со стороны Ура-Тюбе, Джизака и даже Голодной степи¹.

Как отмечал еще М. С. Андреев, в верхней части Гиссарского хребта имеются прекрасные альпийские луга-пастбища, привлекающие скотоводов, пригоняющих свое стадо сюда через высокие перевалы во второй половине лета на недолгий период не только из предгорий и равнин к югу от Гиссарского хребта, но и с севера – из Ферганы и даже Голодной степи².

Таким образом, пастбища в Ягнобе поражают богатством корма и своими площадями. Как уже отмечалось, лучшие пастбища были расположены именно в Ягнобе, но они, за исключением Куля, находились в руках «пришельцев»³. Здесь, в отличие от других мест, пастьба продолжалась дольше, начиная с появления первой травы весной до уборки хлебов осенью в течение 4-х месяцев, после чего скот отпускался пастись на поле до

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С.18.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 12.

выпадения первых снегов. Овцы продолжали пастись еще в течение 1 месяца, пока не наступали большие холода – морозы¹.

Для пастьбы в зимнее время крупного рогатого скота и лошадей также пользовались урочищами – тугаями, тростниковыми зарослями, которые были распространены по всем дельтам больших рек – Сырдарьи, Зеравшана, Сурхоба, Пянджа, Яхсу и др.

В предгорной и равнинной частях, где почти все пригодные участки земли были задействованы под зерновые культуры, пастбищных угодий было меньше. Ранней весной и осенью на сельских пастбищах и пахотных угодьях предгорной зоны скот проходил акклиматизацию после пастьбы на зимних пастбищах и возвращения с летовок. Сельские пастбища находились в чрезвычайно запущенном состоянии от непрерывного травления. Трава на них весной рано выгорала, и поэтому поправлявшийся немного за весну скот летом снова худел от недостатка кормов. Равнинная часть, где развивалось земледелие, имела больше резервов для зимнего пастбища, чем для летнего. Освобождались все земли под посевы, а также использовалась степь, где было полно злаковой полыни и солончаковых трав, земли вдоль русла рек, а также густотравные луга, тугаи и камыши. Малоснежность зимы создавала отличные условия для зимнего выпаса сотни тысяч голов скота. Если же зима была холодной, с ледницей, то для многих хозяйств создавалось катастрофическое положение. Хотя каждый скотовод предварительно заготавливал определенное количество сена на зимних пастбищах, его оказывалось недостаточно. С течением времени, по мере того, как кустарные заросли среднего пояса долины стали исчезать вследствие непрерывного истребления их кочевым населением, полоса эта стала обсыхать².

Кормовая база скотоводства является важным фактором благополучия и развития животноводческой отрасли, а также одним из факторов, определяющим формы скотоводства. Кормовую базу, ее основу составляют

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба Душанбе, 1970. С. 70.

² Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типография императ. ун-та, 1886. С. 17.

трава и луга. Они обеспечивают скот кормом в виде заготовок или трава потребляется во время пастьбы. Земледелие было одним из основных источников при заготовке кормов. В каждом хозяйстве хорошо знали, сколько саней «чигина» (сани-волокушки) пшеничного и ячменного самана следует заготовить на зиму. Любопытно, что ягнобцы не пользовались ни санями-волокушками, ни вьючными животными. Сено переносили, как и во многих горных местах, на спинах¹. В качестве компонентов питания для скота использовали также солому от пшеницы, гороха, чечевицы и др. Здесь ярко прослеживается связь двух отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства. Готовили также на зиму и сено.

Кормовые травы в основной своей массе были дикорастущими. Клевер в основном высевали в предгорной и равнинной зонах. Например, в Варзобе травы, поедаемые скотом, делятся на две части. Первую – «мушунгак», «торон», «йнушка», «парам», «печак», «хардумка» скот поедал в свежем виде, а вторую – «уган», «талха» (полынь), «камол» (дягиль), «мастак», «зардсарак», «хасани мает», «зуф» – в засушенном.

Сено обыкновенно изготавливалось в окрестностях селений. Клевер в Ягнобе не сеяли. Жали травы: «вигна», «гушша», «машшак», «ситка», «марг». Марг считается лучшим кормом для пахотных быков². Жатвы здесь производились во все времена серпом – «дирот» (ягн.), «дост» (тадж.). Дикорастущие травы поспевают раньше, чем посева, поэтому к заготовке сена на зиму приступали раньше, чем начинали жатву хлебов.

В Дарвазе основными кормовыми травами были юган, гис (дикий овес), мынч, гаша, говрышка (дикий клевер), торун, шибар и др. Сено мужчины переносили на спине, или перевозили вьюком на ослах. Связывали в снопы только клевер. Сено собирали в стог высотой до 3-4 м, который назывался «ли». В верховьях Пянджа стог называли: «лай» (Шугнан), «манг» (Язгулем, Ванч) и т.д. Стог хранили вблизи помещений для скота,

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 80.

² Там же. С. 79.

огораживали их стенками высотой в 1 м, или же стог укладывался на крыше хозяйственных построек или жилых помещений. Измельченную солому переносили в больших заплечных корзинах и помещали в специальные помещения для хранения – сараи «кахдон». В равнинно-долинной части остро ощущалась нехватка пастбищных угодий и сенокосных мест. Данный недостаток компенсировался искусственным возделыванием трав, которые вырастают так быстро, что их скашивают в лето три-четыре раза¹. На современной части северного Таджикистана для зимнего содержания скота в данный период хозяйства заготавливали до 70 пудов соломы².

Домашних животных кормили соломой от различных злаков (лошадей – от пшеницы; крупный рогатый скот – от бобовых, ячменя; коров перед отелом – от пшеницы и т.д.). В сараях размельченная солома от пшеницы хранилась отдельно от ячменной и бобовой³.

Таким образом, в горной части чаще применялся корм из естественных трав. Здесь часть населения для откорма коров (из-за нехватки кормов) была вынуждена использовать солому от льна – зигера, хотя она, в основном, предназначалась для добывания растительного масла. В горной части на зиму заготавливали следующие травы: «катраборон», «бомус», «ачрикалаф», «зогар» (в основном для мелкого рогатого скота); «мынч», «кахдарзаи кабут» – клевер (для лошадей и волов), саман из пшеницы, ячменя, чечевицы, гомук и т.д. Зимой скот здесь кормили только заготовленными ранее сеном и соломой. Мелкой пшеничной и ячменной соломой «майдаках» кормили крупный рогатый скот, лошадей и ослов, а сено «кахи дарза» шло на корм для мелкого рогатого скота.

Основным кормовым растением в равнинной части являлась юнучка –

¹ Записки Императорского Русского географического общества. Книжка 3. СПб., 1849. С. 181.

² Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов.Маргелан. 1894. С. 6.

³ *Мухиддинов И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX начале XX веков. Душанбе, 1984. С. 163.

клевер (*Medicago Sativa* var, *turkestanika*), культивируемый здесь с древнейших времен. Клевер в Фергане был известен с I-II вв. Эта культура для края как кормовое растение Туркестана принадлежит к одной из древнейших. Судя по описаниям путешественников X и XII вв.¹, так называемая люцерна или му-сю всегда украшала своею чудною зеленью Ферганскую долину. Это кормовое растение, быстро распространившееся в Центральной Азии на восток в Китай, играет в сельскохозяйственной жизни населения огромную роль. Судя же по тому, что эта культура приоритетная для каждого земледельца, можно полагать, что под эту культуру было занято очень много земли. Сеяли на приусадебных участках и на поливных землях. Она давала три укоса за лето. Четвертый урожай не косили, а вскармливали им скотину. Скошенную люцерну просушивали и хранили в сеновалах на зиму. Иногда ее продавали на базаре. Люцерна в основном шла на корм лошадям². Как пишется в отчете Военного Губернатора Ферганской области за 1892 г.: «благодаря условиям климата и при обильном орошении, будучи раз посеяна, дает прекрасное сено в течение 10-12 лет и снимает до 4-5 раз в лето»³.

Как отмечается в книге «Сельское хозяйство Туркестанского края», в среднем, каждая семья занимает под люцерну сравнительно незначительную площадь. Например, поселение, засеивающее ею лучшую десятину, считается уже зажиточным. В диком состоянии люцерна встречается здесь повсюду, в особенности в предгорье. Люцерну можно было встретить в Сырдарьинской области и в Фергане. Однако в диком состоянии люцерна не развивается так роскошно, как при искусственной культуре, в горах редко встречаются сплошные заросли ее, чаще же попадаются островки, в 2-3

¹ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан. 1894. С 6.

² Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 70.

³ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан. 1894. С. 6.

квадратных саженьях, причем люцерна в этих местностях чередуется с пыреем. В общем, это растение при практикующемся повсеместно орошении мирится со всякою почвою, какая только встречается в Туркестане. Вспашка здесь всегда производится за несколько дней до посева. Есть факты, говорящие за то, что в Наманганском, Андижанском и Ходжентском уездах под люцерну вывозится от 3-х до 6-х тысяч пудов навоза¹. В работе также сравнивается урожай люцерны с Западной Европой, где она дает укосы довольно обильные до 13-14 лет².

«Есть много указаний, подтверждающих, что при ежегодном, удобрении люцерновые поля давали хороший урожай в течение 15 лет, но такая продолжительность обыкновенно считается здесь максимальной. Обыкновенно люцерна держится на одном и том же месте 10 лет, после чего она содержит или много посторонних сорных трав, или же делается настолько редкою, что вынуждает хозяина пересеять поле. Если люцерна изготовлена для продажи, то снопы вяжутся значительно меньше, так как продажа сена производится здесь по счету снопов, а не по весу. В кишлаках, отдаленных от тех центров, где люцерна сбывается по весьма высокой цене, снопы вяжутся обхватом в 5-6 четвертей; там же, где люцерна предназначается для продажи, обхват снопов еле доходит до 4-х четвертей»³.

Об экономическом значении данного растения пишется, что «десятина хорошей люцерны дает до 1000 снопов сена, средняя – 600, а плохая – 400 в один укос. Следовательно, предполагая, что при благоприятных условиях население снимает 4 укоса, необходимо допустить, что ежегодно хорошее люцерновое поле дает до 4-х тысяч снопов, среднее – 2400, а плохое – 1600. Следовательно, в среднем, десятина люцернового поля дает здесь не менее 2800 снопов люцерны. Таким образом, валовой доход в течение 10 лет будет равняться 69 руб., или 69 руб. 60 коп. в год, не считая того корма, который

¹ О товарном характере люцерны в Туркестанском крае нами дополнительно освещается в разделе «Экономическое положение в Туркестанском крае». С. 110.

² Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 81.

³ Там же. С. 81.

ежегодно использовался в виде подножного.

Расходы на содержание люцернового поля слагаются так:

1-й год обработки – 3 руб., посев и заделка – 1 руб., семена на 2 посева по 2 руб. – 4 руб.; 1-й год удобрений (40 возков по 20 коп. и разбрасывание) – 10 руб.; уборка и связка в снопы 2-х укосов – 12 руб.

В течение следующих 9 лет будет расходоваться на удобрение (ежегодно) всего – 80 руб.; на уборку и связку в снопы в течение 8 лет по 4 раза и одного года 3 раза – 210 руб.; арендные деньги в течение 10 лет по 10 руб. десятина – 100 руб.

Всего в течение 10 лет потребуется расход в 420 руб., или на десятину в среднем 42 руб., следовательно, чистая выручка с одной десятины составит 27 руб. серебром. Если теперь принять во внимание, что люцерновые участки обрабатываются и содержатся самими хозяевами, то нельзя не прийти к тому заключению, что доходность этой культуры весьма значительна»¹.

Другим кормом между пропашными растениями на первом месте стоит джугара (*Sorghum setium*) – «чавори» для крупного рогатого скота и лошадей. О роли данного растения в Туркестанском крае отмечено в источнике «Сельское хозяйство Туркестанского края»². Пишется, что «это растение после пшеницы имеет наибольшее значение, как хлебное растение. В Ферганской и Самаркандской областях джугара составляет необходимую принадлежность волевого хозяйства туземцев. Так, например, проезжая через Кокандский уезд, приходилось видеть массу полей, занятых джугарою»³. Затем описывается технология сева данного растения: «джугара сеется обыкновенно вторым после сбора поля ячменя. Это обуславливается отчасти требованиям этого растения по отношению к теплу. Сеется обыкновенно в мае месяце, когда озимый ячмень уже убран, когда температура воздуха и

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 84.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 70.

почвы достаточно высока. До посева поле пашется 2-3 раза омачем, проводятся оросительные борозды сообразно скату поля, а на образовавшихся грядах сеется руками на 1 тана» (400 кв.с.) от 12 до 15 фунтов семян. Уборка производится не целыми растениями: снимаются посредством серпа только головки, а затем приступают к уборке стеблей, которые связываются в снопы и идут на корм скоту. Семена джугары идут на корм лошадям и на приготовление хлеба в смену с пшеничным. В Ферганской области лошади вместо ячменя получают джугару по 7 фунтов на голову в день. Так, в некоторых андижанских селениях для крупного рогатого скота высеивают джугару на зеленый корм, к словам указанного, десятина может дать 5-6 тыс. пудов хорошего зеленого корма¹.

После присоединения к России, наряду с джугарою стоит так называемая «менна-джугара» – обыкновенная кукуруза. Она вошла в культуру Средней Азии сравнительно недавно под названием «зиримакка»². Эти посева назывались «бачки» и производились на орошаемых участках, которые были освобождены от озимых культур. Зеленые стебли джугары являлись прекрасным кормом для крупного рогатого скота, а сухие стебли шли на топливо. Таким образом, утилизировались все части растения.

На территории Восточной части, в основном шла заготовка кормов дикими естественными растениями.

Заготовка сена и его скирд у таджикских скотоводов называлась по-разному: в Варзобе – «удма», в Кулябе – «шола», «хаф» или «ли», в Каратегине и Дарвазе – «ли», а также «ганак». Заготовка сена также обозначалась особыми терминами в зависимости от вида заготавливаемого растения. Ячменный саман, к примеру, назывался «сиех-ках», пшеничный – «коха-гандум», заготовленный из клевера – «кахдарзаи кабут». Место, где запасали и хранили саман, называли «кахдон», «кокдон». В высокогорных зонах также практиковалось хранение самана в больших вырытых ямах –

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 71.

² Там же. С. 72.

«ширдон», находящихся прямо на поле. Ямы были большими и глубокими (до 4-5 м). Следует отметить, что во многих домах в полу также рыли небольшие ямы – «чохи гандум», где хранили излишки пшеницы.

В Ягнобе сено предварительно разрезали на крыше серпом и только потом давали скоту. Имелось два способа подачи: в корзине вносили через дверь и клали в ясли скоту или высыпали через отверстие в крыше¹.

Часть селений, расположенных в предгорной зоне, отличались климатическими условиями, здесь сильно ощущалось вертикально-зональное деление. Исходя из этого, население на основе эмпирического опыта умело использовало в содержании домашнего скота сложные природно-географические условия. Более подробно о способе вертикально-зонального и дифференцированного деления и использования пастбищ остановимся на примере селений Ягноба, Хатлона и провинции Тохар (Афганистан), которые идентичны со многими селениями этой зоны. Здесь сельские пастбища в зависимости от рельефа местности и наличия на нем травяного покрова были рассчитаны на каждый вид скота. Пастбище для крупного рогатого скота называлось «молчаро» и находилось в нижней части селения. Мелкий рогатый скот пасся в верхней части – слева и справа от селения стадо пасли по очереди – то слева, то справа, очередность менялась каждые 10 дней. Такой способ давал возможность отдохнуть травяному покрову, а почва предохранялась от эрозии. В это время большая часть населения выходила на летовье, которое располагалось в самой верхней части. И здесь пастбище было разделено в соответствии с каждым видом скота. Следует отметить, что зональное деление пастбища происходило с учетом природно-климатических факторов. Необходимость длительного пользования пастбищем и сохранение на нем калорийного корма в условиях горного края требовало рационального подхода к нему.

Северо-восточная часть Хатлонской области, в зависимости от климатических и природно-географических условий, по нашим

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 80.

этнографическим материалам, традиционно делилась на две зоны — дара и тагнов, которые, в свою очередь, делились еще на несколько подзон:

ДАРА	ТАГНОВ
Боло – дара	Тагов
Мини – дара	Айлокчой
Пуни - дара	

Традиционное деление на зоны и подзоны вполне соответствовало реалиям, и было принято нами без каких-либо изменений. Наравне с земледелием, в северо-восточной части Хатлонской области были развиты скотоводство, садоводство и некоторые виды домашнего ремесла. Количество поголовья скота здесь было намного меньше, чем в равнинной части этой области. Сложные природно-географические условия местности являлись главной причиной ограничения поголовья и видов скота. В соответствии с этими природно-географическими и климатическими условиями и были разработаны целые системы и способы ведения скотоводческого хозяйства.

Зона дара, в отличие от зоны тагнов, отличалась диагонально-зональным расположением и неограниченным запасом подножных кормов. Между тем, эти отличия в подзонах смотрелись по-разному. Так, в подзоне – пуни-дара большое значение придавалось присельскому пастбищному содержанию, так как летом обширные пастбищные угодья полностью обеспечивали содержание скота на подножном корму. Домашний скот преимущественно содержался на присельских пастбищах. Здесь было ощутимо преимущество земледельческой отрасли хозяйства. Население наравне с запасами сена из естественных трав имело возможность также запасаться пшеничным, ячменем и другими видами самана. Часть хозяйств в летнее время перегоняла свой скот на более высоко расположенное пастбище – на летовку. Зимой скот содержали в основном в стойлах. В этой зоне

климат был умеренным и теплым.

Подзона «мини-дара» отличалась от нижней зоны тем, что здесь местные пастбища и угодья полностью отвечали всем требованиям скотоводческих хозяйств. Умеренный и теплый климат этой подзоны позволял в зимнее время содержать скот на подножном корму.

В самой верхней подзоне «боло-дара» были раскинуты обширные альпийские луга. Возделанных участков здесь было меньше, так как часть земли отводилась под пастбища и сдавалась в аренду богатым овцеводам. Здесь в летнее время паслись тысячи голов с равнины. По сравнению с другими подзонами, здесь почти отсутствовал выход населения на летовку, так как присельские пастбища весь летний сезон могли удовлетворить потребности скота в подножном корме. Обработанные и засеянные участки были расположены в стороне от присельских пастбищ, что страховало посев от потравы. Здесь снег держался дольше, чем в нижней части подзоны. Поэтому многие хозяйства этой подзоны в связи с ограничением запасов кормов были вынуждены содержать свой скот в нижней подзоне – «мини-дара» или «пуни-дара».

Зона тагнов, в отличие от зоны дара, имела другой климат. Здесь особо давало знать вертикально-зональное и природно-климатическое расположение местности, имеющей свои микроклиматические условия. Исходя из этого, население на основе эмпирического опыта научилось содержать домашний скот в сложных природно-географических условиях. Более подробно о способе вертикально-зонального и дифференцированного деления и использования пастбищ остановимся на примере селения Сари Намак, идентичном многим селениям этой подзоны – Сари Магзор, Чиск, Ел, Амринг, Порвор и др.

Присельские пастбища, в зависимости от рельефа местности и наличия на нем травяного покрова, были рассчитаны на каждый вид скота. Пастбище для крупного рогатого скота называлось «молчаро» и находилось в нижней части. Мелкий скот пасся в верхней части, слева и справа от кишлака (выпас

на одной стороне длился 10 дней). С наступлением лета крупный рогатый скот перегонялся на пастбища Лошан и Сари Нухас, расположенных на уровне пастбищ для мелкого скота. Здесь пастьба также велась попеременно то на одном пастбище, то на другом. Этот способ давал возможность восстановиться травяному покрову пастбищ. В это время большая часть населения выходила на летовье, которое было расположено у подножья горы Масаркух. Здесь пастбище также разделялось в соответствии с каждым видом скота.

На летовке, утром, первым выводили на пастьбу мелкий скот. Его пасли в верхней части пастбища. После доения коров выгоняли на кустарниковое пастбище, где было больше тени и воды. Оно находилось ниже, чем пастбище для мелкого скота. Коровы паслись чаще без присмотра. Последним выводили на пастьбу молодняк. Его пасли непосредственно поблизости от загонов.

Следует отметить, что вертикально-зональное деление пастбища происходило с учетом природно-климатических факторов. Ограниченность площади под пастбище, необходимость их длительного пользования и сохранение на нем калорийности корма в условиях горной северо-восточной части (Даштиджума) требовали рационального к ним подхода.

Попеременное использование пахотных угодий и сельских пастбищ было характерно почти для всей территории Хатлонской области.

По нашим этнографическим материалам, в Хатлонской области в конце XIX – начале XX вв. сенокосы и пастбища считались общинными владениями. Некоторые материалы свидетельствуют о бытовании семейно-патронимического и сельскообщинного покосов. Организация изменения сельскообщинных покосов и их эксплуатация целиком входила в обязанность сельской общины. Наши полевые материалы и литературные источники свидетельствуют о том, что были и частные пастбища и сенокосные угодья, которые отдавались в найм богатым скотоводам. Эти факты являются показателем того, что в это время происходил процесс становления новых

социальных слоев и рост товарно-денежных отношений.

После уборки урожая в качестве пастбища использовались участки, освобожденные от яровых культур. У таджиков Ягноба, Куляба, Дарваза, Припамирья, Сурхандарьи и др. в течение 4 месяцев с середины осени до начала весны – крупный рогатый скот всех общинников свободно пасся на полях верхнего и нижних ярусов, которые таким образом одновременно получали некоторое количество удобрений. Пастьба скота на пахотных угодьях имела также цель унавождения почвы удобрением.

Ликвидация пара потребовала, с одной стороны, введения в постоянный севооборот кормовых бобовых, а с другой – более тщательного накопления и использования имеющихся органических удобрений. Интересно отметить, что в Афганистане ликвидация пара обязывала всех членов общины высвободить поля от посевов в одно и то же время для превращения их в общинный выгон для скота. Помимо пастьбы скота на стерне и сбора удобрений в период зимнего стойлового содержания в селениях строили общинные летние загоны, где содержали скот всех общинников специально для накопления большого количества навоза¹. Здесь скот питался заготовленными кормами, и только на сравнительно небольшой период времени стадо выгоняли на подножный корм в горы. Для этой цели община нанимала пастуха, которому платила из расчета 1 ман (4,6 кг) зерна с каждой головы скота за сезон.

Таким образом, у таджикских скотоводов в конце XIX – начале XX вв. пастбища считались общинными владениями, но как уже отмечалось, были и частные пастбища и сенокосные угодья, которые отдавались внаем богатым скотоводам. По вопросу покосных угодий следует отметить, что они у таджиков были нескольких видов: общинные, частные и общие, располагались, в основном, в равнинной и горной частях, делились на поливные и естественно-богарные виды.

¹ *Махмадшоев Р.* Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. Душанбе: Дониш, 2001. С. 75.

Земледелие играло большую роль в обеспечении запасов кормов на зиму. В 20-е гг. XX в. некоторые летовки перешли в собственность зажиточных крестьян, что сократило количество общинных пастбищных угодий. Необходимо отметить, что в Фергане по мере оскудения среднего пояса предлагалось обратить внимание на широкую эксплуатацию горных пастбищ – летовок, с другой стороны это привело к истреблению горных лесов вблизи таких населенных пунктов, как Исфара, Маргелан и т.д.¹

Следует также подчеркнуть значение рационального использования покосов и способов выпаса пастбищных угодий в горных, малоземельных местностях с вертикальной зональностью, где сильно ощущалась нехватка пастбищных и покосных угодий. Используя богатый эмпирический опыт и многовековые знания, население старалось сохранить пастбищные угодья от истощения. Передаваясь из поколения в поколение, закреплялись и становились этнической традицией, традиционными приемами.

Роль земледельческой отрасли, как источника кормов в развитии скотоводства, была значительной. Особенно четко она ощущается в равнинной и предгорной зонах, где земледелие было главной отраслью сельского хозяйства. Пастьба скота на стерне была характерна таджикам многих регионов как равнинной, так и горной части, что еще раз подчеркивает тесную связь этих двух отраслей хозяйства – скотоводства и земледелия.

Особо следует отметить тот факт, что во многих горных селениях действовали строгие законы общины об ограничении поголовья скота с целью недопущения перегрузки пастбищ. Это можно объяснить тем, что здесь сама вертикальная зональность и физико-климатические условия местности являлись своего рода ограничителями. В равнинной части ограничителем служило высокоразвитое земледельческое занятие.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что пастбища в горной части с

¹ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типография императ. ун-та, 1886. С. 17.

горизонтальной зональностью, в зависимости от природно-географического расположения местности, делились на летние, зимние и весенне-осенние. Они располагались в трех зонах: в горной – летние, альпийские; в предгорной – весенне-осенние и в равнинной части – зимние. Все они, в свою очередь, делились по предназначению видов скота: для крупного рогатого скота (дойного), для рабочего скота и яловых, а также для мелкого рогатого скота. В подобном делении особую роль играли природные факторы местности. Именно рациональное использование пастбищ давало возможность в условиях такой перегрузки сохранить свое экономическое значение.

Таким образом, рациональное использование покосов и способов выпаса пастбищных угодий в горных, малоземельных местностях с вертикальной зональностью, где сильно ощущалась нехватка пастбищных и покосных угодий, имело большое значение. Используя богатый эмпирический опыт и многовековые знания, население старалось сохранить пастбищные угодья от истощения. Эти навыки передавались из поколения в поколение, закреплялись и становились этнической традицией, традиционными приемами.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА У ТАДЖИКОВ

2.1. Исторические этапы развития животноводства у таджиков

Изучение исторического аспекта развития скотоводства помогает выяснить социально-экономическое положение таджиков в конце XIX – начале XX вв. Как свидетельствуют исторические, археологические и этнографические материалы по истории животноводства таджиков, сохранилось много архаических представлений, восходящих к ранним этапам истории своего развития, зародившись еще в раннем родовом обществе. Это, в свою очередь, еще раз доказывает наличие этнокультурной особенности таджикского населения в ведении данного хозяйства, и для полноты освещения данной темы, исходя из общей необходимости логической увязки с прошлым, необходимы ретроспективные отступления, то есть необходимо затронуть более древние и древнейшие периоды истории таджикского народа и его предков.

Производящая экономика (земледелие и скотоводство) начала формироваться в начале эпохи неолита, когда первобытный человек научился изготавливать глиняную посуду, делать шлифованные орудия труда из камня, оседать в определенных местностях и создавать человеческие поселения.

Большое значение в истории экономики скотоводства имел процесс domestikации животных. Так, археологические данные свидетельствуют о том, что приручение диких животных прослеживается в VII-VI тысячелетие до н. э.¹

Согласно археологическим данным, первоначально скотоводство было

¹ *Коробкова Г. Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М., 1989. С. 155; *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981. С. 124–125.

стойловым, с зачатками выгонного выпаса¹. Следует добавить, что на этой стадии животные, в связи с недостатком кормов, пытались приблизиться к людским стоянкам. Человек успешно использовал сложившееся положение – он стал добывать мясо, а затем и шкуры. В течение определенного исторического периода человек освоил новый продукт – молоко. Освоение земледелия и приручение животных явились величайшей победой человечества, освободивших людей от вечной угрозы голодной смерти, давших им уверенность в завтрашнем дне. К концу VI тысячелетия до н. э. человеком был приручен и крупный рогатый скот².

До II тысячелетия до н. э. южный Таджикистан являлся основным регионом распространения гиссарской неолитической культуры. Экономической основой данной культуры и ведущую роль в хозяйстве гиссарцев играло скотоводство³. В этом плане уверенно можно сказать, что в период неолита гиссарская этническая общность считается первым автохтонным образованием (группой родственных племен) на этнической территории образования таджикского народа.

Как отмечают ученые-историки, расположение и характер памятников бронзового века – на данной территории широкое расселение здесь племен древнебактрийского региона было связано с усилением скотоводческой отрасли; в их экономике и в конце бронзового века наблюдались подвижные формы скотоводства. К началу эпохи бронзы – II тысячелетие до н. э. начинается расселение степных племен из более северных областей в южные районы Средней Азии. В результате контактов продвижения степных племен с разно-культурными племенами на юге Таджикистана сложились оригинальные комплексы и культура.

В хозяйстве в большей части этих племен ведущую роль играло

¹ Османов М-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. // АН СССР. Дагестанский филиал Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. М., 1990. С.46.

² История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 117.

³ Там же. С. 164.

скотоводство. На развитие многих степных культур повлияли контакты с соседними древнеземледельческими цивилизациями, хотя в материальной культуре имелись некоторые отличия – поселения степных племен, в противоположность южным земледельческим, обычно не были долговременными: население часто меняло места своего обитания, что зависело от конкретных экологических условий.

Причиной массовых племенных миграций, скорее всего, были различные политические или палеоклиматические условия¹. В это же время существовали и встречные – с востока на запад, передвижения отдельных племенных групп, в частности, харапских племен. Вследствие этой миграции можно считать влияние древнеиндийской цивилизации, что прослеживается в Маргиане и Бактрии. В период энеолита производящая экономика – земледелие и скотоводство развивались особенно интенсивно.

Расположение Средней Азии в центре Евразийского континента, ее природные контрасты в значительной степени обусловили своеобразие и неравномерность исторического развития различных ее регионов в бронзовом веке. Это, в свою очередь, повлияло на направленность генетических связей и культурных контактов. Южные области Средней Азии исторически входили в зону оседло-земледельческих культур и цивилизаций Древнего Востока, а северные районы являлись частью другой крупной культурно-хозяйственной зоны Евразии – степной, где производящая экономика, в целом, развивалась преимущественно по скотоводческому пути. Сама Средняя Азия являлась ареной постоянных межплеменных контактов и миграций, сопровождавшихся взаимными влияниями и ассимиляцией различных культурных традиций².

Именно в эпоху бронзы производящая экономика степных племен достигает наибольшего расцвета. Одним из очагов среднеазиатской степной

¹ Асимов М. С. Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (2 тыс. до н. э.). М., 1981.

² История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 127.

бронзы и железа стала особая кайракумская культура, выявленная Б. А. Литвинским на берегу реки Сырдарьи, на территории западной части Ферганской долины¹. Основным занятием кайракумцев было скотоводство. Здесь были обнаружены множество костей крупного рогатого и мелкого скота, а также лошадей. Кайракумцы занимались и земледелием. В поселениях были найдены каменные зернотерки и терочки. Население также знало прядение, ткачество и горное дело – занималось бронзолитейным производством. Кайракумская культура охватывает период II – I тысячелетие до н. э. Характер и расположение памятников эпохи бронзы на рассматриваемой нами территории позволяют сделать вывод о том, что широкое расселение племен здесь было связано с усилением роли скотоводческой отрасли в экономике конца бронзового века, а также с появлением подвижных форм скотоводства. Этот процесс хронологически совпал с активной волной продвижения степных племен в южные районы Средней Азии².

Коротко остановимся на сведениях о расположении селений в древнейший период. Археологические данные южных районов современного Таджикистана свидетельствуют о том, что все помещения, обнаруженные в Тегузаке и Дахане, имеют П-образную форму планировки, открытые с одной стороны. На этих поселениях вскрыты фундаменты из камней, вкопанных ребром. Возможно, они являлись укреплением каких-то более легких конструкций типа заслонов, из веток каких-нибудь растений. Здесь были также обнаружены круглые жилища легкого типа, обложенные камнями по основанию. После очищения остатков каменной кладки в плане образовался круг³.

На основе анализа четырех поселений бронзового века: Кангурттуте Бзраккуру, возле кишлака Каигурт, вблизи Дангары; Тегузак, на

¹ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайракумов // История таджикского народа. М., 1963. Т. 1. С.115 – 124.

² История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т.1. С.163.

³ Там же. С. 164.

левобережье современного Нурекского водохранилища, между Нуреком и поселком Себистон и Даха территории г. Нурек¹ можно проследить различные виды хозяйствования позднего неолита и ранней бронзы.

Эти поселения были расположены в сходных экологических условиях – (т.е. на адырных склонах предгорий, в местах, благоприятных для выпаса скота и ведения богарного земледелия), экономика жителей горных поселений имела комплексный характер. Об этом свидетельствуют обнаруженные зернотерки, отпечатки зерен пшеницы и ячменя. Они явно могут характеризовать и свидетельствовать, что в Кангурттуте имело место наличие земледелия. По сведениям ученых, оно было богарным².

Но скотоводство играло большую роль в хозяйстве. Об этом свидетельствуют обнаруженные в культурных слоях кости домашних животных, как крупного, так и мелкого рогатого скота, а также кости лошади, собаки и осла. Учеными на всех поселениях обнаружены керамические сосуды с отверстием в середине дна: скорее всего, они использовались для процеживания молока или изготовления молочных продуктов. До настоящего времени у таджиков аналогичные виды посуды имеют место и не потеряли своего предназначения в молочном хозяйстве.

Исходя из имеющихся археологических материалов, можно отметить, что поселения южного Таджикистана по своему характеру в экономической деятельности имеют различия. К первой категории можно отнести те поселения, которые предназначены для круглогодичного обитания. К другой (второй) категории можно отнести кратковременные или же сезонные. К поселению первой категории можно отнести Кангурттут, где отмечены обогревательные очаги и хозяйственные ямы, а также связанные с погребальным обрядом³.

Ко второй категории поселений относится Тегузак, где жилище было

¹ *Виноградова И. А.* Отчет о работе отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ (1978). АРТ. Вып. 18, 1984. С. 65.

² Там же. С. 65.

³ *История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова.* Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 164.

приспособлено для проживания только в летний период. А основное поселение располагалось в 5-7 км ниже по склону временного. Можно предположить, что жители этих поселков в основном использовали вторую категорию поселения для сезонного содержания скота в качестве летовки и параллельно занимались богарным земледелием. По соседству отмечены и следы недолговременного обитания степных племен, пришедших сюда из более северных районов. Скорее всего, между ними и поселениями Гиссарской культуры имелись тесные экономические связи и передача опыта.

Экономической основой гиссарской культуры периода неолита, вероятно, тоже являлось животноводство¹, хотя окончательного своего решения этот вопрос еще не нашел.

Существуют три точки зрения: 1) гиссарская культура – это памятник первых земледельцев и скотоводов Таджикистана; 2) она соответствует еще стадии охотников и собирателей; 3) основной ведущей формой хозяйства гиссарцев того периода являлось не земледелие, а скотоводство². Ни одна из этих гипотез на современном этапе еще не подтверждена исследователями, тем не менее, превосходство скотоводства над другими занятиями здесь неоспоримо.

Интересно отметить, что в Кангурттуте (на раскопке 2) была открыта большая часть строительного комплекса с двором, который был построен на склоне гор с перепадом 1 на 10 м длины. Дальше от сая стены стали одновременно подпорными стенами террасы. Аналогичные террасные строения и в наше время имеют место в горной и предгорной частях Таджикистана. Например, в Дарвазе, Каратегине, Зеравшане, Кулябе, Припамирье и в предгорной части Сурхандарьинской области (Узбекистана) в строительстве на склоне, соответственно размеру будущего помещения,

¹ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. 1971. № 2. С. 146.

² Ранов В. А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 29-31.

создавали выемку с ровными стенами. Задняя и боковые стены помещения незначительно выступали на уровне прилегающей к помещению земли¹.

Техника строительства каменных стен памятников бегазы-дандыбаевской культуры аналогична технике, применяемой в современных горных районах Таджикистана. Точнее, когда стены возводились из двух рядов крупных плит и валунов, пространство между плитами бетонировалось мелкими камнями, смешанными с глиной. Подобная технология возведения стен прослеживается в строительстве хозяйственных помещений в Даштиджуме. В Кангурттуте, как пишет Н. М. Виноградова, камень небольших размеров использовался лишь для фундаментов стен; сами стены были глинобитные².

Таким образом, историки считают, что памятники типа Туткаула, Сайёда, Бульёни-поёна и Кангурттута принадлежат периоду первоначальной оседлости (неустойчивая, сезонная оседлость) и соответствуют времени зарождения земледелия и скотоводства³. Этому свидетельствуют различные находки, такие как: вкладыши для серпов, зернотерки, мотыги, глиняные фигурки людей и животных, жилища и т.д. Но в этот период значение охоты и собирательства было фактически бóльшим, чем элементы производящего хозяйства.

Таджикские историки отмечают, что период неолита является периодом складывания этнических общностей. Большой научный материал по хозяйственно-культурному типу и генезису многих форм и подтипов обнаруживается в вахшской и бешкентской культурах. Происхождение вахшской культуры ученые связывают с переходом в конце бронзового века части древнебактрийских племен к преимущественному занятию скотоводством. Скотоводство характеризуется как отгонно-пастбищная форма, то есть скотоводы, у которых скот круглый год содержался на

¹ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 142.

² Виноградова Н. М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // ЮТАЭ (1978). 1984. С. 14.

³ Там же. С. 14.

сезонных пастбищах, находились бóльшую часть времени под присмотром самого населения скотоводов, при этом же совершало две или три перекочевки. В данный период сложилась прочная связь племен вахшской культуры с жителями оседло-земледельческих оазисов Бактрии, которые также занимались скотоводством, но в малом количестве имелось поголовье скота.

Таким образом, сформированная отгонно-пастбищная форма давала возможность удовлетворить хозяйство в повседневных потребностях, в основном в молочной и мясной продукции, а также для приобретения ремесленной продукции.

Обитателей племен низовьев Вахша и Кизылсу (Сурхоба) исследователи называли обладателями вахшской культуры. Происхождение вахшской культуры археологи связывают с переходом в конце бронзового века древнебактрийских племен к преимущественному занятию скотоводством. Впрочем, данное занятие характеризуется как отгонно-пастбищное. По пути перегона скота археологами были обнаружены отдельные погребения. Исходя из этого, делается вывод, что направление перегона могло быть на юг в предгорья и горы северного Афганистана, а также на Памир. Непосредственно в этой перекочевке устанавливались тесные связи племен вахшской культуры с жителями оседло-земледельческих оазисов Бактрии.

Другая известная культура – бишкентская характеризуется комплексным хозяйством. Археологами на поселениях были обнаружены зернотерки, кости крупного и мелкого рогатого скота, осла и лошади, что указывает на земледелие. Также отмечается обычай помещать кости барана в могилу. Исходя из всего этого, можно заключить, что основу экономики составляло скотоводство и частично богарное горное земледелие. Население использовало горные пастбища и было полукочевым. Но данный вопрос, связанный с экономикой, является спорным. Б. А. Литвинский и Л. Т.

Пьянкова¹ считают, что культура генетически связана с Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом (БМАК)² и отражает переход части земледельческого населения к отгонному скотоводству. Некоторые исследователи считают, что данная культура отражает переход части земледельческого населения к отгонному скотоводству. Следует отметить, что между полукочевым и отгонным скотоводством имеются некоторые отличия. Так, первый способ ближе к кочевому, а второй ближе к оседло-земледельческому типу хозяйства.

Исходя из вышеописанного, можно отметить, что культуры Бишкент-Вахш являются самыми яркими культурными образованиями Средней Азии, отражающие синтез скотоводческого и земледельческого населения в эпоху бронзы.

Об экономическом укладе эпохи бронзы, свидетельствуют индоиранские письменные источники, которые указывают, что при наличии земледелия преобладало животноводство, связанное с разведением крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей и собак. Археологами при поселении Кангурттут были обнаружены терракотовая фигурка лошади, а также захоронения собаки³.

Таким образом, исходя из этого можно отметить, что во II тысячелетие до н. э. на обширной территории Центральной Азии проходили активные и сложные процессы этно- и культурогенеза, сыгравшие существенную роль во всей дальнейшей не только экономической, культурной и этнической истории, но и в передаче опыта в хозяйственно-культурном типе в Средней Азии.

В конце бронзового века на юге Таджикистана произошел процесс

¹ Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана: (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка») / отв. ред. Б. А. Литвинский. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, Институт истории им. А. Дониша, 1989. С. 253.

² БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (англ. Bactria–Margiana Archaeological Complex).

³ Кузьмина Е. Е. Проблемы периодизации и классификации памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. С. 31.

слияния различных культур (оседло-земледельческой, степной и местной неолитической), где основным занятием населения было отгонное скотоводство и богарное земледелие. В конце эпохи бронзы традиции оседло-земледельческого населения являлись ведущими, хотя в новых условиях произошли некоторые изменения, что было связано с переходом части племен к преимущественному занятию скотоводством. Важной отраслью хозяйства продолжало оставаться скотоводство. Археологами были обнаружены большое количество костей крупного и рогатого скота. Особое значение в хозяйстве имела лошадь. Она использовалась как верховое, так и тягловое животное¹. Скорее всего, у оседло-земледельческих племен данное хозяйство имело стойлово-выгонный характер.

В VI – IV вв. до н. э. в оседлых областях, расположенных в бассейнах рек, предгорной и горной части, на границах с пустынями Средней Азии, в основном, развивалось скотоводство, прежде всего, крупный рогатый скот. Именно в это время началась селекционная работа по выведению высокопородных лошадей. Во многих персепольских рельефах изображено, как среднеазиаты ведут в дар «царю царей» лошадей. Скорее всего, по изображению рельефа на керамических сосудах конца ахеменидской эпохи отражаются лошади породы текинских или же полудиких².

Сельское хозяйство Бактрии в период античности малоизвестно, так как это земля являлась дальним краем³. В этот период отмечается красивой природой, высокой урожайностью зерновых, большими площадями пастбищ и множеством лошадей⁴.

Политические процессы в период Кушанов на территории Средней Азии сопровождались многочисленными войнами, а также коснулась «великим переселением народов». Происходило постоянное взаимодействие

¹ *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л.: АН СССР. 1962. С. 77-80.

² *История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова.* Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 267.

³ Там же. С. 377.

⁴ Там же. С. 378.

скотоводческих племен с земледельческим населением, о чем свидетельствуют различные способы кочевания в ведении скотоводческого хозяйства, обусловившие, скорее всего, смешение племен¹.

В IV-V вв. н. э. на территории Средней Азии происходит этническая иммиграция новых групп кочевников – хионитов, кидаритов, эфталитов и др. Происхождение племен этого периода связано с появлением здесь гуннов, сарматов, юэчжей. Есть и другая версия, которая указывает на местные скотоводческие племена, которые были известны в Средней Азии еще с эпохи бронзы. Этому периоду в хозяйственной деятельности населения Средней Азии характерны наличие высокоразвитого виноградарства и виноделия. Описываются множество «славных лошадей», потеющих якобы кровью и ведущих происхождение от «породы небесных лошадей». Разведение люцерны доказывает, помимо отгона, применение стойлового содержания лошади. Ученые отмечают, что именно в это время в некоторых областях началась селекционная работа по выведению высокопородных лошадей. К этому периоду относятся некоторые рельефные изображения, такие как «ведущие в дар лошадей»². Этот период в истории отмечается началом кризиса рабовладельческих отношений, возникает целый ряд небольших владений, которые объединяются в рамках Эфталитского государства. Это государство укрепило и объединило некоторые среднеазиатские оседлые и кочевые иранские племена, способствовало и подготовило к будущему политическому объединению.

В VI – начале VIII вв. на территории нынешнего южного Таджикистана, Сурхандарьинской области Узбекистана и северной области Афганистана было образовано государство Тохаристан, территория которого соответствовала древней Бактрии. Значительная часть населения занималась сельским хозяйством. Более высокого развития достигло земледелие.

¹ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 460.

² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая / МИА № 26. М.– Л.: АН СССР, 1952. С. 222-226.

Сельскохозяйственные работы проводились очень примитивными орудиями. Скотоводство также занимало важное место в экономике населения, особенно в предгорной и горной части. Высоко ценились тохаристанские кони. Имелись несколько пород коней, в том числе выносливые горные кони, а также кони, приспособленные к условиям равнины. Также большую роль в хозяйстве играли и верблюды. В качестве транспортных животных использовались мулы, лошади и ослы. Были состоятельные хозяйства, которые имели большие стада крупного рогатого скота и овец. Было высокоразвито промысловое занятие и изготовление шерстяных одежд и шерстяных ковров¹.

Другую положительную роль в консолидации объединения Средней Азии сыграл и Арабский халифат. Именно здесь появились новые внутренние объединяющие силы, которые способствовали объединению общесреднеазиатских сил².

В период Саманидского государства на первом месте стояли посеvy зерновых культур. Было развито хлопководство. Большие площади были заняты под сады. Имелось немало плодородных и «сплошных ковров зелени» среднеазиатских оазисов³.

Несмотря на то, что основным занятием в сельском хозяйстве являлось земледелие, почти все хозяйства имели и скот. В данный период на обширной территории горных и предгорных районов было развито скотоводство и коневодство. Имелось огромное количество транспортных животных – лошадей, мулов, ослов, верблюдов и больших стад крупных и мелкого убойного скота – овец, коров, коз и пр. особенно было развито в Хуттале коневодство. Именно здесь и разводились знаменитые «хуттальские скакуны»⁴. В одном из округов Леваканда данной области разводили овец особой породы – вахшской, скорее всего, она и есть современная

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972. С. 232.

² Негматов Н. Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977. С. 226.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же.

«гиссарская» порода¹. Животноводство имело важное значение в хозяйстве не только населения равнинно-степной части, но предгорной и горной части государства, здесь уже сеяли в огромном количестве люцерну.

Применялись различные формы содержания скота и виды скота в зависимости от географического расположения местности. В равнинно-степных и горных районах было много просторных пастбищ и лугов. Хорошие пастбища упоминались даже около больших городов. Животноводство характеризовалось как специализированное занятие. Однако оно в это время не могло обеспечить полностью мясной и молочной продукцией, а также потребности в скотоводческом сырье для городского населения, в том числе и ремесленников. Именно во времена Саманидов были созданы предпосылки для увеличения товарообмена между городом и деревней, между земледельческими районами и кочевой степью. Поэтому большое значение придавали торговым контактам с кочевниками-скотоводами, которые были расположены к северу-востоку от границ Саманидского государства².

От этого население оазисов и городов получали большие выгоды. На продажу выставляли большое количество лошадей, убойный скот, шерсть, сырые кожи, молочные продукты и т.д.³ В данный период среднеазиатские города были весьма оживленными торгово-ремесленными центрами. На базарах имелись целые сети торговых и ремесленных рядов и площадей как: ряды кожевников, сапожников, веревочников, сельскохозяйственной продукции⁴.

В Мавераннахре и Хорасане наиболее развитым промыслом была выделка шерстяных изделий и кожевенное производство. Из Дизака (Джизака — *A.P.*) и Хорезма вывозились на продажу хорошие сорта шерсти и шерстяной одежды, бараны и коровы от волжских булгар, из Чача и Балха —

¹ *Негматов Н.* Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977. С. 70.

² Там же. С. 350.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же.

высокие седла из лошадиной кожи, переработанные кожи, из Хутталя – известные «хуттальские лошади»¹.

В период Саманидов купцы посещали юго-восточную Европу, Китай, Иран, Ближний Восток и другие страны, что показывает о высоком развитии торгово-экономических отношений с ближними и дальними странами².

Следует отметить, что в XI – XV вв. древняя земледельческая культура таджиков была сметена нашествием кочевников. «Намады предпочитали делать набеги на оседлые регионы, ...заставляли мигрировать другие народы. Такие крупномасштабные миграции не были следствием, как правило, голода и поиска новых пастбищ. Они, скорее всего, являлись результатом политического решения кочевого народа найти новый дом, а не воевать за старый»³.

Завоевательная политика Шайбани-хана, междоусобные войны и интриги между правителями уделов разоряли регионы, причиняли бедствия, приводили к материальным и людским жертвам⁴. Расселение узбекских кочевников сопровождалось захватом стад, вытеснением местного оседлого населения с самых плодородных земель, с зимних и летних пастбищ. Большая часть таджикского населения ушла в горные районы. В данный период экономика в Мавераннахре была многоотраслевой и ведущей отраслью сельского хозяйства являлось земледелие, а затем и животноводство. «В личном владении ханов, султанов и представителей духовенства находились табуны лошадей, стада баранов, караваны верблюдов»⁵.

К концу XVI до XVIII вв. произошли некоторые изменения в терминологии скотоводческого хозяйства. Наряду с терминами «дехнишин», «сахронишин» и др., означающих форму содержания скота у оседлого

¹ Негматов Н. Государство Саманидов. Душанбе: Дониш, 1977. С. 83.

² Там же. С. 85.

³ История таджикского народа. Т.IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / под общ. ред. Р. М. Масова. Душанбе: Дониш, 2010. С. 84.

⁴ Там же. С.85.

⁵ Там же. С. 95.

населения таджиков, также появляется новый термин «кишлокнишин», когда кочевое население стало оседать в поселениях, применяли термин прежней зимней стоянки, как место постоянного жительства. В городах и крупных земледельческих селениях существовало специализированное кустарно-ремесленное производство, где производили шерстяные ткани из овечьей пряжи, которые использовались для шитья одежды и ковров-паласов. Упоминается свыше шестидесяти названий ремесел¹.

Отдельные города и селения специализировались на изготовлении одежды, обработке кожи и продуктов животноводства. В условиях упадка культурного сельского хозяйства в результате нашествия узбекских кочевников, в первую очередь, сравнительно легко восстанавливалось животноводческое хозяйство предгорной и горной части. Равнинная часть могла восстанавливаться только на базе предгорной и горной части страны. Основная причина была в том, что эти зоны для врага, по сравнению с равниной частью, являлись недоступными. Несмотря на некоторые успехи развития в городах ремесленных занятий, в горных местностях они получили относительно слабое развитие, и хозяйство имело натуральный характер.

Таким образом, нами на основе исторических и документальных источников были сделаны обобщающие выводы об исторических этапах развития животноводческого хозяйства древнейшего периода до начала XIX в. Как показывают источники, животноводческое занятие для таджикского народа является характерным традиционным занятием, имеющим древнюю историю. Нашествие кочевников нанесло большой урон хозяйственно-экономической жизни таджикского народа, что препятствовало нормальному развитию сельского хозяйства. Несмотря на тяжелое политическое и экономическое положение, в условиях упадка культурного сельского хозяйства, истребленное животноводческое хозяйство восстанавливалось благодаря предгорной и горной части, которые во все исторические этапы

¹ История Узбекской ССР: В 4 т./ ред. Аминова Ташкент: Фан, 1967-1968. Т. 2. С. 534.

являлись недоступными и служили основной экономической базой реставрации и восстановления равнинной части.

Анализ истории развития основных видов скота у таджиков показал, что культурно-исторические и социально-экономические особенности скотоводческого хозяйства таджиков в конце XIX – начале XX вв. складывались еще задолго до этого периода. В этом вопросе большое влияние имело естественно-экологическое положение регионов. Данная характеристика основана на археологических и исторических материалах и хронологически охватывает период перехода от присваивающего к производящему хозяйству, до конца XIX – начала XX вв. на территории Таджикистана. В разделе освещается и характеризуется содержание каждого вида скота местным населением.

Крупный рогатый скот. По данным исторических источников, распространение крупного рогатого скота на территории Средней Азии начинается еще в глубокой древности, о чем свидетельствуют Джайтунская культура и энеолитические памятники. Это была западно-азиатская безгорбовая порода коров, распространенная на территории Хорасана¹. Позднее на территории Средней Азии распространилась индийская порода, отличительным признаком которой были зебужировой горб на холке и короткие рога². Эти породы повлияли на породы скота, характерные для Таджикистана до настоящего времени.

Скрещивание этих групп крупного рогатого скота происходило стихийно, и началось оно, по-видимому, очень давно, скорее всего, в период присоединения Закаспийской области к персидским владениям в VII – VIII вв., частью которых она оставалась вплоть до XVII в.³

¹ Ермолова Н. М. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент: Фан, 1986. С. 110-117.

² Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. 1966. № 135. С. 120.

³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. АН СССР. Л.: Академия наук СССР, 1927. С. 132.

В конце XIX – начале XX вв. в количественном соотношении в хозяйствах таджиков преобладал мелкий рогатый скот, но крупный рогатый скот имел гораздо более важное хозяйственное значение. Он применялся как рабочая сила в хозяйстве и служил главным источником молочных и мясных продуктов.

Крупный рогатый скот в основном был немассивным, однако весьма приспособленным к местным климатическим условиям, выносливым и стойким к различным заболеваниям. Твердые копыта позволяют ему пастись на склонах гор и скалах. Рабочий скот обладал высокими рабочими качествами (в частности, хорошо переносил высокую жару). Рабочему скоту всегда отводились лучшие пастбища, так как этот вид в основном применялся в земледельческой отрасли. Если волы имели рабочее предназначение, то коровы обеспечивали молоком и молочными продуктами, быки-производители часто шли на мясо. Следует отметить, что в Верхнем Каратегине разводили яков – кутос. Этот вид скота разводили и в Припамирье, и в Шохдаре, в основном в богатых хозяйствах. Основное направление использования этого вида скота было для улучшения породности местного крупного рогатого скота, увеличения удойности – молока, мяса, качества шерсти, отчасти использовался как рабочая сила для выполнений хозяйственных работ.

Крупный рогатый скот в зимнее время содержался в стойле. В Припамирье, на Дарвазе и в Каратегине в холодное время года в день дважды его пригоняли в жилое помещение для кормления. Когда приближалось время пахоты, то кормление было уже трехразовым, при этом в рацион добавляли и питательное сено, ячменную и гороховую муку, смешиваемую с отходами пищи владельцев. Аналогичным кормлением обеспечивалась также отелившаяся корова.

Каждое хозяйство стремилось иметь хотя бы одну дойную корову – для получения молока. Дойная корова в хозяйстве таджиков, в семьях которых обычно было много детей, спасала от голода, болезней. Так разрешался

вопрос о рабочем скоте и воспроизводстве стада. При этом следует отметить, что во многих традиционных ритуалах, обрядах и поверьях корова занимала весьма значимое, почетное место.

Если говорить о равнинной части, в частности на примере Ферганской области, то здесь «...местное таджикское население никогда не занималось разведением скота и содержало либо рабочий скот, либо коров для получения молочных продуктов и мелкого рогатого скота, баранов для откорма и забоя на мясо»¹. Причиной являлось отсутствие выгонов, пастбищ и сенокосных угодий. Но имеются и другие сведения: «таджик при благоприятных обстоятельствах делается скотоводом; мы говорим о гуртовщиках, таджиках, скупающих мелкий скот – это дело торговое, а таджик, занимающийся разведением скота, пасущий его и вместе с ним кочующий. Такие полукочевники-таджики находятся по южной границе округа и на востоке от Пенджикента. Они исключительно разводят овец и коз. О количестве находящегося у них мелкого скота мы имеем весьма скудные сведения...»².

О слабом развитии скотоводства в Ферганской области в конце XIX – начале XX в. говорит и тот факт, что здесь под посевы было отведено 250 тыс. танапов земли, а для выгона скота – всего 130 танапов земли, не пригодной для орошения. Земледелие здесь являлось основным занятием, и крупный рогатый скот здесь использовался как главная тягловая сила. Поэтому основное внимание уделялось уходу за крупным рогатым скотом. Мелкий же рогатый скот составлял наименьшее поголовье скота в хозяйстве. Каждое хозяйство старалось иметь хотя бы одного быка – для использования его в обработке земли и помолу зерновых культур. Богатые хозяйства имели от 2 до 4 и более пар волов. Малосостоятельные хозяйства и середняцкие имели пару волов, некоторые лишь одного вола. Были и такие, которые

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67.

² Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу технической выставки в Москве. М.-СПб., 1872. Вып. II. С. 20.

вообще не имели рабочего вола. Они были вынуждены нанимать их у соседей при обработке земли и во время помола зерновых взамен части своего урожая. Поскольку от упитанности волов зависела хорошая подготовка и обработка земли под урожайность, то присмотр за ними и корм были особые. Но не везде и не у всех имелась возможность обеспечить нормальный уход за волами. Вот что пишет по этому поводу Н. Н. Ершов, обращаясь к практике хозяйств в селе Костакоз Ходжентского уезда: «Поскольку волы выполняли сезонную работу и зимой в сельском хозяйстве не были нужны, а вопрос с кормом для скота (особенно у бедняков) всегда стоял остро, то... многие земледельцы осенью после окончания полевых работ продавали рабочий скот, с тем, чтобы опять купить его перед началом полевых работ. Если же земледелец оставлял волов на зиму, то он заботливо ухаживал за ними и хорошо кормил – в ущерб даже другому скоту, если тот имелся в хозяйстве, ибо, если волы не были хорошо откормлены к весне, земледелец не мог обработать на них свой участок земли».

Особенно от этого страдали коровы, уходу за которыми земледелец не мог уделить такого внимания, как уходу за рабочими волами. При виде еле живых и истощенных зимовкой коров становилось ясной острота вопроса с фуражом, что влияло на развитие животноводства и приводило к мельчанию местной породы крупного рогатого скота, обладающей в основном хорошими качествами. На долю коров в Фергане... выпадают лишь остатки, чтобы они не умерли с голоду, а потому они имеют жалкий, несчастный вид. От таких коров нельзя было рассчитывать получить много продукции и здоровое потомство, от которого выросли бы хорошие дойные коровы и сильные рабочие быки. Прокормить молодняк в течение 3-4 лет до рабочего возраста тоже было нелегкой задачей; недаром в таджикской пословице говорится: «Пока теленок станет быком, много крови надо себе перепортить» – «То гусола гов шавад чигар хун мешавад»¹.

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН

Следует отметить, что аналогичная продажа или передача рабочего скота в конце XIX – начале XX вв. после окончания полевых работ имела место и в других местах, например, в селении Соха, а также в горной части, у таджиков Припамирья. В Каратегине и Дарвазе хозяйства, которые не успевали заготовить летом нужное количество корма, вынуждены были часть своего скота передавать на прокорм – ках-хур тем крестьянам, которые имели излишки сена. За присмотр и кормление скота они пользовались молоком (если животное было дойное), а также брали навоз. А если на прокорм бралась овца, то дехканин получал шерсть от весенней стрижки. Иногда хозяин скота давал ему определенное количество зерна (пшеницы, ячменя или проса). Если животное заболело и погибло, то прокармливающий давал возмещение – товон¹.

В источнике «Обзор Ферганской области за 1892 г.» даются сведения о мясной продукции на территории Туркестанского края. «Разведение крупного рогатого скота составляет принадлежность кочевого населения, но скот разводится также и оседлым земледельческим населением, которому он нужен как рабочий и молочный; мясо же крупного рогатого скота для туземного населения представляет небольшую ценность: сарты говядины не едят, а киргизы едят ее только при заболевании какой-либо коровы или вола, да и тогда говядина употребляется лишь низшими членам семьи, главами семейства, или больше гостями; говядина никогда не подается, так как она считается унижением. Киргизы предпочитают лошадиное мясо, сарты же предпочитают баранину. Разведение крупного рогатого скота в скотоводстве края играет подчиненную роль и только с водворением в крае русских, когда спрос на говядину сделался постоянным, разведение этих животных стало на твердую почву»².

Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С.67.

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. // АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. Вып.1. С.151.

² Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету

Далее отмечается, что в настоящее время в Туркестане встречаются представители трех пород коров, появившихся в крае в разное время и имеющих каждая свою историю. Огромное большинство разводимого крупного рогатого скота принадлежит к местной, имеется некоторое количество так называемого астраханского скота, который разводился в этих местах. Оседлое население свой рабочий скот угоняют в горы, где, пользуясь знакомством с киргизами, за сравнительно небольшую цену, они пасут до начала осенних полевых работ¹.

Далее в источнике описывается положение городских стад, где оно почти такое же, как и в долинной части. Выгон, например, для ташкентского городского стада представляет площадь неорошенной земля, где скот в огромном количестве топчется целый день, возвращается, покрытый серою лессовою пылью, тощий и худой. Кто из хозяев умеет пользоваться наличностью весьма дешевых кормов, тот, конечно, имеет и молоко; кто же наестся летом на одно выгонное кормление, тогда может разочароваться и получить от своих коров какой-либо доход².

Зимнее содержание. В общем, здесь необходимо констатировать тот факт, что у кочевников зимнее содержание и кормление оставляют желать лучшего. В зимовках обыкновенно устраиваются так называемые «курганы», а внутри них – навесы, где скот находит себе защиту в особенно холодные дни. В остальное же время он бродит около зимовок, выкапывая остатки корма и получая на ночь небольшую еду. У большинства киргизов корм прямо разбрасывается на землю и наполовину топчется скотом. У некоторых же, более зажиточных, устроены вдоль степи ясли, отгороженные друга от друга жердями, где и дается корм скоту; при этом, конечно, сберегается, много корма. У русских поселенцев чимкентского уезда скот находится опять-таки в наилучших условиях и в период зимнего кормления. Огромные

Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 128

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 138.

запасы сена, заготавливаемого поселянами, позволяют им кормить свой скот не только саманом, но и сеном; изредка, особенно в теплые зимние дни, скот выгоняется пощипать траву недалеко от усадеб. Поселенцы ташкентского уезда пользуются большими тугаями, расположенными в долине Чирчика. Эти же тугаи могли бы служить хорошими пастбищами и летом, но присутствие многих конокрадов и мошенников делают пастьбу скота в их местах летом невозможным¹.

В Хуфе те, кто имел одну корову или же двух–трех овец и коз, присоединяли их к стаду другой женщины. По возвращению с летовки летовщицы отдавали хозяевам определенное количество заготовленного масла и сушеного сыра. Обычай передачи скота в Дарвазе называли «назали» (искаженное от – назари – присмотр), в Каратегине – «нигохбини» (охрана). Женщину, взявшую чужой скот под присмотр, в Дарвазе называли «озук». Крупный рогатый скот у таджиков считался одним из основных видов скота в хозяйстве. Каждое хозяйство мечтало иметь хорошую дойную корову и хороший рабочий скот для земледельческой работы.

Лошадь. Находки древнейших останков одомашненных лошадей были обнаружены на территории Причерноморья, Средней и Передней Азии и, по источникам, датируются IV тысячелетие до н. э.². Имеются и другие мнения. Так, Е. Е. Кузьмина предполагает, что лошадь появилась в Великом Хорасане во II тысячелетие до н. э.³

Следует подчеркнуть, что среди костей домашних животных, обнаруженных в культурном слое Кангуртутских находок, имеются и останки лошади, также датируемые II тысячелетие до н. э.⁴

В северной Бактрии были обнаружены также останки животных и

¹ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 139.

² Сарияниди В.И. Статуэтка лошади с Алтын-депе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: 1973. С. 113-117.

³ Кузьмина Е. Е. В стане Кавата и Афрасиаба. М., 1871. С.10.

⁴ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 166-167.

памятников, относящихся к эпохе бронзы. Большинство исследователей сходится во мнении, что первыми одомашнили лошадь арийские племена. Арийские народы вывели превосходные породы лошадей – нисайскую, мидийскую, хутгальскую и др.

Примечателен тот факт, что у таджиков в конце XIX – начале XX вв. зафиксировано мало хозяйств, которые специально занимались коневодством. В то же время редко встречались хозяйства, где не имелась хотя бы одна лошадь. Лошадь у таджиков в основном служила в качестве верхового животного и ее очень редко закалывали на мясо. Кобылье молоко также употреблялось не очень широко.

Лошади по своему назначению делились на: скаковых, предназначенных для спортивных игр, ездовых — для верховой езды и рабочих. Для каждого из этих видов лошадей таджиками были выработаны особые традиционные виды ухода, о чем будет сказано ниже.

Отношение к коню было двояким: с одной стороны – значение коня в хозяйстве таджиков было очень высоким – на уровне почитаемого животного; с другой стороны – таджики к лошади относились и негативно.

О высокой роли коня в хозяйстве таджиков свидетельствуют исторические факты. Известно, что в прошлом на территории расселения таджиков разводили несколько именитых пород лошадей. Хотя имелись и такие мнения, что все встречающиеся в русском Туркестане типы лошадей произошли от киргизской породы, которая и поныне составляет огромное большинство среди разводимых лошадей¹.

Аргамаки, или так называемая малкальская лошадь, некогда разводившаяся в Зеравшанской области, дала начало так называемым уратюбинским лошадям и карабаирам².

Нами в данной работе на основе имеющихся достоверных источников затрагивается история местной породы лошадей. По многим историческим

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 105.

² Там же. С. 106.

источникам нам известно, что во второй половине I тысячелетие до н. э. в Средней Азии существовали два центра, где разводили породистых лошадей, один – в Фергане, второй – в древнем Хуттале. В исторических источниках имеются сведения, что первый центр (Фергана) дважды становился объектом нападения китайцев, которые стремились овладеть этими «небесными лошадьми»¹.

О хуттальской лошади упоминалось в рукописных памятниках на протяжении I тысячелетие до н. э. и вплоть до XIII в. н. э. Профессор М. Е. Массон считал локайских лошадей древней и аборигенной верхово-вьючной породой, которая несет в себе кровь издревле славившихся хуттальских верхово-вьючных лошадей горного типа, известных еще до арабского завоевания².

По утверждению Б. Х. Кармышевой, современная локайская лошадь в южном Таджикистане является потомком этой замечательной быстроаллюрной лошади Хутталя. Как пишет в своем дневнике Гийасаддин Али, в Индийском походе, перед сражением Тимур сел «...на объезжающего мир коня и на Хатли – курьера». Здесь же автором в ссылке объясняется, что Хатли – лошадь из Хатля, или Хатлона, славившейся своей породой коней³.

В Кокандском уезде лошадей не разводили как табуны, хотя по породе и качеству похожи на бухарских и туркменских. Они сходятся легкостью на бегу, красотой статей и способностью переносить продолжительные труды. Воспитывались на стойле и ценились очень дорого⁴.

Уход за лошадьми у таджиков в конце XIX – начале XX вв. был особенным, в зависимости от предназначения коня; для игры «бузкаши» (козлодранье), для верховой езды – «савори», для выполнения различных

¹ Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // Труды СТАЭ. Т. 1. М.-Л., 1950. (МИА N 15). С. 119.

² Массон М.Е. К истории происхождения локайской лошади // Известия. ТФАН СССР. № 15. 1949. С. 56.

³ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию. М.: Восточная литература, 1958. С.164.

⁴ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. СПб., 1889. Вып. 3. С. 187.

хозяйственных работ – «ебу» и т.д., различались и способы ухода. За конем для козлодранья уход был самый лучший. Зимой его содержали в стойле, с особым рациональным питанием. Этот период назывался «охури». В течение этого времени коня кормили овсом. В селениях горной части Таджикистана в день такому коню давали по 10 горстей («мушт» тадж.) овса. В предгорной части данный период (охури) продолжался до 40 дней, и здесь его называли другим термином «чавхури» – кормление овсом. Вначале коню давали каждый день по 5 горстей овса. Постепенно, день за днем количество подаваемого овса увеличивали. Так продолжалось до того момента, когда овес в кормушке оставался недоеденным. После этого норму овса начинали уменьшать и постепенно доводили до изначальной меры. В течение этого периода коню иногда давали и сено, но в меньшем количестве.

Второй этап ухода начинался после периода «чавхури», когда наступало время охлаждения коня. Коня выводили на хозяйственный двор и привязывали к столбу, вокруг которого он ходил в течение всего дня. Следует отметить, что предварительно в конюшне около коня проводили окуривание испандом, читали молитву, а затем уже выводили на двор. Ночью коня выводили на прогулку и гоняли его на расстояние от 3 до 6 км. Признаком охлаждения считался твердый помет у коня.

В горной, северо-восточной части Таджикистана в конце XIX – начале XX вв. для полного охлаждения коня применяли дополнительные меры: давали коню пожевать травку «нил», которую заворачивали в марлю и клали коню в рот. Сок этой травы устранял лишний жир в печени, легких, под брюхом и в других частях тела. В общем, способы кормления коня в стойле у таджиков различных регионов были одинаковыми, кроме различий в некоторых незначительных деталях.

В Даштиджуме и Бадахшане особое значение придавалось кормлению и условиям содержания коня. Проявляли особую заботу о помещении, где он содержался. Например, приблизительно на 0,5 м поднимали кормушку. В течение стойлового периода такое положение кормушки способствует

выработке в коне грации, делает его прямым и стройным, способствует укреплению конечностей и копыт, влияет на туловище и круп коня (сагрин). Считается, что поправление коня начинается с укрепления и округления крупа. В течение всего этого времени в стойле не убирается навоз, который способствует укреплению всех недугов в копытах. Кормление начинали с 2-х горстей овса. Постепенно, с каждым днем, емкость увеличивалась. Когда коня выводили из конюшни для охлаждения, его сначала мыли теплой водой, затем сушили и накидывали одну накидку – «елпуш» на шею, другую – «чилд» на спину. Предварительно, в еще неубранном от навоза помещении набивали на копыто подковы. Во дворе коня поддерживали двумя веревками. Для полного охлаждения также применяли траву «нил». Как пишет Б. Х. Кармышева, почти у всех, кто имел коня, были некоторые коррективы в его кормлении, а многие держали их в тайне, чем всегда могли похвастаться¹.

Особое место также отводилось лошади – ебу, которая использовалась в работе маслобойни, с чем были связаны различные представления у таджиков².

Уход за лошадьё у населения северной части Таджикистана зависел от хозяйственных условий. Имеющиеся источники отмечают, что «летом сарты кормят лошадей зеленою люцерною. Ежедневная доза от 5 до 8 снопов, что соответствует приблизительно 1-1,5 пудам зеленого корма. Кроме люцерны лошади в сырдарьинской и самаркандской областях получали ежедневную порцию ячменя в 5-6 фунтов, а в ферганской области ячмень заменяется джугарою. Зимой лошади получают сухую люцерну в количестве 2-4 снопов, что соответствует 16-24 фунтам сухого питательного сена. Для полной утилизации снопов люцерны, нередко на особых простых соломорезках люцерна измельчается и в таком виде поддается лошадям почти без остатка. Кроме люцерны зимой лошади получают саман в смеси с ячменем, и, по

¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Тадж. ССР. Ин-т. истории, археологии и этнографии. 1953. Т. XXVIII. С. 95.

² Этим категориям лошадей у таджиков приписывают дружбу с дивом, или нечистой силой, для которых маслобойня являлась постоянным и желанным местом. – *Авт.*

уверению туземцев, такая прибавка к корму отражается весьма хорошо на животных. Корм дается лошадям зимою три раза, утром, в обед и на ночь. При даче ячменя каждый раз прибавляется некоторое количество соли. Поют зимою обыкновенно 1 раз перед дачей ячменя»¹. В данном регионе корма лошадей вместо овса, который известен, употребляется джугара, продаваемая по 64 и 65 копеек за пуд.²

Таджикское население являлось истинным любителем лошадей, представляли им лучшие помещения, уделяли больше забот, чем своим собственным женам. Хорошая лошадь являлась украшением мужчины, поэтому лица, имеющие хороших лошадей, пользуются почетом и славой³.

В другом источнике пишется, что соседями таджиков было киргизское население, которые конину предпочитает всем остальным видам мяса. Живой вес лошадей мог быть 20-25 пудов, а убойный одной лошади составляет от 12-15 пудов. Мясо молодых лошадей, по отзывам киргизов, очень вкусно. Старые же лошади дают мясо с противным запахом пота, твердое, крайне непривлекательного вида. Киргизы, в отличие от таджиков, убой лошадей производили во время свадеб, поминок или других торжеств, а также в случаях неизлечимой болезни. Богатые киргизы запасались кониной на зиму; осенью лошади бывали упитанными, поэтому мясо, заготовленное впрок, бывало достаточно жирно. Сохраняли мясо крайне примитивно: разделенную на части лошадиную тушу развешивали внутри кибитки, где коптили дымом очага. Перед копчением куски мяса растираются солью, из этого копченого мяса, крайне невкусного для европейца, приготавливали разнообразные кушанья, приправливая перцем, а также особую колбасу в смеси с крупью. Кожа убитых лошадей шла частично на приготовление различных принадлежностей в обиход кочевника, частью продавалась. Рыночная цена

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 114.

² Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. СПб., 1889. Вып. 3. С. 186.

³ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 115.

одной штуки кожи колеблется от 1 руб. 50 до 3 руб. 50 коп., в зависимости от размера кожи. В голодные года кожа значительно дешевле. Конский хвост и грива продавалась отдельно, причем на этот продукт всегда на рынке существовала хорошая цена. Из кожи молодых жеребят киргизы готовили себе мягкую зимнюю обувь, шаровары и шерстяные халаты¹. Как видим, автор сопоставляет традиции киргизов, которые отличаются от оседлого, местного населения, имеющего чисто кочевой характер. Исходя из чего, можно утверждать, что по этнической принадлежности «сарты» больше всего соответствуют таджикскому населению.

Овцеводство. На территории Средней Азии были обнаружены кости дикой овцы Передней Азии², прирученного дикого барана – уриала, аргала³ и т.д. При раскопках Туткаула – Гиссарской культуры были обнаружены останки домашних животных: овцы или барана⁴.

Находки с памятника Саед и определение фауны этого памятника свидетельствуют о том, что останки одомашненной овцы или козы составляли 73 % всех обнаруженных в этом слое костей⁵.

Овцы и козы на территории Средней Азии были распространены в равнинных и высокогорных районах.

Природно-географические условия Таджикистана больше пригодны для содержания мелкого рогатого скота. Овцы и козы были лучше приспособлены для отгонной формы скотоводства. Скорее всего, именно поэтому овцеводство и стало отгонной отраслью скотоводческого хозяйства у таджиков.

В конце XIX – начале XX вв. из всех видов скота овцы составляли

¹ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов.Маргелан, 1894. С. 119.

² Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии // Бюллетень МОИП., 1970а. Т. 75. № 1. С. 123-126, 135.

³ Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л. Наука. 1974. С. 290-291.

⁴ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. 1971. № 2. С. 146.

⁵ Шаранов Ш. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Саед (Южный Таджикистан) // Вопросы зоологии Таджикистана. Душанбе, 1972. С. 233.

основную часть и преобладающее количество поголовья скота во всех хозяйствах таджиков. Трудно было найти хозяйство, которое не содержало бы этот вид скота. Богатые хозяйства уделяли большое внимание породистости овец, которые считались основным мерилем богатства, так как в тот период овцеводство имело большое товарное значение. Таджики Ферганы, Ягноба, Куляба и Зеравшана в основном разводили овец мелкой и крупной породы, так называемые «гадик», «чойдори» и «хисори». Порода «гадик» была приспособлена к каменистым лугам, к холоду и дальним перегонам. Она также давала вкусное мясо, с малым количеством отложения жира, качественную шерсть и хорошую кожу. Овец стригли дважды в год, иной раз климатические условия благоприятствовали трехразовой стрижке. О качестве шерсти могут свидетельствовать хорошие войлочные паласы – «намад», например, в селении Ел, Порвор (Шурабадский район), качественные халаты – «чагманы» (Каратегин). Таджики Бадахшана (Афганистана) выращивали кандагарские породы овец, которые давали мясо и шерсть. Скорее всего, это идентичные породы «гадик» или «чойдори»¹. Впоследствии они получили широкое распространение на севере края, так как оказались приспособлены к холодному климату. Эта порода сохранилась в смушковом овцеводстве вплоть до нашего времени².

Богатые хозяйства в основном разводили овец гиссарской породы. Любопытно отметить, что вкусовое качество мяса и сала овец при кочевой форме скотоводства не могли сохраниться и поэтому практиковалась отгонная система в сочетании с кратковременной стойловой.

Большая заслуга в выведении ценных пород этого вида скота принадлежит, в первую очередь, местному населению. При подборе и выведении новых пород овцы учитывались климатогеографические условия, наличие растений, экономические факторы, а также значимость данной

¹ В 80-х гг. XIX в. в Бессарабию завезли из Средней Азии овец каракульской породы.

² Фуртунэ А. Т. Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект). Кишинев: Штиинца, 1989. С. 18.

породы в качестве получения продуктов питания и сырья для ремесленников. Только хороший уход и правильное содержание, основанные на эмпирическом опыте населения, могли выявить эти нужные качества в течение долгого времени. Об этом может свидетельствовать опыт выращивания именитых пород гиссарской овцы и хуттальской лошади. Они являются своего рода показателями высоких достижений таджикского народа в области скотоводства.

Гиссарская овца – это самая крупная овца в мире. Она отличается большой скороспелостью, крепостью и выносливостью при малом выходе шерсти¹. Как отмечает Б. Х. Кармышева, обособление и выработка выдающихся сортов овцы происходили в пределах Таджикистана в течение 400 – 700 лет, благодаря благоприятным физико-географическим условиям и высокому мастерству овцеводов. Далее Б. Х. Кармышева подчеркивает, что нельзя считать гиссарскую овцу узбекским или тюркским «произведением», так как тюрки в своем историческом прошлом никогда не считались выдающимися овцеводами. Заслуга тюркоязычных народов в том, что они, занимаясь овцеводством, сохранили эту местную породу до наших дней. Свое название «гиссарская овца» получила не от места, где она разводилась, а от того, что в Гиссаре она поступала на продажу и уходила на рынки Бухары, Самарканда, Коканда, Карши и других городов. Обыкновенно торговля эта производилась таким порядком: многие скотоводы, которые находились вблизи торговых пунктов, сами продавали своих овец, шерсть и шкуры на базар, а те скотоводы, которые были отдалены от торговых центров, пользовались посредничеством торговцев, которые обходились недешево, разъезжающих в телеге с красным товаром и обменивающих их на продукты кочевого хозяйства².

В источнике «Сельское хозяйство Туркестанского края» пишется, что

¹ Кармышева Б. Х. К истории происхождения гиссарской овцы. Доклады АН Таджикской ССР, 1953. Вып. 7. С. 45 – 50.

² Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 101.

хороший сбыт овечьего курдючного сала и вообще потребность туземного населения в жирном овечьем мясе создали особые приемы дальнейшего откорма овец в городах. Для этого пользуются концентрированными кормами: льняными, кунжутными и хлопковыми жмыхами, которые продаются на местных базарах по цене от 12 до 201 руб. за пуд. Кроме жмыхов, овцы получают раструшенную из снопов сухой люцерны мякину и при таком корме, который богат белковым веществом, откармливание не только идет очень успешно, но и мясо получается очень нежное и вкусное. Откормленная овца продается до ценам на 20 % выше обыкновенной¹.

Автор поддерживает точку зрения, согласно которой эта высокопродуктивная породистая овца выводилась в южном Таджикистане в течение многих тысяч лет. Именно климатические условия, местная среда и социально-экономическое развитие данной территории, а также параллельное развитие двух основных отраслей хозяйства этого региона и способствовали выведению гиссарской овцы. С древнейших времен арийские племена весьма способствовали созданию этой культурной породы, а пришлые тюркские племена приняли от них эстафету в ее сохранении и распространении. Следует подчеркнуть, то возраст в 400-700 лет не является бесспорно научно-обоснованным. Археологические данные, например, свидетельствуют о том, что разведение овец началось с II в. до н. э.² Вероятно, поэтому тюркские племена получили уже курдючную овцу, которая была создана путем естественного отбора. Выходит, что именно экономический аспект, т.е. товарный характер животноводческой культуры, позволил усовершенствовать эту породу и способствовать ее развитию.

А теперь остановимся на экономическом аспекте. В конце XIX – начале XX вв. овцеводство обеспечивало население мясом и молоком, ремесленников — шкурой и кожей, а также шерстью для домотканой

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 102.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» / сост. под рук. А. Н. Бернштама/ МИА № 14. М.– Л.: Акад. Наук СССР, 1950. С. 6.

материи. Овечий помет использовался не только как удобрение, из него готовилось лекарство «кучови» для лечения различных инфекционных заболеваний животных. Овцеводство удовлетворяло нужды семьи в хозяйственном отношении, овцы являлись основным денежным мериллом при оплате калыма – выкупа во время женитьбы сына, уплате налогов, при обмене на промышленные товары, уплате штрафов и т.д. Так, ягнобцы гнали своих овец в Гиссар или в Душанбе для продажи и взамен приобретали нужные им товары, особенно хлеб¹.

Суровый климат Ягноба ограничивал увеличение поголовья скота, но мелкий рогатый скот в хозяйствах все же оставался преобладающим. В Унджинской и Костакозской волостях в конце XIX – начале XX вв. поголовье мелкого скота было незначительным. Овцеводство в этих районах занимало второе место в животноводческом хозяйстве. Население покупало **овец** для собственного употребления (для откорма и на мясо) у окрестных кочевников².

Для улучшения породы овцы многие скотоводы содержали специальных баранов-производителей – «гусфанди зоти», «кушкори зоти». Следует подчеркнуть, что в прошлом почти во всех хозяйствах было принято содержать специального барана, которого откармливали на мясо с целью принесения его в жертву в честь праздника «Курбан», или по поводу других семейных мероприятий. Количество таких баранов зависело от состояния хозяйства и намеченных мероприятий³.

Уход за ними был особый. Кормили сеном, ячменем, некоторые давали жмых и мынч. Для них специально собирали в течение дня отходы от

¹ *Липский В. И.* Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896-1899 гг. Ч. 3. СПб, 1905. С. 144.

² *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 158-159.

³ В Хуфе домашний скот, содержащийся на откорм, на убой, назывался «охури» (от слово «охур» – конюшня, хлев). См. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. 2. Труды Института истории АН Тадж. ССР. Т. 7. Сталинабад, 1953. С. 302.

овощей, корки дыни и арбузов, давали листья деревьев. Хорошо ухоженный баран выделялся объемом своего курдюка. После убоя такого барана запасались курдючным салом и жиром. Чабаны в морозные дни употребляли курдючное сало, как в сыром, так и в перетопленном виде, с лепешкой. Шкура данного животного служила одеждою во время стужи, молоко и приготовленный из него сухой сыр, называемый курутом, заменял им хлеб¹.

Для овец в качестве кормов на зимнее время в стойле хозяйства заготавливали в основном стога сена и размельченную пшеничную, овсяную или гороховую солому – саман. Они кормили их в день дважды, а некоторые хозяйства (например, в Хуфе) и трижды, давая им сено или саман. Поили в день всего один раз. На зимних пастбищах отгонного скотоводства некоторые запасались фуражом, который давали скотине только во время сильных снегопадов или туманной погоды. При выгонной форме содержания скота, когда зимние стоянки находились недалеко от селения, запас сена не готовили. В нужное время хозяева скота подвозили сено из селения на ослах.

В начале весны, с появлением первых зеленых побегов трав, овец выгоняли пастись на склоны гор. Но через некоторое время, из-за опасности потравы посевов, их собирали в стадо и отправляли на пастьбу, в присельские пастбища, под присмотром пастуха. Часто присмотр осуществлялся каждым хозяйством в порядке очереди – «навбат».

Следует отметить, что способы содержания овцы были различными. В богатых и зажиточных хозяйствах овец содержали в отгоне. Для большинства средних и бедняцких хозяйств была характерна стойлово-выгонно-яйлажная форма пастьбы, хотя имел место и отгонный способ содержания.

Таким образом, овцеводство являлось одним из ведущих видов отраслей животноводства. При этом примечательно то, что важное значение в сфере животноводческой отрасли имела селекционная работа. При

¹ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. СПб., 1889. Вып. 3. С. 188.

выведении новых пород овец и лошадей, приспособленных к суровым горным условиям и климату, учитывались все особенности местных условий. В экономике хозяйства хорошая овца была достаточно конкурентоспособным товаром и бесценным продуктом питания, а хороший конь служил не только как транспортное средство и тяговая сила, но был и защитником родной земли. Выносливость и быстрота движения являлись основными показателями хорошего коня, а это, в свою очередь, отвечало интересам земледельца и скотовода. Выведение новых пород скота сочеталось с экономическими интересами и имело различные направления. Например, овца «гиссарской» породы имела мясосальное направление и была выгодна для отгонного вида скотоводства, а породы «гадик» и «чойдори» – дарвазская, рогская, кандагарская и др. имели высокое качество шерсти, являющейся основным сырьем для домашних промыслов.

Козоводство. Как и овцеводство на территории Средней Азии археологами были обнаружены кости дикой козы¹. При раскопках Туткаула – Гиссарской культуры, были обнаружены останки домашних животных: овцы или козы². Находки с памятника Саед и определение фауны этого памятника свидетельствуют о том, что останки одомашненной овцы или козы составляли 73 % всех обнаруженных в этом слое костей³. Овцы и козы на территории Средней Азии были распространены в равнинных и высокогорных районах.

В конце XIX – начале XX вв. козоводство было развито в основном в горных и предгорных районах. На севере, в равнинной части, оно было развито слабо, хотя на данной территории была распространена так называемая киргизская порода овец, имеющая большое сходство с тибетской. Они покрыты прекрасным белым пухом. Жители Ура-Тюбе готовили из

¹ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии // Бюл. МОИП., 1970а. Т. 75. № 1. С. 123-126, 135.

² Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. 1971. № 2. С. 146.

³ Шаранов Ш. Остатки млекопитающих из неолитической стоянки Сай-Саед (Южный Таджикистан). В кн.: Вопросы зоологии Таджикистана. Душанбе, 1972. С. 233.

этого пуха шали и кушаки, похожие на кашемирские и ценимые весьма дорого¹.

Поголовье козьего скота в хозяйствах горных зон уступало только овцам. Хозяйств, которые содержали только коз, было очень мало. Несмотря на это, в зависимости от природно-климатических условий и рельефа местности, в некоторых селениях поголовье коз преобладало над другими видами скота. Козоводство было более развито в предгорной и горной частях восточной части Бухары (селения Чилча, Казок, Бодомдара, Душейх, Амрингш, Речов, Сиюн, Рубот, Бушолок, Яхшои и др.). Интересно отметить, что козоводство, с одной стороны – считалось одним из важных признаков, определяющих социально-экономическое положение населения. Оно являлось показателем относительно бедного положения населения. С другой стороны, развитию козоводства способствовали природно-климатические факторы и рельеф местности. Многие из вышеназванных селений были расположены в скалистых местностях, где кроме коз трудно было содержать даже овец, не говоря уже о крупном рогатом скоте. Здесь пастбищные угодья были ограничены, очень скудными были сенокосные поля, что создавало проблемы с запасом фуража на зиму. Козы же могли содержаться круглогодично (кроме зимнего периода) в свободном выпасе, без присмотра. Любопытно, что обыкновенно рано утром хозяйка отпускала их из загона. А вечером, поднявшись на невысокий выступ с хорошей видимостью у окраины села, зазывала их обратно домой. Козы, услышав знакомый голос, тут же начинали спускаться с высоких обрывистых скал, где паслись целый день, и шли в загон. Следует особо отметить, что туда, куда поднимались козы во время пастьбы, не могла забраться никакая другая скотина.

Для бедных хозяйств содержание коз было выгодным делом в том смысле, что козы довольствовались меньшим уходом и ограниченным запасом фуража на зиму. Зимой, когда выпадало много снега, их не выводили

¹ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. СПб., 1889. Вып. 3. С. 188.

во двор. В хлеву кормушки для коз не устраивали. Если коз было много, то просто натягивали вдоль стены длинную веревку, к которой привязывали до 1 метра веревки с петлями для коз. На каждую петлю приходилась одна коза. Но когда их было меньше, то их отпускали ходить по хлеву.

В экономическом аспекте козоводство обеспечивало хозяйство дешевым диетическим мясом, молоком, шерстью и шкурами. Коза могла отелиться дважды в год, но если был хороший уход, то в течение 15 месяцев и трижды. Те хозяйства, которые вели отгонное овцеводство, в отарах имели до сотни коз, которые вместе с овцами также отгонялись на летние пастбища. Они выполняли роль вожаков отары.

Из козьей шерсти изготавливали в основном веревки, которые считались самыми прочными, ворсовые паласы «чодари бузмуи», которых использовали как накидку на лошадь, делали мешки – «чувол», «хурджин». Из козьей шкуры изготавливали скатерть для раскатывания теста. Козье молоко пользовалось большим спросом. В отличие от овечьего, козье молоко содержало меньше жира, но считалось целебным и успешно употреблялось в основном в лечебных целях, например, помогало от простуды. Только козье молоко могло в нужное время заменить материнское молоко для младенцев.

Ослы. В конце XIX – начале XX вв. эти животные в хозяйстве таджиков играли важную роль как транспортное средство для перевозки грузов и для верховой езды. Хозяйства, которые не имели ослов, были редкостью. В богатых хозяйствах количество ослов достигало нескольких десятков голов. В средних хозяйствах было до 10 голов, а в бедных — по одному или два осла. Были, конечно, и такие хозяйства, которые вовсе не имели ослов.

Ослы были распространены почти во всех зонах. В горных условиях они были более выносливы, чем лошадь, и могли нести на себе груз по таким узким тропинкам, по которым лошадь и без груза просто не могла пройти. Как пишется в «Записках русского географического общества», в Каратегине рассеяны по горам оседлые таджики, которые проживали в небольших

деревнях, иногда по три или четыре двора, расположенных на неприступных высотах или над глубокой пропастью. Жители этой страны не имеют другого вьючного скота, кроме ослов, но чаще переносят тяжесть на себе¹.

Содержание ослов не требовало большого труда. Кормом могла быть всякая трава, которая росла вдоль дороги и в канавах. Уход за ослом считался несложным делом. Только тогда, когда наступал сезон сельскохозяйственных работ, уходу за ослами начинали уделять больше внимания. Если ослы содержались в стойле, то им давали на корм размельченную солому с овсом. Но были и такие хозяйства, которые хорошо ухаживали за ослами. Следует отметить, что ослов так же, как и волов, и лошадей, после долгой зимы выводили во двор, где их охлаждали.

Часто осла использовали как верховое животное. Для верховой езды на осле как на лошади пользовались седлом. На осле обычно передвигались дети, старики и молодежь. Но когда ездили женщины, то на животное надевали попоны – «тукуму чилд». Ими могли пользоваться и в обычной жизни во время работы. В отличие от лошади, во время езды на осле уздечки не применяли, а управляли им ногой, при этом осторожно касаясь брюха. Часто для управления пользовались небольшой палочкой с заостренным концом – «хала», в среднем до 50-70 см в длину, дотрагиваясь ею до шеи осла.

Для детей езда на осле считалась, с одной стороны, настоящей забавой, а с другой, – это была своего рода школа для выработки навыков в сельскохозяйственных работах. Они с утра садились на ослов и ездили за сеном или подвозили воду. Часто уходом за ослом занимались подростки, так как ослы, в отличие от лошадей, были почти во всех хозяйствах, то часто на торжествах в честь обрезания или по поводу больших семейных мероприятий устраивали козлодранье на ослах – «бузи хараки». Подобное развлечение было очень зрелищным и в нем участвовало много молодежи и подростков.

¹ Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. СПб., 1889. Вып. 3. С. 212.

Мулы в хозяйствах таджиков были редкостью. Они были распространены в основном в хозяйствах тюркоязычного населения, у которых таджики и приобретали мул.

Таким образом, следует отметить, что основную массу скота на территории Таджикистана составляют мелкий рогатый скот, который бытовал в древнейшие времена, даже в диком образе. Также обнаружено множество останков крупного рогатого скота в неолетическом периоде. Особо следует сказать о лошади. Как уже нами отмечено, кости домашних животных, обнаруженных в культурном слое Кангуртутских находок, имеются и останки лошади, датируемые II тысячелетием до н. э.¹, а в северной Бактрии – относящиеся к эпохе бронзы. Большинство исследователей сходится во мнении, что арийские племена первыми одомашнили лошадь. Содержание и техника ухода за скотом являлись традиционными и были основаны на эмпирическом опыте наших предков.

2.2. Степень развития и ареал распространения различных видов скота у таджиков

Анализ степени развития животноводства показал, что таджикское население в конце XIX в. вело в основном комплексное хозяйство. Во всех регионах земледелие сочеталось со скотоводством, а затем садоводством и домашними ремеслами. По словам Б. Х. Кармышевой, «соотношение этих отраслей и способы ведения хозяйства были разными, что обусловлено разнообразием природных условий, этническим составом населения и его культурными традициями»².

Этнический состав населения Восточной Бухары был очень пестрым. В

¹ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 166-167.

² Кармышева Б. Х. К истории происхождения гиссарской овцы. Доклады АН Таджикской ССР. 1953. Вып. 7. № 3. С. 45.

высокогорных районах жило в основном таджикское население, «долины рек (по средним и нижним их течениям) и невысокие горы между ними были заняты полукочевыми узбеками, среди которых были вкраплены группы исконно оседлого узбекского и таджикского населения, в основном называемые чагатаями»¹.

Скотоводство было развито в Гиссарском, Каратегинском и Бальджуанском бекствах. В 70-е гг. XIX в., после присоединения Гиссарского бекства к Бухаре, эмир бухарский за мелкий скот ежегодно брал с Гиссарского бекства закот в размере до 25 тыс. тенге².

По свидетельству источников, к началу XX в. общее количество скота в Каратегине составляло примерно 150 тыс. овец и коз, 15 тыс. лошадей и 60-80 тыс. голов крупного рогатого скота³. В Кулябском бекстве поголовье скота было ниже – 25 тыс. баранов и коз, 60 тыс. голов рогатого скота, 30 тыс. лошадей, 25 тыс. ослов, 200 верблюдов. В Бальджуане – 30 тыс. баранов и тысячи других видов скота⁴.

По свидетельству А. Снесарева, можно было встретить в каждом кишлаке... по два-три богача бая, у каждого из которых имелось по 200 баранов, 2-3 лошади, 2 пары быков, 2 коровы, в среднем в хозяйстве насчитывалось 20-30 баранов, одна лошадь, пара быков, одна корова⁵.

Следует отметить, что в Восточной Бухаре точного учета поголовья скота у населения не велось, к тому же многие скотоводы скрывали точное количество поголовья скота. Приводимые данные о поголовье скота получены нами при опросе жителей, а также из некоторых работ, где имеются сведения о состоянии скотоводства. Во многом эти цифры являются

¹ Кармышева Б. Х. К истории происхождения гиссарской овцы. Доклады АН Таджикской ССР, 1953. Вып. 7. № 3. С. 45.

² Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. Т. 32. Ч. 1. С. 137.

³ Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб., 1906. С. 62.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 76.

условными.

По данным капитана Покотило, по девяти бекствам Восточной Бухары (Денау, Курган-Тюбе, Куляб, Бальджуан, Гиссар, Сари-Джуй, Ширабад, Байсун и Кабадиан) к началу второй половины XIX в. количество верблюдов достигло 12 тыс. голов, баранов 2 млн. 345 тыс., крупного рогатого скота 416 тыс., лошадей 309 тыс.¹ К этому следует добавить и сведения купца С. Мазова, который писал, что «животные бекства Бухарского ханства и кочевников в верховьях Амударьи, населения Каратегина, Памира, Бадахшана и Северного Афганистана определяется свыше 6 млн. голов овец и коз (скот этот крупный, обладает длинной тонкорунной шерстью). Некоторая часть скота принадлежала кочевникам долины Гиссара, Каратегина и Куляба².

По некоторым данным, к началу XX в. в Восточной Бухаре приблизительно имелось 858 158 тыс. голов баранов, овец, коз, коров, рабочего скота, как-то: верблюдов, лошадей, быков, ослов – 83 774 голов³.

Как уже отмечалось, основное количество поголовья скота находилось во владении богатых хозяйств. Такие хозяйства имелись и среди таджикского населения. По историко-этнографическим данным имелись богатые хозяйства с большими отарами овец и табунами лошадей. Такие были в бекствах Каратегина, Дарваза, Бальджуана, Куляба, а также в селениях с таджикским населением в районах Фориш, Нилу, Сангардак, Хончиза, Нанай, Пскент и других местах современного Узбекистана. Например, в Ховалингском амлякдарстве Кулябского бекства некий Ибрагим-бай, по национальности таджик, кроме крупного рогатого скота, одних коз и баранов имел 4 тысячи..., и нанимал до 50 батраков в качестве пастухов. Из селения Казок (Бальджуанского бекства) Собир-бай имел до 2 тыс. голов овец,

¹ *Покотило Н. Н.* Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888. № 3. С. 65.

² *Мазов С.* Восточная Бухара, Бадахшан и Северный Афганистан. По чужим и своим наблюдениям // Русское дело. 1886. № 17.

³ ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

несколько табунов лошадей и сотни голов рогатого скота¹.

Население Шугнана, Рушана и Вахана, как и другие таджики, наравне с земледелием занималось и скотоводством. Разводили в основном мелкий рогатый скот – овец, коз, а также крупный рогатый скот и лошадей. Согласно исследованию Б. И. Искандарова, в среднем на один двор (имелась в виду зажиточная часть населения) приходилось от 10 до 15 баранов и коз, 2 лошади и 2 головы крупного рогатого скота².

Долина Хуф по сравнению с другими районами Припамирья считалась богатой скотом. Согласно сведениям М. С. Андреева, в Хуфе богатым человеком был Курбан-Мамад из села Винист. У него было 100 голов овец, 4-5 волов, 3-4 коровы. Он также владел большим количеством земли. Но верхние селения жили беднее. Например, в селении Банай, расположенном в верховье долины Хуф, на 10 хозяйств приходилось следующее количество скота: лошадей – 4, баранов – 22, коров – 17, овец – 236, коз – 37, козлов – 7, волов – 7, быков – 6, телят – 116³.

Препятствием для роста поголовья скота у горных таджиков являлась долгая зима, во время которой необходимо было все время держать скот запертым в помещении и кормить заготовленным заранее кормом. Слабо было развито скотоводство и на Дарвазе. По сообщению капитана Кузнецова, в Чильдаринском амлякдарстве самое богатое хозяйство имело до 50 баранов, 3-4 коровы, 2 вола, 2-3 лошади. Но в Тавильдаринском и Сагирдаштском амлякдарствах скота было больше. Основное количество поголовья скота было сосредоточено также в руках богатых хозяйств⁴.

Но в то же время безскотных и малоскотных дворов было много. Количество скота во всех припамирских бекствах было следующим: рогатого

¹ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX - начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 48.

² *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. Т. 32. Ч. 1. С. 136.

³ *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. 2. Труды Института истории АН Тадж. ССР. Т. 7. Сталинабад, 1953. С. 300.

⁴ *Кузнецов П.* Дарваз. Рекогносцировки 1882. Новый Маргелан, 1893. С. 73.

скота около 3500 голов, овец – 33 тыс., лошадей – около 800, верблюдов – менее 100 голов¹.

Катаклизмы природы, могли стать причиной уменьшения поголовья скота. Так, на Западном Памире в 1902 г. в связи с затяжной зимой и нехваткой кормов погибло много скота. Здесь из-за этого был отменен налог с населения на два года².

Животноводство, как одна из ведущих отраслей экономики Туркестанского края, более было развито в трех его областях – Закаспийской, Сыр-Дарьинской и Семиреченской. Если в пяти областях поголовье скота составляло 19 257 тыс. голов, то в трех последних областях этот показатель был свыше 16 млн.³

Как пишет Б. М. Бабаханов, животноводство в земледельческих хозяйствах не имело самостоятельного значения⁴. Лошади и волы содержались для пашни и для передвижения. Горожане держали небольшое количество скота. Например, по статистике 1886 г. в городе Ходженте имелось 9591 голов домашнего скота: верблюдов – 33, лошадей – 660, ослов – 4067, коров – 1007, волов рабочих – 906⁵.

О слабом развитии животноводства в Фергане говорит тот факт, что здесь под посевами было отведено 250 тыс. танапов земли, а для выгона скота оставлялось 130 танапов земли, не пригодной для орошения⁶.

В Унджинской и Костокозской волостях поголовье скота было незначительным. Овцеводство никогда не было развито в этих районах. Оно занимало второе место в животноводческом хозяйстве. Население покупало овец у окрестных кочевников для откорма на мясо для собственного

¹ ЦАУ Узб. ССР. Фонд Политагентства в Бухаре. Д. 260. Л. 22.

² Государственный архив ГБАО Тадж. ССР. Ф. 115 (личный фонд А. Е. Снесарева). Ед.хр. 1, 1902-1907-1908 гг.

³ *Гаврилов М. Ф.* Этнографический обзор Туркестана // Очерки хозяйственной жизни Туркеспублики. Ташкент, 1921. С. 54-55.

⁴ *Бабаханов М. Б.* Предпосылки революционного Союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 34.

⁵ ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л.56.

⁶ *Арандаренко А.* Скотоводство в Зарафшанской долине // Досуги в Туркестане. СПб., 1889. С. 85.

потребления¹.

Продукты животноводства были связаны с рынком. В этой области появились скупщики, оптовые торговцы, покупающие кожу, шерсть и т.д. Мясники выполняли также функцию поставщика шерсти и кожи. Многие торговые фирмы европейской России открывали в различных местах области постоянные торговые заведения для скупки сырья. Дело доходило до того, что если эти товары не поступали в Туркестан, то в дело вмешивался Туркестанский генерал-губернатор².

Например, когда каратегинцы стали вывозить товары в Фергану в меньшем количестве, то по просьбе ферганского военного губернатора Туркестанский генерал-губернатор предложил Российскому политагентству в Бухаре сообщить о причинах сокращения вывоза продуктов из Каратегина в Фергану, попросить эмира наказать бека за то, что он препятствует вывозу в Фергану³.

На данной территории в 1907 г. скотных базаров насчитывались 320 с общим оборотом до 4 млн. руб.⁴ В 1879 г. было продано рогатого скота на сумму 16 тыс. руб., лошадей – на 18 тыс. руб., ослов – на 12 тыс. руб., овец – 24 тыс. руб. Цены на живой скот были разными и зависели от времени года. Цена на лошадь, например, колебалась от 20 до 80 руб., коровы – от 18 до 30 руб. По тогдашним ценам, от продажи одного барана он имел доход в сумме от 1 до 1,5 руб.

Рабочие быки ценились дороже и стоили от 35 до 60 руб. Цена овцы колебалась от 7 до 15 руб. Зимой откормленная овца стоила от 25 до 27 руб.⁵

Согласно данным 1913 г., до начала инфляции и эмиссии денег в

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 158-159.

² ЦГИА Узбекской ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 188-189.

³ ЦГИА Узб.ССР. Ф.2. Оп. 1. Д.28. Л. 188-189.

⁴ *Пален К. К.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. СПб., 1911. Ч. I. С. 64.

⁵ ЦГА Тадж. ССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1966. Л. 98.

Ходженте, фунт баранины стоил 13 коп., сала – 24 коп. По статистике 1894 г., в Ходженте имелось 80 мясных лавок¹. Население Ходжента и других городов предпочтение отдавало баранине. Мясник, как правило, покупал овец в живом весе и, приводя их к лавке, там же и резал. По тогдашним ценам, от продажи одного барана он имел доход в сумме от 1 до 1,5 руб.²

По сведениям 1879 г., в городе имелось 40 извозчиков, что говорит о содержании лошадей, используемых как тягловая сила.

Несмотря на развитость животноводства в Туркестанском крае, оно в целом все еще уступало земледелию. Если общую стоимость всей сельскохозяйственной продукции взять за 100 %, то доля полеводческой продукции составляла 78 %, а животноводческой – 21,1 %³.

Одной из причин уменьшения поголовья скота были различные эпидемии, охватывающие почти каждый год хозяйства животноводов. Ветеринарное дело на территории обследования было поставлено очень слабо из-за нехватки специалистов врачей-ветеринаров. По статистическим данным, в 1909 г. в Самаркандской области ветеринарный персонал состоял из ветеринарного инспектора, 6 пунктов и 4 уездных фельдшерских врачей, ветеринарного врача при Самаркандской городской скотобойне, 8 ветеринарных фельдшеров и 13 ветеринарных стражников. С таким количеством ветеринарного персонала на территории области с миллионным населением и приблизительно с 700 тыс. голов скота вести службу было фактически невозможно. А на рынки этой области каждый раз поступали из других областей (даже Восточной Бухары) сотни голов скота на продажу (особенно мелкий рогатый скот). Другим источником загрязнений и инфекции были территории у мясных лавок. Еще в 1894 г. И. И. Гейгер отметил наличие в Ходжанде большого числа мясных лавок. Согласно

¹ *Гейер И. И.* Туркестан. С дополнительной статьей «Семиреченская область», составленной А. Л. Кирснером. 2-е изд. Ташкент: А. Л. Кирснер; Тип. Туркестанского т-ва печатного дела, 1909. С. 40.

² ЦГА Тадж. ССР. Ф. 1. Оп. 1.2. Д. 1117. Л. 71.

³ *Бабаханов М. Б.* Предпосылки революционного Союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 36.

статистике 1910 г., их было 85. В прошлом убой скота производился у каждой лавки. Начальник Ходжандского уезда подполковник Н.С. Лыкошин 8 ноября 1907 г., обращаясь к Туркестанскому генерал-губернатору, писал, что город Худжанд до настоящего времени не имеет городской скотобойни¹.

Первая скотобойня была построена за пределами городских ворот Масчиди Савр, недалеко от местности Дунги мазор. Она находилась в арендном пользовании частных собственников. Годовой доход скотобойни составлял 2300 руб. В 1911 г. было получено 5 350 руб., в 1919 г. – 19 000 руб. В данный период к убою на мясо, вследствие болезней, старости и истощения не допустили 1 658 голов скота. На бойнях же не было допущено к продаже и было уничтожено 34 687 отдельных органов и частей мясных туш, которые были поражены различными патологическими болезнями.

В это же время в области наблюдались вспышки различных болезней, таких как ящур, сибирская язва, эмфизепотозный карбункул, бешенство и др. Широкое распространение имела ящурная эпизоотия, особенно в Ходжентском и Катта-Курганском уездах².

Ветеринарная служба врачами оказывалась на дому, в амбулаторных и выездных пунктах. Данная служба в период своего становления являлась бесплатной, но из-за маломощности ветеринарное обслуживание было не в состоянии охватить все население³.

В восточной части Бухары, в основном в горных районах, ветеринарное обслуживание вообще отсутствовало. Население относились к нему с недоверием, и прибегало к различным методам лечения, основанным на опыте своего народа. Этот опыт был очень богатым, и об этом во время полевых работ нами был собран весьма интересный материал.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. животноводство, как отрасль хозяйства, занимало после земледелия важное место в хозяйстве таджиков. Слабо было развито животноводство в Ферганской области, в

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. 1. Оп. 12. Д. 895. Л. 53.

² Обзор Самаркандской области за 1909 г. Самарканд, 1912. С. 21.

³ Там же. С. 21-22.

Унджинской и Костокозской волостях. Большое количество скота содержалось в горных и предгорных районах Каратегина, частично Дарваза, Куляба. Причиной уменьшения поголовья скота, были различные эпидемии, охватывающие почти каждый год хозяйства животноводов.

Внутренняя экономическая раздробленность, политическая отсталость, оторванность от более развитых центров Средней Азии, при наличии в некоторых местностях остатков дофеодального уклада, обусловили тот факт, что население исследуемого нами региона по своему социально-экономическому и политическому уровню развития отставало от населения других регионов Средней Азии. Даже некоторые мероприятия, проводившиеся местными правителями по улучшению ирригационных систем, расширению посевных площадей, пастбищных угодий и др., не могли, в конечном счете, ликвидировать экономический и политический застои¹.

Исследование ареала распространения различных видов скота в начале XX в. показало, что между различными видами скота существует определенное соотношение, которое иногда нарушается по различным причинам – из-за природных катаклизмов, эпидемией, войн и др. Через определенное время – это соотношение быстро восстанавливается. Хотя имеющаяся по этому вопросу статистика не является безупречной, тем не менее, соотношение между различными видами скота здесь более или менее объективно. Рассмотрим интересующий нас аспект животноводства подробнее.

Животноводство развивалось неравномерно. Так, у таджиков северной части, то есть равнинной, его роль в хозяйстве была незначительной. По сведениям Н. Н. Ершова, здесь животноводство не было основным занятием, как и у всего оседлого населения Ферганской долины. Он также отмечает, что это положение было характерно и для Самаркандской области, и для

¹ *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. Т. 32. Ч. 1. С. 10.

мест древней оседлости по Зеравшану и Сырдарье. Причины были различные и зависели от таких факторов, как наличие пастбищных угодий и присутствие разнообразных природных и климатических условий¹.

Местное таджикское население никогда не занималось разведением скота и содержало либо рабочий скот, либо коров для получения молочных продуктов и мелкий скот (баранов) для откорма и забоя на мясо².

В 1908 г. в Самаркандской области имелось 1 285 650 голов скота, а в 1909 г. этот показатель увеличился на 5,2 %. Основная масса была сконцентрирована в Джизакском уезде – 570 199 голов, затем шел Ходжентский уезд – 367 834 голов и Ката-Курганский – 140 845 голов скота. При этом овцы курдючные составляли 743 820 голов, козы – 181 603, рогатый скот – 13 957, лошади – 105 799, рабочие волы – 70 225, верблюды – 47 244, ишаки – 38 788, овцы каракульские – 14 930 и свиньи – 868 голов³.

Поголовье скота в Унджинской и Костакозской волостях, по сравнению с горной частью, было очень незначительным. На каждое хозяйство здесь приходилось 1,4 голов скота. Соотношение различных видов скота было следующим: то первенствовал крупный рогатый скот, т.е. рабочие волы и коровы, то овцы и козы, которых на каждое хозяйство приходилось в среднем по 0,3 головы. После них шли ослы, лошади и верблюды⁴.

На основе имеющихся данных следует отметить, что в 4577 хозяйствах Унджинской и Костакозской волостях имелось по 626 лошадей, 3 333 головы крупного рогатого скота, из них 1 177 быков и 1 111 коров, 1 383 головы мелкого рогатого скота, 1 062 осла и 54 верблюда. 1 580 хозяйств совсем не

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 151.

² *Миддендорф А. Ф.* Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 157, 289.

³ Обзор Самаркандской области за 1909 г. Самарканд, 1912. С. 19-20.

⁴ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 151.

имели скота даже и рабочего¹.

В пригородной Унджинской волости поголовье скота было еще ниже. Имелось 69 голов лошадей, 111 коров, 75 быков и 327 овец и коз. В соотношении каждого из этих видов, например, крупного рогатого скота, коровы составляли 33 % и имели их всего 30 % хозяйств, о чем свидетельствуют материалы переписи 1917–1920 гг.²

Что касается данных о количестве скота в нагорных районах Зеравшана, то они в 1879 г. намного отличались от данных по равнинной части этой области. Лошадей здесь имелось 6 800 голов, рогатого скота – 18 480, мелкого рогатого скота: овец 148 000 и коз 10 800, ослов и мулов – 5 800 и верблюдов – всего 8 голов.

В Ура-Тюбинском регионе, несмотря на климатические и географические трудности (половина территории занята горами, покрыта камнями и галькой), скотоводство имело пастбищно-овцеводческое направление с подсобным для земледелия значением. Здесь в составе стада большой удельный вес имел мелкий рогатый скот – овцы и козы, составляющие 67 %, далее крупный рогатый скот – 10 %, а затем уже другие виды скота. В Афтобруинской и Фальгарской волостях Кухистана основное поголовье скота составляли овцы и козы, их удельный вес равнялся 76,9 %, 88,1 %, соответственно. В целом, по Кухистану мелкий рогатый скот составлял 81,2 % всего поголовья скота³.

Например, рассмотрим количество скота в селении Муштиф, долины Ягноба:

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С.79.

² Там же.

³ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930. С. 132.

Хозяйство	Овцы	Коров	Волеы	Ослы	Телки
Мавлон	18	1	1	-	-
Абдурахмон	5	1	-	1	-
Сангин	8	1	-	-	1
Нур	10	1	1	1	-
Раджаб	12	1	1	1	-
Давлат	1	-	-	1	-
Юсуф	15	1	-	-	1
Нури-Чорбобо	1	1		1	
Всего	65	8	4	6	2

Малое количество телков (2-годовалого возраста) объясняется тем, что из-за трудности прокорма зимою их часто продавали, выменивая на зерновой хлеб¹.

Из вышеприведенных сведений можно сделать вывод, что в северных равнинных районах животноводство играло подсобную роль и служило земледельческому хозяйству.

В Восточной Бухаре животноводство в хозяйствах имело значительный удельный вес. Основным направлением являлось мелкое скотоводство. Например, в туманах Кулябского региона (Пархарский, Куляб, Муминабад, Ховалинг, Кангурт) имелось 44 705 хозяйств, которые насчитывали 65 7338 голов скота. В среднем на хозяйство приходилось по 14,7 голов скота. К вышесказанному следует добавить, что из них 63 % составляли мелкий рогатый скот и 29 % – крупный рогатый скот. Особенно следует отметить Пархарский туман, где средняя обеспеченность хозяйства скотом по сравнению с другими туманами была более значительной – 17,3 голов².

В Вахшской долине к 1914 г. по сравнению с 1886 г. поголовье скота

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 78.

² Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930. С. 81.

значительно повысилось и доходило до 185 300 голов. В Кулябском бекстве в этот период количество поголовья скота с 1895 по 1914 гг. колебалось. Если в первое время овец и коз было 20 000, крупного рогатого скота – 3000, лошадей – 1000, ослов – 800, то в 1906 г. поголовье скота было следующим: 250 000, 60 000, 30 000, 25 000, соответственно, а в 1914 г. всего 263 550 голов¹.

Следует отметить, что основная масса скота была сконцентрирована в богатых хозяйствах. Богатые хозяйства в Каратегине и Дарвазе имели от 500 до 2000 голов овец², а в долине р. Варзоб, в зависимости от географического расположения, количество скота в богатых хозяйствах колебалось от 500 до 1800 голов³.

Основным направлением животноводства в Гармском вилояте было мелкое скотоводство. В среднем по вилояту овцы и козы составляли 71,5 % от всего стада. Оно имело экстенсивно-пастбищный характер⁴.

Данные по Каратагу почти аналогичны вышеприведенным показателям: на 11 208 хозяйств приходилось 189 339 голов и в среднем по 16,9 голов скота на хозяйство. Мелкий рогатый скот составлял 83 %, крупный рогатый скот – 28 %. Что касается соотношения ослов и лошадей, то первые составляли 8,6 %, а вторые – 5,9 %. Если взять наличие скота в хозяйствах, то скота не имели 3,9 %, без рабочего скота было 18,3 %, а без мелкого рогатого скота – 60,6 % хозяйств (по переписи 1928 г.)⁵.

Например, в то время по Душанбинскому району на 6 944 хозяйства приходилось 111 848 голов скота, т.е. в среднем на одно хозяйство – 16,1 голов скота. Преимущество имел мелкий рогатый скот 4,1 %, затем шел

¹ *Покотило Н. Н.* Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. Ташкент, 1888. № 3. С.65.

² Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С.151.

³ *Неменова Р. Л.* Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 34.

⁴ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930. С. 172.

⁵ Там же. С. 59.

крупный рогатый скот – 27,1 %, лошади составляли 5,9 %, ослы – 2,9 %. Без всякого скота в районе было 4, 6% хозяйств, без рабочего скота – 12,8 %, без мелкого скота – 64,6 %¹.

Относительно расположенного в этой долине селения Янгибазар (современный Вахдат) имеются такие сведения о составе стад: в 13 970 хозяйствах имелось всего 197 713 голов скота. Из них: мелкий скот составлял 70 %, крупный рогатый скот – 22,6 %, ослы – 4,5 % и лошади – 2,8 %. В процентном соотношении хозяйства, не имевшие скота, составляли 4,8 %, не имевшие рабочего скота – 24 %, не имевшие мелкого скота – 48,8 %².

В Лакай-таджикском районе в 6 964 хозяйствах имелось 112 480 голов скота, в среднем 16,2 % на хозяйство, и самое высокое в процентном соотношении количество транспортных животных: лошадей – 5,9 %, ослов – 81,6 %³.

Во время гражданской войны (1920-1930 гг.) животноводческое хозяйство этих туманов пострадало. Пострадали все виды скота, а в горных районах сильнее всего пострадал транспортный скот (лошади) и мелкий скот, а рабочий скот значительно меньше⁴.

Таким образом, анализ приведенных материалов характеризует уровень развития животноводства во всех регионах, где проживало таджикское население. Почти во всех горных районах, как мы убедились, было развито достаточно хорошо овцеводство, которое в экономике хозяйства имело торгово-промысловый характер и молочно-продуктовую значимость. В равнинных районах животноводство было подчинено земледельческому хозяйству и во многом было связано с разведением крупного рогатого скота, в основном рабочего. Исходя из этого, можно сказать, что скот играл значительную роль в жизни таджикского народа. Он служил не только для целей земледелия, но и являлся главным источником денежных доходов

¹ Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. Ташкент, 1930. С. 59.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С.60.

⁴ Там же. С. 83-84.

населения. В приведенных нами материалах указываются размеры поголовья скота в хозяйствах таджиков, что являлось основным источником существования почти у всего предгорного и горного населения.

Как видим, в ареале распространения различных видов скота основную роль играли физико-географическое, природно-климатическое условия и экология местности, от чего и зависели кормовые угодья, а также традиционно сложившиеся способы ведения хозяйства. Эти, все вместе взятое, в свою очередь, и определяло соотношение различных видов скота и его поголовье в хозяйствах.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИВОТНОВОДСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1. Экономическое положение в Туркестанском крае, Восточной Бухаре и на Памире

Изучение экономического положения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX вв. показало, что развитие животноводства способствовало развитию местных промыслов и ремесел, которые в условиях господства натурального хозяйства обеспечивали потребность населения в местных изделиях и одновременно являлись дополнительным источником дохода семьи. Изучение экономических аспектов сочетания животноводства с ремеслом и домашним промыслом у таджиков в прошлом носило фрагментарный характер¹.

Ценные сведения о ремесле и домашних промыслах в целом содержатся в основном в двух этнографических работах, принадлежавших М. С. Андрееву и этнографам института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша – «Таджики долины Хуф» и «Таджики Каратегина и Дарваза»².

Что касается нашего исследования, то мы попытались выявить только те занятия, которые непосредственно основаны на животноводческом сырье или имеют какое-либо косвенное отношение к животноводческой отрасли хозяйства.

¹ Андреев М. С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. Вып. 1. Ташкент, 1927. С. 22-23; *Его же*: Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Деви Сафид // Из материалов мифологии таджиков // Из краткого отчета по этнографии экспедиции под рук. М. С. Андреева в 1925 г. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана, 1927. С. 75; *Его же*: По этнографии таджиков / В сб. Таджикистан. Ташкент, 1925. С. 168; *Его же*: Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928. С. 10. и др.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып. 2. Труды Института истории АН Тадж. ССР. Т. 7. Сталинабад, 1953. С. 180-215; Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. Вып. 1.

Территория современного Таджикистана в досоветский период входила в состав таких административных единиц, как Туркестанское генерал-губернаторство и Бухарский эмират. Из-за этого очень сложно установить общие данные о численности населения, экономических вопросах и занятых ремеслом и промыслом. Но, несмотря на это, мы постараемся восполнить данный пробел. Имеются лишь некоторые данные о занятии ремеслом в трех областях Туркестанского края: Самаркандской, Ферганской и Сырдарьинской. В первой было 8 370 ремесленных предприятий, на которых работало 11 472 человек, в Ферганской области эти показатели таковы: 18 175 и 29 460, соответственно, Сырдарьинской – 5 500 и 25 000, соответственно.

В Средней Азии, как пишется в источнике «Русский Туркестан», нет фабрик и заводов, нет мастерских на широкую ногу, с затратаю большого капитала на постройку здания, приобретения машин и наем управляющих и т. п.¹ Далее утверждается, что большая часть ремесла (Туркестанского округа) была сосредоточена в руках таджиков: которые имели в своих мастерских больше рабочих и больше машин, нежели другие...² «Они производят, как и должно быть, только то, на что имеется спрос; они удовлетворяют своих потребителей»³.

Городское население в основном было занято выделкой кожи, из шерсти выделывали грубые материи, ковры, кошмы и войлоки, которые служили предметом вывоза на продажу. Из Каратегина отправлялись в Туркестанский край бараньи и лошадиные шкуры.

Купленные в различных местностях партии овец перегоняются и, соединяясь по пути с другими партиями, достигают до рынков сбыта – Ташкента, Орска, Оренбурга и Троицка в виде громадных стад, распродающихся как на мясо, так и на сало. Последнее отправляется за

¹ Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу технической выставки в Москве. М.-СПб., 1872. Вып. II. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ Там же.

границу, а частью – на русские свечные заводы. Как обычно, торговля овцами всецело находилась в руках нескольких крупных коммерсантов, наживающих миллионы, а на долю скотоводов доставались только гнилые ситцы. Таким образом, проведение железной дороги от Ташкента в Оренбург, или на какую-либо станцию сибирской железной дороги произвело большой переворот в степи¹.

Как видим, в источнике хорошо характеризуется сбыт живого скота на территории Туркестанского края. Но здесь также выгодным товаром считалась шерсть, как и у таджиков Восточной части. Весенняя стрижка шерсти по качеству уступает осенней. Но зато весенняя получается значительно большей. Далее автор в «Русском Туркестане» описывает значимость шерсти, как товара и готовой продукции.

«Весенняя шерсть идет в продажу, а осенняя остается у хозяина и идет на приготовление различных шерстяных изделий: мешков, широких тесом для юрт, арканов, войлоков и ковров. Торговля шерстью, также, как и торговля овцами, находятся в руках нескольких коммерсантов, практикующих в большинстве случаев меновую торговлю на предметы, нужные кочевнику. Затем купленная шерсть, на верблюдах доставляется в места, где производятся прессовка, а отсюда направляется в Самарканд и поступает на рынки России. От шерсти отделяли пух, так называемый «тибит». Из него изготовляли шерстяную ткань для чалмы и фута – пояса»².

Этими изделиями славились мастера из Ура-Тюбе. Здесь также изготовляли зимние халаты – чагман. Они были востребованы в основном путешественниками, торговцами и др. Торговцы, ежегодно разъезжая по степи, отделяющие Коканд от России и Китая, променивали стеганные бумажные халаты, одеяла и разных родов ткани на скот, кожи, сало, шерсть и меха³.

¹ Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу технической выставки в Москве. М.-СПб., 1872. Вып. II. С. 21.

² Там же. С. 21

³ Записки Императорского Русского географического общества. Книжка 3. СПб.,

Следует отметить, что город Ура-Тюбе являлся развитым ремесленным городом еще до присоединения к России. Он был почитаемым городом кокандцев. Ежегодно казне кокандского хана приносил доход 1 318 400 руб.¹ Они славились своими шальями из козьего пуха, которые соперничали с кашмирскими².

Аналогичные шерстяные материи изготовляли также в Гиссаре, Каратегине, Дарвазе, Кулябе и Бальджуане, а также таджиками Афганистана. Изготавливались кошмы, паласы, мешки – джувалы, подпруги и др. предметы.

По данным закаспийской железной дороги, всего за последние годы вывезено было следующее количество шерсти: в 1893 г. 91 919 пудов, в 1894 г. – 101 340 пудов, в 1895 г. – 105 680 пудов. Кроме того, много шерсти поступает на оренбургский рынок из северо-западных уездов Сырдарьинской области, где преобладает кочевое население, занимающееся овцеводством³.

Большое место в ремесленном производстве занимало валяние войлока, который широко использовали в домашнем обиходе. Ими застилали полы в домах. Согласно сведениям очевидцев, в годы войны при обороне городов войлоком обшивали крепостные стены, чтобы в нем застревали стрелы. Войлок использовался как подкладка для головных уборов, которые надевались во время сражений⁴.

В источнике «Сельское хозяйство Туркестанского края» описывается система торговли животноводческой продукции: «Торговля овчиной имеет точно такой же характер, как и торговля шерстью. Овчины поступают отчасти на местные кожевенные заводы, где изготавливается так называемая меша, или мешун, идущая в больших партиях в Россию и поступающая на перчаточные и другие фабрики. Из меша идет изготовление туземной мягкой

1849. С. 186.

¹ Там же. С. 170.

² Там же. С. 213.

³ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С.102

⁴ *Мукмишиши Р. Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. Ташкент, 1976. С. 141.

обуви «ичигов», при этом кожи окрашиваются в разнообразные яркие цвета, преимущественно красный и зеленый. В последнее время здесь развилось кишечное производство; в Ташкенте теперь существуют 2 или 3 завода, очищающих массу кишок и сбывающих их за границу. Всего, по данным закаспийской дороги, ежегодно вывозится из края кишок на 100 000 руб. Самым крупным коммерсантом в крае по торговле кишками считается Дюршенидт, который первый начал это производство, а за ним последовали несколько других предпринимателей из туземцев»¹.

Заводов, занимающихся обработкой животных продуктов, в конце 1900-х гг. в городе Новом Маргелане был один, в Маргеланском уезде – 10, в Кокандском уезде – 66, Андижанском – 45, Ошской – 4, и всего в области было в количестве 165, сумма производительности которого составляло 121 210 руб., где были заняты свыше 866 рабочих. Овчинных заводов было намного меньше, только в Андижанском уезде – 10, где сумма производительности равнялась 3 010 руб. и рабочих всего 35 человек. Кожевенных предприятий также было мало, всего 3 в Ошском уезде с суммой производительности 900 руб. и 4 рабочими и, скорее всего, по своему типу оно ближе подходит к ремесленному заведению².

Если в Туркестанской губернии в 1892 г. имелось 5 927 фабрик и заводов, то из них 1 860 по своему типу ближе подходят к ремесленным заведениям. Большинство подобных заведений состоит из одного рабочего – самого хозяина заведения, а если рабочих и более, то почти всегда они принадлежат к той же семье и весьма редко нанимаются из посторонних. Только в 1892 г. по сравнению с 1891 г. число фабрик и заводов увеличилось на 1 926³.

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 102.

² Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 2. О фабриках и заводах в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 20.

³ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 2. О фабриках и заводах в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 20.

В 1905 г. на территории Туркестанского генерал-губернаторства существовали предприятия для обделки животной продукции – 12 кожевенных и 3 кишечно-мочных. На первом предприятии были заняты 75 рабочих, а на втором предприятии – 32. Кожевенные предприятия в 1905 г. производили продукцию на сумму 119 000 руб., а кишечно-мочные – на 76 500 руб. В 1908 г. кожевенные выпускали продукцию уже на сумму 202 692 руб., а кишечно-мочные – на 87 100 руб. Эти цифры показывают рост предприятий обрабатывающей животноводческой продукции за три года на территории Туркестанского генерал-губернаторства, что, в зависимости от спроса, с каждым годом увеличивало производство своей продукции.

В самой губернии занятие скотоводством, как главным промыслом, было разное. В Ферганской области этот показатель равен 4,77 %, в Самаркандской области – 8,38 %. Хотя скотоводство для края имело важное значение, но цифры доказывают, что далеко неодинаковое для разных местностей. В Закаспийской и Сырдарьинских областях этот показатель равен 32,23 % и 35,22 %, т. е. здесь население в основном являлось полукошачниками или кочевниками, которые и были заняты скотоводством.

Продолжая данный вопрос, следует отметить, что в Ферганской области скотоводством были заняты всего 148 таджикских состоятельных хозяйств, а земледелием – 12 455 хозяйств, около 40 % всех таджикских хозяйств. В Самаркандской области животноводством занимались всего 645 хозяйств, а земледелием 19 826 хозяйств, составивших около 50 % всех таджикских хозяйств в этой области, так как остальные составляли ремесленники и рабочие других занятий. Видное место в мелких промыслах занимает также выделка кожи и седел, преимущественно в Чусте, Наманганском уезде, хотя данное производство имело место и в других областях¹. Только по области количество сапожников составляло около 3 025

¹ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 22.

с суммой производства 372 900 руб.¹

Значительное место в ремесленном производстве занимало изготовление продукции из кожи. Мастера-кожевники изготавливали конские упряжки, ремни, чехлы для ножей, обувь, разные виды воинского снаряжения – кожаные колчаны для стрел, мешки для луков и т.д. Особое место занимало выделывание особого сорта шагреновой кожи – кимухт. В северных районах обувное производство местных мастеров занимало особое место и целиком удовлетворяло потребность населения за счет местного производства. Вырабатывались такие виды обуви, как: «муза» – сапоги, в основном из кожи местного производства; «кавш» – туфли из высококачественной кожи, которые ценились намного дороже и были доступны только состоятельным людям; «махси», или ичиги – сапожки с мягкой подошвой без каблука; «муки» – сапоги без каблуков, которые изготавливались из грубой кожи: их носили обыкновенно небогатые люди; «чорук» – «муки» с укороченным голенищем из сыромятной кожи и т.д. Как пишет И. К. Нарзикулов, эта продукция домашнего промысла очень редко изготавливалась ремесленниками для внешних рынков, так как потребность в ней была большой, и производство обеспечивало только местный рынок².

В 70-е гг. XIX в. в Ходженте имелось 1141 небольшое промышленное предприятие, включая торговые лавки: из них 11 сапожнических, которые были расположены друг к другу вплотную. Изделия, изготавливаемые в кустарных предприятиях и мастерских, по большей части продавались в этих же лавках³.

До завоевания Россией Средней Азии Ходжент ежегодно приносил доход хану 2 905600 руб.⁴ Еще в 1867 г. Н. А. Куцшакевич писал, что

¹ Обзор Ферганской области за 1892 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области. Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан, 1894. С. 22.

² Нарзикулов И. К. Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана. Труды АН Тадж. ССР. Т. XXXI. / ред. проф. А. А. Семенов. Сталинабад, 1957. С. 16.

³ Туркестанские ведомости. 1872. № 13.

⁴ Записки Императорского Русского географического общества. Книжка 3. СПб.,

Ходжент – это промышленный город. В экономической жизни города кустарная промышленность имела значительный вес¹.

В 1917 г. в Ходженте было всего одно ремесленное кожевенное заведение, в нем работали 25 рабочих. Была также одна шорно-седельная мастерская, работали в ней 2 человека. По всей Самаркандской области имелось всего две мастерских по шорно-седельному производству. Больше было сапожных мастерских – 25, где работали 50 человек².

В центральной и восточной частях Таджикистана развитие ремесла и домашнего промысла отличалось от северных районов. Если северные районы обладали транспортной связью с внешним рынком, и там постепенно развивалось фабричное производство, то в южных районах из-за отсутствия транспортного сообщения ремесленное хозяйство носило замкнутый характер, производство имело местное назначение. Здесь многие населенные пункты специализировались на определенных видах ремесленной продукции.

В развитии животноводства края важную роль играла заготовка кормов, которая отличалась от указанной нами восточной части Бухары. поголовье скота, которое содержало население, требовало кормов. Здесь данную проблему решали при помощи развития земледелия и выращивания специальных кормов для скота, часть из которых имел товарный характер. В долине Зарафшана население засеивало пшеницу, ячмень, кунжут, лен, просо, джугару и клевер. Клевер служил основным кормом для скота, а другие, после обработки, применялись как солома и служили кормом³. Клевер сеяли на площади 12,000 десятин, а джугару – на площади 26 400 десятин⁴.

В источниках отмечается, что люцерна на территории современного

1849. С. 215.

¹ *Мирбабаев А. К.* Историческое наследие Худжанда. Душанбе, 1995. С.89.

² *Нарзикулов И. К.* Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана. Труды АН Тадж.ССР. Т. XXXI / ред. проф. А. А. Семенов. Сталинабад, 1957. С. 34.

³ В нашей работе термины «клевер» и «люцерна» являются синонимами.

⁴ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 84.

северного Таджикистана «продавалась или в свежем виде, в виде зеленого корма, или же в высушенном, в виде сена. Продавалась по 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 50 коп. за сотню снопов. Люцерновое же сено или «бида», как называют туземцы, продавалась от 2 руб. 50 коп. до 4 руб. за сотню снопов. Такая цена на базарах господствовала до середины сентября. С этого времени цена на люцерновое сено быстро подымалась, причем в некоторые годы, как это было в 1895 г., доходила до 6 и даже до 7 руб. за сотню снопов. При весе каждого снопа в 7-10 фунтов стоимость вообще люцернового сена была не особенно высока, если принять во внимание его кормовое достоинство»¹.

Как видим, на данной территории люцерна имела товарный характер. В самом деле, «при цене сотни снопов в 4 руб., пуд люцернового сена обходился в 20 коп. Если сравнить эти цены с ценами, существующими на рынках юга России, то можно заметить, что обыкновенное пырейное сено редко бывает дешевле 20 коп. Пуд семян хорошей люцерны продавался по цене от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. Сравнивая эти цены с существующими в южной и западной России, и принимая во внимание стоимость доставки до места сбыта, мы найдем, что очищенные семена могут быть доставлены в Россию и проданы по ценам вдвое и втрое дешевле существующих»².

В Туркестанском крае часто сено и корм завозили из других регионов. В Туркестан из России поставляли люцерну. В России 100 снопов люцерны, весившие около 20 пудов, стоили от 30 до 40 руб. В Туркестанском крае стоимость люцерны была намного ниже. Несмотря на это, в урожайные годы стоимость 100 снопов люцерны в Туркестане не поднималась, а стоила до 12 руб.³

В 1911–1912 гг. в Туркестане был неурожай кормовых трав, по этой причине сено и овес привозились так же из европейской России. Высокие цены на хлеб и кормовые травы вызвали в Туркестане значительное

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С.85.

² Там же. С.84.

³ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 85.

сокращение площади хлопчатника и расширение земли под земледелие и посев пшеницы. Это объясняется тем, что земли под пшеницу после уборки урожая служили временными угодьями для пастьбы скота. Кроме того, в процессе молотьбы и веяния зерна собиралось много соломы, которая служила питательным кормом для животных.

Как видим, многие дехканские хозяйства Туркестанского края были зависимы от привозных кормов для скота. С другой стороны, среднеазиатская продукция поставлялась на российский рынок. Из Самарканда вывозилось ежегодно 20 тыс. пудов семян люцерны в Одессу и другие города¹. Но, несмотря на расширение площади хлопковых плантаций в Туркестане, и важности этой отрасли, в случае неурожайности хлеба и кормовых трав, население незамедлительно сокращало площади под хлопчатник и переходило на сеяние зерна.

Скот играл в жизни земледельца Туркестанского края и в его хозяйстве большую роль. Имеется запись в статье «Нужды туркестанского сельского хозяйства», которая отражает сложившееся экономическое положение в русском Туркестане: «завоевательная миссия отжала свой век, страна умиротворена, население спокойно продолжает заниматься ремеслом своих отцов, применяя в земледелии первобытную технику, почти без всякого намека, в то время как техника обрабатывающей промышленности с каждым днем делает новые открытия; во втором можно утверждать, что настало уже время для исполнения нашей культурной миссии, чего с нетерпением ожидает вся Средняя Азия»².

Закаспийская дорога подняла в высшей степени важную отрасль народного хозяйства. Но если проведение дороги, **игравшей вначале** исключительно военную роль, косвенно содействовало развитию народного хозяйства, то, что же произойдет, когда Туркестан будет соединен непосредственно с русскими рынками, главными потребителями местного

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 85.

² Там же. С. 191.

сырья. Производство некоторых видов ремесла, промыслы, скотоводство – все это ждет надежных и скоростных путей сообщения, а потому непосредственное и прямое соединение Ташкента с российскими железными дорогами является самой первою и неотложною мерою для содействия развития богатого одаренного Туркестанского края¹.

Таким образом, животноводство в развитии экономики страны играло огромную роль. В Туркестанском крае уже существовало множество промышленных предприятий, основанных на животноводческом сырье. Это свидетельствует о развитии товарно-денежных и первых признаков капиталистических отношений в северных районах Таджикистана, где животноводство имело значительное развитие.

Характеризуя экономическое положение Восточной Бухары и Памира, необходимо отметить, что по данному аспекту в архивах Таджикистана накоплено огромное количество достоверных материалов, относящихся к истории социально-экономического положения и ведения традиционного хозяйства таджиков. В общих чертах эти сведения отражены во многих работах по истории среднеазиатских народов, в том числе таджиков, как местными историками, так и русскими дореволюционными исследователями. Академик В. В. Бартольд писал, что в изучении истории и культуры народов Средней Азии «ученые мира почти всецело обязаны русской науке»², что нами и будет подтверждено.

Бухарские чиновники не вели статистику о поголовье скота на своей территории, поэтому большинство дореволюционных исследователей избегали информации о количестве поголовья скота. Но, несмотря на данное высказывание, скотоводство на территории Восточной Бухары занимало важное место после земледелия.

Многие русские исследователи информируют о степени развития и

¹ Очерк сельского хозяйства Туркестанского края. [Соч.] А. Шахназарова. СПб., 1898. С. 116.

² Бартольд В. В. Задачи русского востоковедения в Туркестане // Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. С. 17.

важности скотоводства в хозяйствах таджиков. Так, полковник Матвеев в 1879 г. пишет, что «баранина служит главным продовольственным средством для всего населения Восточной Бухары и Бадахшана. Характеризуя данную отрасль, отмечает, что скот составлял не только средства к пропитанию, но и предмет его внутренней и внешней торговли¹.

Другой автор – Н. А. Бендерский, описывая Гиссарское бекство, указывает на важность земледелия и скотоводства в хозяйственной жизни населения². В середине 70-х гг. XX в. Н. А. Маев указывает, что скотоводы Бальджуана и Куляба гоняли в Бухару стада баранов³. Капитан Быков пишет, что в Кабадианском бекстве скотоводством в основном занимаются кочевники, которые продают скупщикам до 4 тыс. голов баранов⁴.

Во время поездок бека или по требованию последнего для официальных лиц, приезжающих из Бухары на Памир или другие бекства, население обязано поставлять лошадей или носильщиков под выюки, а на речных переправах – турсуки⁵.

Следует отметить, что еще в конце XX в. закот, как и харадж имел натуральный характер, то в начале XX в. закот во многих местах взимался уже деньгами.

В 80-е гг. XIX в. возросло значение городов, как экономических центров. Многие города Восточной Бухары были известны, как центры торговли. Такие города, как Денау, Кабадиан, Каратаг, Душанбе, Куляб и Бальджуан были довольно известны как торговые центры. В Каратаге только постоянных действующих лавок было около 60. Здесь функционировали

¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 578. Л. 49 (Копия отчета поездки Г.Ш. полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в 1877 г.).

² Бендерский Н. А. Гиссарское бекство // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1905. № 42.

³ Маев Н. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // Известия ИРГО. СПб, 1876. № 7.

⁴ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 171 (Отчет капитана Быкова о поездке в город Карши до устья р. Кафарнигана, 1879 г.) Л. 79.

⁵ ЦГИА Узб.ССР. Ф.3. Оп. 2. Д. 61. Л. 100.

отдельно конский и скотный базары¹.

Если в 70-е гг. Г. А. Арандаренко писал, что в «Каратегине не существуют ни торговых лавок, ни караван-сараев»², то позже пишет, что в Гарме имеется базар, единственный во всем Каратегине и Дарвазе³. Здесь торгуют овцами, лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, пшеницею и другими изделиями. На Кулябском базаре бараны очень крупных размеров: (1.1/2 пуда мяса и пуд сала) стоили 18 руб., средние (около пуда мяса и 15 фунтов сала)⁴ стоили 7 руб. 50 коп., бык – от 30 руб. и менее, корова от 18 – 19 руб. и менее, хорошая лошадь стоила до 150 руб., средняя – 75 руб., плохая, но еще пригодная для вьюка – 40 рублей, ишак – 9-15 руб., верблюд стоит, как лошадь⁵. В Калай-Хумбе баран стоил от 60 коп. до 1 руб. 60 коп., корова – от 5 руб. до 8 руб., бык – от 6 до 12 руб., лошадь – от 16 до 50 руб.⁶

Как видим, между двумя пунктами торговли в цене – большая разница. Бездорожье и отсутствие транспорта не давали возможности сбывать сельскохозяйственную продукцию по соответствующей цене и, поэтому она продавалась намного ниже своей стоимости.

Особо следует отметить значение мостов через большие горные реки, по которым перегоняли отары овец. Они служили как посты-таможни. Известным в этом отношении был мост через реку Вахш – «Пули Сангин» (вместо современной построенной плотины Нурекской ГЭС) и «Пули Пумбачи» в нижнем течении Сурхоба. Аналогично этим мостам были и такие таможенные посты в районе Миршоди в Денауском бекстве и в долине реки Яхсу, которые служили проходными пунктами для скота с юга на север, с запада на восток и обратно. За прохождение через «Пули сангин» с вьючных

¹ Капитан Стеткевич. Бассейн Каратаг-Дарьи (Военно-статистический очерк) / Капитан Стеткевич // Сборник материалов по Азии. СПб., 1894. Вып. 57. С. 257.

² Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин (Этнографический очерк) / Арандаренко Г. А. // Военный сборник. 1883. Т. 154. № 11.

³ Краткое статистическое описание Каратегина / Васильев П. С // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Т. XXXIII. СПб., 1888. С. 22.

⁴ 15 фунтов сала равен 6 кг. 800 гр. – *Авт.*

⁵ ЦГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.

⁶ Кузнецов П. Дарваз. Рекогносцировки 1982 г. Новый Маргелан, 1893. С. 68.

верблюдов взимали 30 коп., с вьючной лошади – 15 коп., за одну корову – 7,5 коп., за стадо баранов – 25 коп. Без налога мог пройти только пеший человек¹. Эти мосты-таможни имели стратегический характер. Например, первый из них связывал Куляб с Дарвазом и Гиссаром, а второй – южную часть с Алайской долиной и с русским Туркестаном. Было множество и мелких мостов на горных реках, которые служили проходом для перегона скота, за что им приходилось платить закот. Эти переходы-мосты служили не только для перегона скота на летовки или рынки, но и использовались в качестве торгового пути, прохода отходников в Туркестан на сезонные работы, а также для дипломатических контактов. «Минус» этих мостов был в том, что через них совершались грабительские набеги.

Интересные сведения приводятся русским путешественником, полковником генерального штаба Снесаревым А. Е.², путешествующим в 1901–1908 гг. по всем районам Бухары, в том числе и Восточной Бухары. Он дает некоторые точные сведения о географическом, этническом и социально-экономическом положении этого края, в том числе и о пастбищах, угодьях, положении края и занятием скотоводством.

В конце XIX – начале XX вв. господствующее положение получает денежная рента, переплетавшаяся с отработочной рентой. Последняя являлась самой распространенной и живучей в Бухарском эмирате. Продуктовая рента существовала в виде натуральной подати со скота и взималась молочными продуктами, шкурами, шерстяными тканями, чулками и т. д. В Восточной Бухаре со скотоводов брали налог – закот, размеры которого не изменялись по сравнению с прежним временем. С одного верблюда взимали одну козу или овцу, у владеющего 120-200 овец или коз –

¹ *Маджлисов А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. Душанбе-Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко, 1967. С. 259.

² *Снесарев А. Е.* Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб., 1906. № 79. С. 148.

две козы или овцы и т. д.¹

В условиях развития товарно-денежных отношений значительно ускорился процесс обнищания населения. Как пишет Абдуназаров Х., «в Матчинской волости если 267 хозяйств вели обработку земли самостоятельно и 1045 хозяйств работали, объединялись в совместное товарищества, то 556 хозяйств не имели свой рабочий скот и обрабатывали свои земли наемным скотом»².

На Памире существовал ряд поборов под общим названием «амалиет»³, согласно чему все население Рушана, Шугнана и Вахана разделялось на 4 категории в зависимости от их имущественного состояния.

С каждых трех хозяйств первой категории ежегодно взимали 1 корову (1 сорта), первосортная цена в 6 руб 40 коп.; одну корову второсортной ценою 3 руб. 20 коп.; четыре барана стоимостью каждого по 1 руб. 20 коп.; четыре чашки топленного сливочного масла весом каждая по 5 фунтов; пары подков стоимостью в 80 коп., кусок маты, шкурки кунья, кусок местного сукна и т. д.

С каждых трех хозяйств второй категории ежегодно взимали 1 корову первосортную ценою в 6 руб. 40 коп.; три барана стоимостью каждого по 80 коп.; три чашки масла стоимостью каждой в 60 коп.; пара подков стоимостью в 40 коп.; кусок маты, шкурка кунья, кусок местного сукна и т. д.

С каждых трех хозяйств третьей категории ежегодно взимали 1 корову второсортную ценою в 3 руб. 20 коп.; три барана стоимостью каждого по 40 коп.; две чашки масла стоимостью каждой чашки по 40 коп.; пары подков стоимостью в 40 коп.; кусок маты, шкурка кунья, кусок местного сукна и т. д. В источниках отмечается, что «бухарцы обыкновенно взимали подати в двадцать раз больше»⁴.

¹ *Искандаров Б. И.* Из истории Бухарского эмирата: Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. М.: Восточная литература, 1958. С. 42.

² *Абдуназаров Х.* История животноводства Таджикистана (1920–1965 гг.). Душанбе: Ирфон, 2004. С. 53.

³ ЦГИА Узб.ССР. Фонд Политического агентства в Бухаре. Д. 350. Лл. 69-70.

⁴ Там же.

Дополнительно, в обязательном порядке, в пользу своего господина крестьяне приносили еще: масло, мясо, овощи и так далее, как праздничное подношение – «идона». Жители Хуфа обязаны были выполнить такие подати и повинности:

- раз в год, кроме пшеницы, давали подать под названием «Азиз – хон дуз», – это 2 шерстяные конские попоны и 10 пар шерстяных вязаных чулок;
- ежемесячно поставляли 1 пуд коровьего (сливочного) масла и 10 овец;
- выделяли двух человек «уктурбун» (шутурбон) для бесплатной круглогодичной пастьбы верблюдов шаха;
- два человека назначались пастухами («галабон»), которые пасли шахский табун летом. Зимой эти лошади распределялись по домам податного сословия для их содержания;
- два человека на летовке пасли стада шахских коров. Они изготавливали молочные продукты. Зимой этих коров безвозмездно распределяли по домам жителей до весеннего выгона на пастбище и т. д. Эти вышеприведенные повинности в основном были связаны только с содержанием скота.

Помимо феодальной ренты, существовали еще налоги, имевшие сходство с рентой, которые имели свои особенности и специальные назначения. Все виды налога взимались с населения согласно нормам, установленным шариатом. Налоги взимали с того, кто имел доходы. Считалось, что то, что приносит прибыль и имеет излишества, является грязной, этот излишек может быть использован только при условии, что он прошел путь очищения, т. е. от него уплачен налог – «закот». В Шугнани размер зякета составлял с 1/20 до 1/60 части поголовья скота¹.

Население Бадахшана, которое было расположено за пределами Бухарского и Российского владений, со сложными горными условиями,

¹ ЦГИА Узб.ССР. Ф. 2. Д. 379. Лл. 76-77.

которые ограничивали возможность расширения земледельческой площади, не имели возможность не только платить налоги, но иметь достаточно продуктов питания. Например, четыре деревни Ваханской долины: Кишлак, Ташкент, Имбаркар и Тестута жили очень бедно, в основном питались скотоводческой продукцией и проведением земледелия¹. Из-за бедности большая часть нужных для жителей вещей получают из Бадахшана и Коканда².

После завоевания и присоединения Средней Азии к России быстро стала развиваться торговля. Население на внутренних и внешних рынках продавало скот и продукты скотоводства. Со всех этих сделок, купли и продажи взимали закот (амина). Например, с одного батмана шерсти – 7 тенег, со 170 шт. каракуля – 2 руб., с одного верблюда стоимостью 120 руб. – 16 коп., с одного ишака – 8 коп., с одного барана – 6 коп., с коровы – от 5 до 15 коп. и т. д.³

Военно-политический интерес царизма требовал установления тесной связи с самыми глухими районами Средней Азии, для чего на территории современного Таджикистана было построено несколько колесных дорог. В 1900 г. была построена дорога от Термиза до Куляба (через Чубек, современный район Хамадани), затем были расширены вьючные тропы от Гарма до Алая и от Гарма до Калай Хумба. Ежегодно по этим дорогам из Каратегина, Дарваза, Куляба, Бальджуана, Гиссара и Курган-Тюбе через перевалы – Анзоб, Багбаши, Каракиз, Тамдикуль и другие перегоняли десятки тысячи голов скота. Строительство дорог способствовало дальнейшему экономическому развитию территории современного Таджикистана и привело к распаду натурального хозяйства. Восточная Бухара играла важную роль в обеспечении животноводческими продуктами, как Бухару, так и Ферганскую область. Об этом имеются следующие

¹ Записки Императорского Русского Географического общества / под ред. А. Н. Бекетова. СПб., 1861. Кн. 3. С. 156.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 66.

сведения в газете «Туркестанские ведомости»: в 1908 г. снабжение Ферганы громадным количеством баранов не состоялось, поэтому с каждым днем дорожает баранье мясо на рынках и не хватает для удовлетворения спроса населени¹.

Обследованные материалы по Восточной Бухаре свидетельствуют, что эта область имела свои специфические особенности, которые способствовали быстрому развитию товарно-денежных отношений. Восточная Бухара была богата наличием поголовья скота, продуктами животноводства, шерстяными изделиями, а также имела постоянные рабочие отношения в виде отходничества с областями русского Туркестана, что привело к усилению экономических взаимоотношений между Восточной Бухарой и русским Туркестаном. Это давало возможность накоплению больших денег в руках богатых людей, которые часто взимали денежные поборы с населения.

Повсеместно налогами облагались все виды домашних животных. Если они попадали в книгу выплаты «закота», то из года в год хозяин скота платил государству один и тот же налог, если даже у него не оставалось ни одного поголовья скота. В 1905 г. в газете «Туркестанские ведомости» напечатана статья «Подати и повинности в Восточной Бухаре»,² где указывается закот в следующих размерах: с 5 верблюдов – 1 баран, с 40 баранов – одного барана или козу, с 101 до 201 барана или коз – 2 барана, а свыше этого – с каждого лишнего за сотню – 1 барана или козу. А в следующем году при взимании налога закотчик уже не принимал во внимание того, что имеется увеличение поголовья или нет. Налоги взимались в следующем порядке: от 500 до 900 баранов или коз – стоимость 0,5 барана, от 900 до 1000 – барана или козу, свыше этого – с каждого 500 барана взимали стоимость половины одного барана.

О социально-экономическом положении западного Памира свидетельствуют статистические данные в отчете за 1904 г. секретаря

¹ Туркестанские ведомости. 1908. № 73.

² Туркестанские ведомости. 10, 11, 12 апреля. № 6, 7.

Российского политагентства в Бухаре А. Черкасова. Ситуация по поголовью скота выглядит так: рогатого скота (крупного) около 8 500 голов, овец до 33 тыс., лошадей около 800, верблюдов менее 100. Здесь прочно держалось натуральное хозяйство, кустарное производство не было отделено от сельского хозяйства. Население в основном занималось промыслом, как ткачество, кожевенное ремесло, выделывали мягкие сукна из овечьей шерсти и из киичьего (горного козла) пуха, которые шли на зимнее одеяние, выделывали киичью кожу, которая шла на обувь (пех), готовили сукно, шерстяные чулки, перчатки и т.д.¹

Торговля по причине сохранения натурального хозяйства не развивалась и сводилась лишь к простому товарообмену. Нередко пользовались услугами торговцев из Бадахшана (афганского). В Хороге имелись 19 торговых точек, где 1 пуд коровьего масла стоил 12 руб., говяжьего сала – 10 руб., 7 ведер молока – 80 коп., баран – 1,5 руб. и т.д.² Если перевести на деньги общего количества зякета (одну сороковую на овец и рогатый скот), то получится от зякета на скот (овца оценивается – 1руб., крупный рогатый скот – 5 руб.), всего 17 910 руб.³

Бухарские чиновники взимали следующие налоги:

- алафпули, плата за посев клевера, за использование подножного корма для скота;
- кушпули, налог с пары рабочих быков;
- яксарапул, налог с одного рабочего быка;
- зякот, налог со скота;
- улавгири, транспортная повинность, т. е., у которых не было транспорта, платили деньгами. Кроме этого, существовали и другие поборы, как налог со скота (со стада менее 40 голов), а также за продажу скота на рынке.

¹ Муханов А. В. Памирский район. Ташкент, 1912. С. 68.

² Назаршоев М. Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. Душанбе: Ирфон, 1975. С. 197-198.

³ ГА ГБАО. Ф. 25. Оп. 3. Ед. хр. 12. Лл. 178-179.

На вопросы политагентства о доходах эмира, бухарский кушбеги в 1912 г. ответил, что по всей территории ханства они состояли из следующих частей: сбор с торговли 715 тыс. руб., зякет (сбор с садов и домашних животных) 510 тыс. руб., закот савоим (сбор со скота) – 270 тыс. руб., и всего 3 345 тыс. руб.¹ Как видим, животноводство составляло огромный доход в казну эмира.

По статистике бухарского кушбеги, в 1912 г. эмирский доход составлял всего 3 345 тыс. руб.² Из них закот (сбор с садов и домашних животных) составлял 510 тыс. руб., закоти савоим (со скота) – 270 тыс. руб., которые по нашему мнению, в общей численности, составляли четверть всего сбора. Мнения исследователей в данной статистике расходятся и многие из них утверждают, что доходы эмира были гораздо больше. Например, с Каратегинского бека эмир получал скота как налогового, так и закотного около 60 тыс. голов, с торговли на базарах – 60 тыс. рублей, сливочного масла – 1 000 кг и т.д.³ (Местные миры ежегодно отправляли эмиру только 40-45 % денежного дохода, так что доходы от скотоводства составляли в разы больше, чем указаны в цифрах).

По животноводству Восточной Бухары в архивных данных имеется мало информации. По имеющимся документам, по всей территории Бухарского эмирата в 1914 г. зафиксировано 6 310 000 домашнего скота⁴. Из этого количества к Восточной Бухаре относится 2 165 000 поголовья скота, что в общем составляет 34,5 % всего поголовья.

Как уже нами информировалось, не во всех бекствах Восточной Бухары соотношение поголовья скота было равномерным. В Бальджуанском бекстве было 413 104 поголовья скота, в Гиссарском – 403 760, а в Кулябском

¹ ЦГИА Узб. ССР. Ф.3. Оп. 1. Лл. 441. Л. 2.

² Там же.

³ *Маджлисов А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. Душанбе-Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко, 1967. С. 202.

⁴ ЦГА РТ. Ф.Р.21. Оп. 1. Д. 157. Л. 5.

бекстве – 268 550 голов скота¹. Хотя по другим источникам, поголовье овец, коз и коров насчитывало 858 158 голов, рабочего скота – верблюдов, лошадей, быков и ишаков – 83 774 голов².

Исходя из всего этого, исследователь, историк Ш. Т. Юсупов отмечает, что для использования зимних пастбищ в Олимтое скотоводы платили Кулябскому беку налог – хасоно (хаспули)³.

Имелись также сведения о формах барщинных работ на своих хозяев⁴. Из содержания этих документов, которые являются юридическим подтверждением, становится ясно, что крестьянин в обязательном порядке должен был выполнить в пользу господина различные работы.

Как уже отмечено, в товарообмене между Восточной Бухарой и остальной частью Туркестана большую роль играла торговля скотом и скотоводческим сырьем. Восточная Бухара импортировала в российский Туркестан кожевенное сырье и кишки на сумму 400,000 руб.⁵ Если в 1914 г. вывоз баранов составлял 12 тыс. голов на сумму 100 тыс.руб., то в 1915 г. данная статистика показывает аналогичную цифру – 12 тыс. голов, но уже в сумме 150 тыс. руб.⁶ Стоимость на всю импортную продукцию увеличилась почти на одну треть. Скорее всего, это было связано с участием России в Первой мировой войне. С началом Первой мировой войны началось дальнейшее усиление эксплуатации колониальных народов, особенно в Туркестане. Здесь у населения отбирали по так называемым «казенным

¹ ЦГА РТ. Ф.Р.21. Оп. 1. Д. 157. Л. 5.

² ЦГА РТ. Ф.9. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.

³ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. /Труды АН Тадж. ССР. Т.XVL. Душанбе, 1964. С. 60.

⁴ В одном из указов Убайдуллахана, вышедшем в начале XVIII века, указаны такие формы барщинных работ, как хашар – сельскохозяйственные работы по вспашке земли, покосу сена и заготовке кормов для скота, покосу хлеба, перевозке его, трудовые повинности как: пасти скот, джуфти гов (представление пары рабочих быков) для вспашки земли, поездка и перевоз на своих лошадях груза хозяина и другие повинности. Весной крестьянин был обязан со своим рабочим скотом и сохой в течение 10 дней вспахать и обработать землю местных феодалов, в первую очередь своего соседа.

⁵ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. / Труды АН Тадж. ССР. Т.XVL. Душанбе, 1964. С. 49-55.

⁶ Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата: Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. М.: Восточная литература, 1958. С. 99

ценам» огромное количество скота, крупного и мелкого¹.

Товары из Восточной Бухары вывозились в Россию и речным путем. Например, в 1915 г. из Сарай Камар по Амударье было вывезено около 12 тыс. баранов на сумму 150 тыс. руб.² О доходах эмира говорят отдельные факты, которые нами приведены. Значительную часть дохода государство получало от торговли и скотоводства³.

Таким образом, природно-географические условия Гиссара, Куляба, Курган-Тюбе, Бальджуана, Каратегина, Кабадиана, Зарафшана благоприятствовали развитию скотоводства. На этих территориях больше всего разводили мясо-курдючных баранов гиссарской породы, которые имели большой авторитет не только в Средней Азии, но и в России. Они были в избытке, что давало возможность продавать их в Самарканде, Ташкенте и других городах Туркестана. Все скотоводы, независимо от степени важности, в обязательном порядке были обязаны платить государству танходору – закот. Налог – закот делился на два вида: «закоти савоим», который взимался со скота, имеющегося в хозяйстве, и «закоти чакана» – налог с торговли на базаре.

Следует отметить, что на территории Бухарского эмирата совершенно отсутствовала единая система нормы взимания налогов и поборов с населения. Поборы в виде налогов за скот и животноводческую продукцию составляли основную часть доходов в казну государства. Присоединение Средней Азии к России имело важное значение, особенно в рамках дальнейшего экономического развития Бухарского эмирата.

¹ История таджикского народа. В 3 т., 5 кн. М., 1963/1964. Т.2. С. 283.

² *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 242.

³ Там же. С. 200.

3.2. Развитие кустарной промышленности в Восточной Бухаре

Относительно территории Таджикистана, которая входила в состав Бухарского эмирата, точные данные о кустарной промышленности отсутствуют. По некоторым историко-этнографическим сведениям, при господстве натуральных и полунатуральных отношений в большей степени были развиты домашнее ремесло и кустарные промыслы, характеризующие состояние отраслей кустарного производства, которые производили почти все предметы бытового потребления: кожевенного, обувного, ткацкого, портняжного и др.

Если в северной части территории Таджикистана экономическими центрами развития ремесла и промысла являлись города Ходжент, Ура-Тюбе, Канибадам, в южных районах – Гиссар, Душанбе, Каратаг, Курган-Тюбе, Куляб, Дарваз, Каратегин, Памир и др. В этих двух частях развитие производства находилось на различном уровне. В северных районах ремесло и промыслы развивались достаточно активно и даже конкурировали с фабрично-заводской промышленностью царской России. В южных районах, например, в Гиссарской долине, Дарвазе, Кулябе, Каратегине и Памире кустарное производство занимало важное место в единоличном хозяйстве, потому что фабричные товары из-за отсутствия дорог завозились в ограниченном количестве.

Ремесло и домашние промыслы в Средней Азии имели тысячелетнюю историю и были связаны в основном с внутренней потребностью населения. Если ремесло представляло собой производство предметов широкого потребления, то промыслы удовлетворяли лишь нужды производства и имели незначительный удельный вес в хозяйстве того периода. В то же время, при наличии натурального хозяйства домашние промыслы могли иметь большое значение¹. Но они все же являлись подсобным занятием, так

¹ Масальский В. И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества.

как ни один мастер не мог порвать связь ни с земледелием, ни со скотоводством. В свою очередь, высокое развитие скотоводства способствовало развитию тех видов ремесленного производства, которые были основаны именно на сырье этой отрасли. Данные ремесленные производства были традиционными для таджиков и имеют тысячелетнюю историю.

В конце XIX – начале XX вв. некоторые виды ремесленного производства имели уже товарный характер и вывозились на продажу, как на внутренний, так и внешний рынки. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют осветить лишь отдельные стороны многочисленных видов ремесел и домашних промыслов, основанных на животноводческом сырье. Сведения о юго-восточной части Таджикистана, начиная с 1870 г., появилась в русской печати как о территории, расположенной к югу от Кокандского ханства и верховьев Зеравшана¹.

Имеются сведения о Гиссаре, Дарвазе, Кулябе и пр. Интересно, что в этих сведениях упоминается, что из городов этой провинции главным и самым значительным является город Душанбе². Далее говорится, что Душанбе имеет довольно значительный базар, посещаемый жителями Ягноба и Фана. В южной части, в географическом плане расположена Кулябская провинция, полукольцом окружена высоким Вахшским хребтом, а с двух других двух сторон – бассейнами рек Вахш и Пяндж. Центральная и южная часть области – это равнинная и предгорная зоны, северная же часть представляет собой горный массив.

В пригородных селениях активно развивались те отрасли, которые удовлетворяли потребности горожан. Здесь особо было развито кустарное шерстяно-ткацкое производство, где основным материалом для изготовления

Настольная и дорожная книга. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 536.

¹ *Генри Юль*. Очерк географии и истории верховьев Аму-дарьи Генри Юля. Перевод с английского О. А. Федченко, с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханыкова и Г. Юля // Известия Императорского Русского географического общества. Т. IX. СПб., 1873. С. 307.

² Там же. С. 309.

шерстяной пряжи служила козья, овечья и верблюжья шерсть. Например, на Памире козья шерсть обрабатывалась мужчинами, а овечья – женщинами.

В горной части условия жизни были намного сложнее, чем на равнине и предгорной зоне. Горные районы, ввиду отсутствия надлежащих дорог, большее время года, особенно в зимнее, были оторваны не только от равнинной и предгорной частей, но и от соседних селений. Скорее всего, именно по этой причине в горных селениях в быту дольше сохранились некоторые пережитки родового строя. Исходя из этого, не следует делать вывод о слабом социально-экономическом развитии горных районов. Особое природно-географическое расположение местности диктовало здесь свое самобытное развитие хозяйственного уклада. В таких сложных условиях местное население было вынуждено применять в быту для хозяйственных нужд различные продукты и сырье местного производства. Например, жители тех селений, которые были расположены вдоль двух берегов рек Вахш и Пяндж, и которые долгое время были отрезаны от других районов, несмотря на водную преграду, вели между собой не только торговлю, но и устанавливали близкие родственные отношения.

Для преодоления водного препятствия население использовало бурдюки – «саноч», и плот. В Бальджуване плот назывался «сайл» и изготавливался он из дерева «иргай» и «бодом», а в Даштиджуме плот назывался «тарак» и изготавливался из дерева «шулаш». О плотях этого региона подробно писала А. Е. Снесарева и поэтому мы не будем повторяться. Отметим только отличительные черты. Человек, который управлял этим плотом, привязывал к поясу пустую тыкву и с одним надувным бурдюком, работая ногами, переплывал реку. Некоторые привязывали под углами два бурдюка, а сам пловец устраивался в середине. Этот способ назывался «кушсавор». Пловец свою одежду обыкновенно вкладывал внутрь бурдюка. В Бальджуане раму – «амот» («кельма» на узб. яз.) изготавливали в виде саней-волокуш (чигина), а бурдюки – «синоч» делали большими, четыре такие бурдюка укреплялись в углах рамки. Сверху

на эти углы клали деревянные стойки размером 1,5 м. Плот, изготовленный в Даштиджуме (среднее течение р. Пяндж), аналогичный таким же плотам верховий Пянджа, т.е. Каратегина и Дарваза, а также Припамирья. Как уже говорилось, в Бальджуане плот держался не на 10-12 бурдюках, а на 4 больших угловых, т. е. укрепляли их по краям. Следует отметить, что данный надувной бурдюк изготовлялся из цельной козлиной или бараньей кожи.

В западной части области, то есть в Бальджуане изготовляли кожаный мешок – «гупсар» с целью преодоления водной преграды. Данный способ переправы до сих пор не был освещен в научной литературе. Поэтому мы считаем целесообразным, более конкретно остановиться на описании бурдюка – гупсар.

Бурдюк-гупсар изготовлялся из кожи 4-5-летнего быка. После закалывания быка кожу снимали чулком – «почабырор», то есть без традиционно принятого приема разреза вдоль живота. Снятую кожу вначале обсыпали солью, затем немного мукой и несколько дней (3-4 дня) держали в таком виде. По истечении этого срока ее расправляли, очищали и мяти рукой, а затем смазывали бараньим или козлиным жиром. С наружной стороны кожи при помощи большого ножа («ошпур», «ошбур») соскребали всю шерсть. Заключительной стадией являлось зашивание и закрепление отверстий на передних и задних ногах и шее. Оставляли свободным для прохода воздуха одну заднюю ногу¹.

В отличие от других подобных кожаных надувных мешков-синоч, которые использовались для парома или преодоления водных преград в одиночку, здесь, в «гупсаре», груз укладывался и переправлялся внутри кожи. Груз укладывали внутрь гупсара перед наполнением бурдюка воздухом. Например, в одном гупсаре могли поместить два мешка зерна, а также самого хозяина груза. В основном переправлялись мешки с зерном, а иногда и скот – осел, теленок, коза или баран. Перед погрузкой скотины им

¹ Материалы из фонда № 115. Снесарев Андрей Евгеньевич (1865-1937), исследователь Индии и Памира // Архив востоковедов. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР.

вначале связывали ноги шнуром, потом помещали их во внутрь бурдюка, а затем заполняли мешок воздухом. Следует отметить, что гупсар обыкновенно готовил сам пловец, никому другому, даже самому близкому человеку, он не доверял делать это за него. Следует отметить, что описанное нами средство переправы населения Кулябской области использовало до 30-х гг. XX в. Его использование почти прекратилось с установлением советской власти, а позже и в связи с закрытием границы с соседней страной (Афганистаном). Впоследствии были полностью запрещены всякие связи с левобережной стороной Пянджа, в итоге были прерваны многовековые родственные отношения между людьми, живущими на разных берегах.

В конце XIX – начале XX вв. производство местных изделий преимущественно имело натуральный характер. В первую очередь, обеспечивалась потребность самого хозяйства, а затем использовались как дополнительный источник дохода семьи — для обмена. В горных районах, где таджики наряду с земледелием занимались и животноводством, шерсть для выработки тканей получали в своем хозяйстве, а на равнинах ее получали при помощи обмена на другие продукты у скотоводов-кочевников. Развитие животноводства представало возможность и для развития местных промыслов и ремесел. На данной территории, как и в других районах Таджикистана, ремесленники проживали компактно с другими слоями населения. При этом они создавали свои общины. Такие общины создавали кузнецы, кожевники, ювелиры, гончары и т. д.

Мы остановимся в основном на таких видах ремесла, как сапожничество («кавшдузи», «музадузи» и др.), кожевничество («чармгари»), кошмовяление («намадандози»), которые имели непосредственное отношение к животноводству. Ремесленное производство, основанное на животноводческом сырье, подразделялось на различные отрасли, вплоть до специализации отдельных видов производства. Таджиками Афганистана было учреждено свыше тридцати двух ремесленных сообществ, которые содержали различные лавки для реализации товаров и являлись

представителями промышленности и торговых сословий¹.

В Бальджуане многие ремесленники имели свои общины. Например, селение Сангаки славилось своими сапожниками (кавшдуз), которое состояло из 18-19 хозяйств. В селении Душейх, которое делилось на две части – верхнюю (боло), состоящую из 30 хозяйств, и нижнюю (поен) – 15 хозяйств, все население занималось кожевничеством – чармгари. Селение Саталмыш считалось одним из крупных селений Бальджуана. Оно делилось на 3-4 части. Почти все население являлось ремесленниками, которые в основном изготавливали попоны для лошадей (чалугдузи), а также делали кнуты «камчинбофи». В селении Калтасой большинство хозяйств имели водяную маслобойку, которая обслуживала не только своих односельчан, ее услугами пользовались жители соседних селений. Следует отметить, что эти селения в основном были расположены недалеко от центра Бальджуанского бекства. Ремесленники вышеуказанных селений были таджиками. Примечательно, что ремесленники каждого селения имели своего старшего – «хатиба». Он также считался доверенным лицом бека. Через него с ремесленников собирался налог, как в виде сельхозпродуктов и скота, так и в виде обработанной кожи (не менее 2-х кож). У бека самого лично в Бальджуане были свои кожевники и сапожники, которые выполняли заказы только самого бека и его двора.

Наши материалы свидетельствуют о том, что в Кулябском регионе, как и в других горных частях Таджикистана, ремесло являлось подсобной деятельностью населения. Основным же занятием ремесленников являлось земледелие, а затем животноводство. На своих землях они, кроме пшеницы, выращивали овес, лен, чечевицу, гомук и др. Почти каждое середняцкое хозяйство имело рабочий и верховой скот, одну или две дойные коровы и до 30-40 голов мелкого рогатого скота. Среди ремесленников были и такие зажиточные хозяйства, которые имели до 1,5 тыс. голов мелкого рогатого

¹ Реклю Элизе. Земля и люди. Всеобщая география: 12 т. в 10 кн. Кн. 5. Т. IX: Передняя Азия, Афганистан, Белуджистан, Персия, Азиатская Турция и Аравия / перевод под ред. С. П. Зыкова. СПб.: Общественная польза, 1899. С. 74.

скота, и они обыкновенно для его пастьбы нанимали чабанов. Следует отметить, что по количеству поголовья скота население с. Калтасой располагало большим количеством поголовьем скота, чем другие. Это было обусловлено географическим расположением данного селения.

В конце XIX – начале XX вв. ремесленники, как и другие слои населения, жили в основном большими семьями. Каждому члену семьи поручалось выполнение определенной работы. Если один занимался земледелием, то другой присматривал за скотом, глава же семьи с кем-нибудь из ее членов занимался ремеслом. Ремесло считалось наследственным делом. Там, где ремесленники имели в селении свою общину (группу), то они женили или выдавали замуж своих детей в основном в своем кругу. Как нам рассказали в Бальджуане, «вакти пеш, овикор ба лалмикор духтар намедод, то ки хушксоли шуда гузашта духтараш гуруснаги накашад» – «в прошлом поливники не выдавали замуж своих дочерей за богарников, дабы дочь не голодала в случае засухи».

Ежегодно, в определенное время года, кожевники поднимались в горы и собирали корень миндаля (бодом) и гречишки бухарской (торон). Заодно готовили впрок дров на зиму. Корни этих кустарников являлись одним из основных видов сырья – красок для окрашивания кожи. Как утверждают информаторы, эти корни использовались и для улучшения качества кожи.

Основным животноводческим сырьем для ремесленников в конце XIX – начале XX вв., как кожевников, так и обувщиков, являлась кожа, переработанная из козлиной, овечьей и коровьей шкуры. Основным видом обуви являлись «чорук» – сапоги с загнутым кверху носком на толстой подошве, «чомус», или же «хомак», кожаные сандалии – «чапли», «чапот» (у таджиков Афганистана), башмаки – «кауш» и туфли «пейзар» (у таджиков Афганистана) также с загнутым носком. Так, кожевники с. Наманбулок (Кангурт) время от времени обходили соседние селения и покупали у населения шкуру-сырье. Из изделий кожевников огромным спросом среди населения пользовались ичиги – махси, изготовленные из бараньей или

козлиной кожи. Так, группа таджиков Шуробадского района, называемых хулдуски, славилась искусством изготовления ичигов. Как известно, ичиги являются распространенным видом обуви не только таджиков Куляба, но и таджиков других местностей. Следует подчеркнуть, что ичиги здесь бытовали под различными названиями. Для приготовления обуви мастера-кожевники пользовались определенными частями шкуры. Например, «чамбус» изготовлялся только из кожи ног коровы. Для обуви «хомак» также применяли кожу ног коровы. Для обуви «чорук» использовали коровью кожу из области шеи. Такая обувь стоила дорого. Ее часто меняли на скотину – барана или козу.

Таджики Куляба, как и другие горные таджики, имели возможность достать шкуру горного козла – «нахчир», и использовали ее как сырье для изготовления обуви. По литературным данным, в Дарвазе из шкуры горного козла шили мужские, женские и детские сапоги – «чоруки баландаки нахчири». В Кулябе шкуру горного козла («тахтапуст») надевали на спину при ношении груза. Из шкуры горного козла и сурка также шили тулупы – «пустин».

Наши полевые материалы, собранные по Кулябу, содержат некоторые представления, связанные со шкурой горного козла. Здесь, как и в других районах, горный козел считался почитаемым и святым животным. По этой причине использование шкуры горного козла для всякой обуви считалось непозволительным. Считалось, что в случае попадания какой-нибудь нечистоты на эту обувь она становится оскверненной – «бенамоз». Некоторые информаторы утверждали, что шкуру горного козла можно было использовать как сырье, но только для голенища обуви. Из кожи горного козла чаще изготовляли сурфа – кожаную скатерть для приготовления теста и чойнамоз — молитвенный коврик. Что касается сурка – кашкалдока, то здесь шкура этого зверька ценилась очень высоко. Она считалась хорошим сырьем для изготовления обуви. Многие ремесленники для пошива обуви – «чорук» использовали именно кожу этого грызуна. Для изготовления одной пары

обуви применяли обыкновенно кожу двух сурков, хотя, по утверждению самих ремесленников, при необходимости и одной хватало. По имеющимся материалам, шкуру барсука также использовали для изготовления теплой безрукавки и телогрейки.

В конце XIX – начале XX вв. из кожи изготавливали также мужские сапоги для козлодранья, шорники, женские туфли и многое другое. Кулябские ремесленники не только обеспечивали товарами своих земляков, но и вывозили их для обмена и продажи за пределы региона. Например, как указывает Н. Н. Ершов, местного производства лошадиных седел в Каратаге не было, жителей этого края снабжали кулябские мастера¹.

Население Кулябской области занималось и обработкой шерсти. Большим спросом пользовались овечья шерсть, а за ней и козлияная. Овец и коз на равнинной части области стригли в основном один раз в год. В предгорной части овец стригли в год дважды, а коз – один раз в году. В горной части, как и в предгорной, например, в долине Яхсу, овец стригли дважды – весной и летом (дар чилаи чорбахш), а коз – один раз в году².

По литературным источникам, в высокогорной части Припамирья овец стригли в год трижды. Скорее всего, количество стрижки овец, зависело от природно-географического расположения местности и, возможно, от многих других неизвестных нам факторов, которые еще предстоит выявить. Хорошей шерстью считалась осенняя стрижка. Весенняя же стрижка считалась «доки», т.е. «намади нагз намешавад» – «из нее нельзя валять хорошую кошму».

Особое значение имело производство войлока. Это занятие считалось домашним промыслом. Повсеместно таджики Куляба из овечьей шерсти валяли кошму (намад), ткали и шили халаты – «чагман», шерстяные ткани-материи для штанов и платьев, носков – «чураб» и т.д.

Занятие кошмавалянием является традиционным занятием таджиков

¹ Ершов Н. Н. Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк). Душанбе, 1984. С. 109.

² В северных районах принято проводить стрижку коз дважды в год. – *Авт.*

Куляба. О валянии кошмы в Кулябе в конце XIX – начале XX вв. имеются некоторые сообщения в работах путешественников, подтверждается наличие этого ремесла и нашими полевыми материалами. Следует отметить, что чем выше поднимаешься в горы, тем качественнее и красивее кошмы встречаются в домах. Как уже говорилось, качество шерсти в горной части отличалось от равнинной: оно было гораздо лучше, что, в свою очередь, не могло не повлиять и на качество готового изделия. На качество шерсти влияло, в первую очередь, высокогорное пастбище с чистым и прохладным воздухом, прозрачной родниковой водой и питательными, сочными кормами.

Перед стрижкой овец тщательно мыли. Стриженую шерсть хранили в сухом месте. Начинали обрабатывать ее обыкновенно после окончания всех сельскохозяйственных работ, в основном зимой. Первой стадией обработки шерсти являлось сбивание – «паидан». В Даштиджуме для этой работы пользовались дугообразным ручным станком – «камон». Основа дуги была деревянной, один ее конец изготавливался из арчевого дерева, а другой – в виде небольшой плоской дощечки – «тахтык» из любого дерева. От одного конца дуги к другому была натянута тетива («изех»), изготовленная из овечьего кишечника. Во время работы одной рукой держали середину палки дуги, а второй, колотушкой – «кувва» били по тетиве, которая, детонируя, сбивала и подбрасывала шерсть в сторону. Одной тетивой можно было обработать шерсти для 2-3 кошм, после чего ее меняли на новую. Этим орудием работали как женщины, так и мужчины. Следует отметить, что подобный станок для сбивания шерсти бытовал также в Дарвазе и в Припамирье. В Кулябской области такая тетива была распространена только в северо-восточной части, то есть в районе Даштиджума. В юго-западной части области (в Бальджуане) шерсть сбивали двумя длинными тоненькими палочками с раздвоенными концами. Здесь этим занятием занимались только женщины. Подобный способ был распространен и в отдельных хозяйствах Даштиджума.

Второй стадией обработки шерсти являлось прядение шерсти. В

Кулябе шерсть пряли на веретене – «орчук» или «чалак», которое состояло из двух частей – вертикальной палочки и маховика с отверстием в середине, куда закреплялась вертикальная палочка. На верхнем отделении вертикальной части имелась насечка для удержания прядущейся нити. Последнее было характерно больше тюркоязычному населению. Широко было распространено веретено с вертикальной палочкой крестовым расположением снизу – «чалак», а не сверху, как было описано выше. Как отмечал М. С. Андреев, данное веретено было свойственно таджикскому населению¹.

Как среди таджикского населения, так и среди тюркоязычного, были широко распространены оба типа веретена, но первый тип веретена – «орчук» можно считать эволюцией, т.е. усовершенствованным орудием производства – переход от веретена с крестовой снизу к вертикальной палочке, т.е. веретену с вертикальной палочкой с маховиком сверху.

Во многих хозяйствах имелись такие прялки для прядения шерсти, как «чарха». Прялка «чарха» в Кулябской области была аналогичной прялкам, которые были распространены широко не только по всей Средней Азии, но даже в Японии и Индии².

В Кулябе бытовала «чарха» с многолопастным колесом. В Даштиджуме, в селении Ел, нами была снята на фотопленку «чарха» с красивыми нарезными узорами, начиная с подставки и до колес со всеми лопастями. Молодому мастеру из этого селения удалось сделать точную копию этой прялки. В настоящее время она хранится в музее этнографии АН Республики Таджикистан.

Изготовлением шерстяных ниток на прялке «чалак» и выработка изящных шерстяных материй, вязание шерстяных узорчатых чулок возлагались в основном на женщин, выработкой же грубых шерстяных изделий занимались мужчины.

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 238.

² Там же. С. 237.

В конце XIX – начале XX вв. большим спросом пользовались халаты – «чагман». Они являлись необходимой принадлежностью чабанов. Так, в условиях найма чабана одним из пунктов было обязательство хозяев обеспечить его «чагманом».

В Кулябе «чагман» в зависимости от назначения изготавливался нескольких видов: чагман – «кокма» из козьей шерсти и чагман – «босма» из овечьей шерсти. Процесс изготовления последнего халата был сложнее: вначале пряли шерсть, затем ткали из нее материю, после чего стелили ее на ровную доску, периодически поливая горячей водой, и трое мужчин по очереди ногами и руками в течение определенного времени мяли эту материю. В результате материя становилась прочной и почти непромокаемой.

Третий вид чагмана назывался «кепанак». Данный халат до настоящего времени не описан в этнографической литературе, поэтому остановимся на нем более подробно. Вначале изготавливали обыкновенный шерстяной халат чагман – «кокма», затем во внутренней ее части, точнее в области спины, на плечах и на рукавах до локтя пришивали кусками войлок – кошмы. Этот чагман в основном надевался чабанами в зимнее время. Халат хорошо предохранял от холода и сырости. В нем чабаны, укутавшись, могли ложиться прямо на снег, в поле. Надевали халат также наездники, которым предстояла дальняя дорога. Очень дорогим был халат «босма». В Кулябе один такой халат стоил одного жеребенка, а на базаре Гиссара до 5 пудов риса или от 20 до 40 бухарских тенег¹.

У таджиков Афганистана аналогичный халат назывался «чалаки» и отличался своим высоким качеством. Сучение шерстяных ниток здесь производилось на ручном веретене – «чалак». Лучшие виды этих халатов из шерсти бадахшанских овец («гадик») выделяли таджики Саргилана и

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Таджикской ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. С. 229.

Зебака¹. Чагман «кокма» стоил дешевле. Его в Кулябе можно было приобрести в обмен на одну козу или же за 3 санга муки (1 санг – 5 кг).

В конце XIX – начале XX вв. было развито сукноделие. Из овечьей шерсти ткали шерстяную материю – «шаволак», из нее шили мужские штаны – «шерагза». Они считались верхней одеждой. В Бальджуане такие штаны называли «эзори рагза». Их надевали в основном во время игр в козлодранье, работы в поле, а в Припамирье – во время игры в поло. Такие штаны здесь также носили и землепашцы – «заминшудгоркун» во время пахоты. Таджики Келата, Саравана и Панджшира славились производством домотканого сукна – «рагза» для шитья халатов чагман, выработкой грубой ткани для верхней одежды.

О сложности приготовления этого сукна у таджиков Панджшера писал М. С. Андреев. После того, как «рагза» соткана, она подвергается трехкратному мочению в воде, причем, вынимая, каждый раз ее бьют деревянными колотушками «сута» и потом, во влажном виде, еще это сукно особым образом продолжительно мнут ногами². Из козьей шерсти изготавливали самые необходимые предметы: завязки для сапог – «чорук-банд», для шароваров – «банди эзор», шнурок для недоуздка – «нухтабанд», паласы – «чодари бузмуи», подпругу – «аил», подхвостник для вьючного животного – «пордум», попоны для вьючного седла – «чил», мешки шерстяные – «чувол», «хурчин» и многое другое³.

В работах русских исследователей содержится немало информации, характеризующей нелегкий труд сапожников, кожевников, седельников, мастеров, выделяющих кожу под шубы и т. д.⁴

¹ Кушкеки Бурхан-уд-Дин. Катаган и Бадахшан // Бурхан-уд-Дин-и Кушкеки. Ташкент, 1926. С. 229.

² Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир: (материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.) // Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Ташкент, 1927. С. 29.

³ Таджики Мушкена в Афганистане занимались изготовлением паласов из козьей шерсти. Давыдов А. Д. Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М: Наука, 1969. С. 48.

⁴ Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1-2.

Следует отметить, что все вышеназванные предметы из козьей шерсти, кроме шерстяных мешков, были широко распространены в Рушане и Шугнана. Здесь вместо шерстяных мешков пользовались кожаными мешками из козлиной шкуры. В них хранили зерно, муку, все виды сыпучих тел. Как например, Бурхан-уд-Дин-хан Кушкеки писал: «население Шугнана выделяет из овечьей шерсти «берек», чулки, перчатки, а из козьей – паласы»¹.

По имеющимся сведениям, несмотря на географическое расположение и отдаленность края, население Памира испокон веков имело тесную торговую связь с соседними странами, так как эти природные трудности ограничивали товарное производство и ставили необходимость приобрести необходимый товар извне. После Памирского разграничения 1895 г. у населения Памира начались новые торговые связи с Ферганой и восточной частью Бухары. Читральцы приходили в Вахан, меняли свои произведения на скот, на чекмени; приносили сюда хлеб, который меняли на чай².

Крепкие устои патриархальных отношений и натурального хозяйства вплоть до конца XIX в. не позволяли занимать какое-нибудь заметное место товарно-денежным отношениям в крае. «Торговля памирских таджиков с киргизами и жителями Бадахшана, – пишет А. Шишов, – ...меняют рогатый скот, лошадей и хлеб на соль, мату, ситец, куржумы, попоны и т.п. предметы, доставляемые киргизами из Ферганы, Кашгара и Бадахшана»³. Это еще раз доказывает о предпочтительном отношении горных таджиков к меновой торговле.

В отличие от равнинных центров, ремесленное производство в позднем

Т. 1. С. 275; *Ошанин В. Ф.* Каратегин и Дарваз // Известия Русского императорского географического общества. Т. XVII. СПб., 1881. С. 27; *Зарубин И. И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской АН. Петроград, 1917. Т. V. С. 97-148 и др.

¹ Кушкеки Бурхан-уд-Дин. Катаган и Бадахшан // Бурхан-уд-Дин-и Кушкеки. Ташкент, 1926. С. 171.

² *Бобринский А. А.* Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского. М., 1908. С. 85.

³ *Шишов А. П.* Таджики: этнографическое и антропологическое исследование. изд. 2-е. М., 2015. С. 251.

средневековье в известной степени получило товарный характер, на Памире в условиях феодальных патриархальных отношений изделия производили только для местного хозяйственного пользования. Социально-экономическое положение западного Памира хорошо характеризовал З. Бахрамов: «торговля, как и производство кустарных изделий, занимала подчиненное земледелию и скотоводству положение. Из характеристики отраслей хозяйства вытекает, что оно, в свою очередь, способствовало сохранению замкнутости и особенности края. ...Полученная от продажи сумма не могла покрыть даже дорожные издержки, так как памирские кустарные изделия, вследствие их низкого качества, невысоко ценились на рынках соседних областей»¹.

Бадахшан занимал стратегическое положение, располагаясь на стыке Кашгара, Яркента, и владел дорогой в Индию. Другое богатство данного региона составляют превосходные верблюды, которые не знали усталости, и на которых можно было перевозить всякого рода груз².

В горных районах Таджикистана также было развито ремесленное и промысловое занятие. Здесь ткачеством занимались мужчины, а женщины готовили им пряжу из шерсти и хлопка, сбиваемым мужчинами-сбивальщиками – «пандахо» при помощи инструмента, напоминающего по форме лук. Мужчины ткали шерстяную ткань – «рагза» для зимних халатов – «чагман», «кокма», и штанов – «шорагза». Женщины ткали на простых, устанавливаемых на земле станках, шерстяные ткани для скатертей – «дъстархун», обмотки – «попеч», «пайтова», плели на руках очкуры – «банди эзор», обвязки для сапог – «банди галтак», «банди чорък», шерстяные чулки и т. д.

Мастера не являлись профессионалами. Они занимались ремеслом лишь тогда, когда у них были заказы. Главным их занятием было земледелие.

¹ Бахрамов З. К. К вопросу о состоянии хозяйств Шугнана в дореволюционный период // Очерки по истории Таджикистана. Т. II. Сталинабад, 1959. С. 28.

² Записки Императорского Русского Географического общества / под ред. А. Н. Бекетова. СПб., 1861. Кн. 3. С. 355.

В Каратегине и Дарвазе доход ремесленников в год в среднем составлял до 200 кг зерна, а в некоторых случаях и больше. За каждый кусок шерстяной ткани в 2 рагза (длиною от 6 до 8 м) он мог получить от 6 и до 8 тюбетеек зерна¹.

Следует отметить, что в горных районах продукция ремесла и промысла не являлась источником денежного дохода, так как здесь не были развиты рыночные отношения. Население не могло вести торговлю на деньги, а вело меновую торговлю. Ремеслом занимались в свободное от полевых работ время. Как писал А. Е. Снесарев, «горцы еще недавно не имели о ценах никакого понятия, ограничиваясь взаимным обменом предметами, т.е. вели исключительно меновую торговлю»².

Аналогичное явление было характерно и для Ягноба, где весь экономический расчет производился на продукты скота и хозяйственные припасы, но не на деньги. Последних было очень мало, и ценность их населением пока не понималась. Даже наем рабочих производился не на деньги, а из расчета на определенное количество скота³.

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, что наравне с земледелием и животноводством высокого уровня развития в Таджикистане в конце XIX – начале XX вв. достигло и ремесло. Это занятие в основном было характерно именно таджикскому населению. По этому поводу еще в конце XIX в. Л. К. Артамонов писал, что обрабатывающая промышленность Афганистана, носящая характер мелкого кустарничества и вообще разного рода ремесла, имела место в среде оседлого иранского населения. Кочевники, кроме изделий из шерсти и самых грубых предметов своего домашнего обихода, ничего не изготавливают, закупаая все необходимое в оседлых

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Таджикской ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. С. 24.

² Снесарев А. Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. СПб., 1906. С.65.

³ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 89.

торговых пунктах¹. Данные сведения в начале XX в. через несколько лет подтверждает и другой исследователь – А. А. Косминский, который отмечает, что в городах таджики занимаются ремеслами, склонность к которым очень редко встречается среди афганцев². По сведениям А. Н. Бекетова, область Бадахшан известна своей торговлей лошадьми, скотом, выделыванием кожами и разного рода кожевенными изделиями³. Данная характеристика была свойственна и таджикам исследуемого нами региона.

Следует отметить, что на территории современного южного Таджикистана в конце XIX – начале XX вв. животноводческая продукция еще не имела такого широкого товарного направления, как у таджиков Афганистана⁴. Изделия, изготавливаемые из шкуры, кожи и шерсти, были разнообразны и многочисленны. В производственный обиход шли шкура, шерсть и помет скотины. Широкое применение животноводческого сырья в экономике способствовало развитию торговли и производительных сил в данном регионе.

Сравнивая данное положение двух регионов – северного и южного, то следует подчеркнуть, что в северных районах после завоевания и присоединения их к России начался ввоз промышленных товаров, что привело к упадку местного кустарного производства. Территория же Восточной Бухары оказалась вне сферы русского экономического влияния. Здесь еще долго существовало комплексное хозяйство, где наравне с земледелием и животноводством в каждом хозяйстве для удовлетворения своих бытовых потребностей занимались различными видами ремесел и домашними промыслами.

¹ *Артамонов Л. К.* По Афганистану. Гератская провинция (гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. Асхабад, 1895. С. 131.

² *Косинский А. А.* Афганистан // Средняя Азия. Кн. 8-10. Ташкент. 1910. С. 125.

³ Записки Императорского Русского Географического общества / под ред. А.Н. Бекетова. СПб., 1861. Кн. 3. С. 154.

⁴ ЦГВИА. Ф. 445. Ед. хр. 27. Ч. 2. Л. 325; Лл.339, 491.

ГЛАВА 4. ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ВЕДЕНИЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И ПРИНЦИПЫ ЕГО КЛАССИФИКАЦИИ

4.1. Некоторые сведения о способах и формах содержания животных в равнинно-долинных регионах

Описание способов и форм ведения животноводческого хозяйства равнинно-долинной части имеет принципиально важное значение в нашей научно-исследовательской работе. Здесь отражаются способы и формы ведения хозяйства конца XIX – начала XX вв. и заимствованы предыдущие древние формы хозяйствования и виды содержания домашнего скота. Равнино-долинное животноводство сформировалось в так называемых оазисах, долинах рек и исторически существовало в условиях развитой земледельческой культуры, соблюдая свои особенности и формы организации труда.

В конце XIX – начале XX вв. в равнинных и некоторых долинных регионах с особыми климатическими условиями летовки представляют собой летнюю животноводческую базу, что играло важную роль в экономике каждого хозяйства таджиков¹. Они находились на некотором отдалении от основного селения с наличием определенных условий для проживания людей и присмотра за отарами. На летовки обычно отправлялись женщины с детьми и подростки в качестве пастухов. Время заселения летовки зависело от состояния земледельческих работ в основном местоживании – в селе и пастбищных ресурсов данной местности. Летовки располагали постройками для хранения продуктов питания, жильем, а также открытыми загонами для содержания скота в ночное время. У таджиков яйлажный способ содержания скота являлся преобладающим способом ведения хозяйственной жизни в

¹ Этнографические материалы, собранные автором.

предгорных, горных и высокогорных районах. Выход в летнее время на альпийский пояс высокогорья у таджиков был традиционным и сопровождался различными ритуалами и обычаями. Выход на летовье скота совершался в различных формах и в разное время; выход жителей с детьми, который сопровождался особыми обычаями и обрядами, также был особенным. Каждое село, даже хозяйство, имело свой благоприятный день, когда можно было выйти на летовье. Поэтому предварительно главы семей советовались со старейшинами села, причем прислушивались к мнению старожил, в том числе и старших женщин. Каждое селение имело несколько летовок, которые традиционно закреплялись за определенными семейно-родственными группами. Переход с одной летовочной стоянки на другую осуществлялся поступенчато.

Выход на летовье совершался в двух вариантах: 1) каждая семья индивидуально заботилась о своем скоте, то есть скот пасли подростки; 2) скот пасли в порядке очереди – «навбат». Эти особенности были характерны преимущественно для предгорного и горного скотоводства.

В северо-восточной части Хатлонской области, селениях Порвор и Сари Магзор на летовку отправлялись в Лави Гор, Курушон. Жители селения Ел выезжали на летовье в Девлохам, приблизительно в 3 км от селения. Селение Сари Магзор на летовье переезжало в Сари Магзори тор, расположенный в 0,5 км выше. Жители селения Питову Ду и Дара Девлох (долина р. Яхсу) выходили на летовье в Сурхак-Дара, а селение Шаидон имело летовье в Дараи Калот, Хаккокна и Дараи Регак¹.

Здесь будет целесообразно остановиться на летней форме содержания скота таджиками селений Хонджиза, Дехи Сурх, Хуффа, расположенных на территории Узбекистана и селений западной части области Тахора и Афганистана, о чем пишется впервые.

Селения Хонджиза, Дехи Сурх, Нилу, Хуффар расположены в предгорной зоне Сурхандарьинской области Узбекистана. Здесь

¹ Этнографические материалы, собранные автором.

скотоводство занимало в хозяйстве весьма важное место. Как и в других местах, в количественном соотношении преобладал мелкий рогатый скот. Крупный рогатый скот – корова, быки, волы, ослы и лошади занимали второе место. Почти всем этим хозяйствам было характерно содержание домашнего скота в летнее время на летних пастбищах, называемых «аул».

По нашим историко-этнографическим материалам, хозяйства селения Нилу имели три аула – Хабдак, Таги Шара, Урхак. Селение Хуффар имело 4 весенних аула и 4 летних. Весенними аулами были Туткул, Тенг Гузар, Оси Олимардон и Чашмаи Кодир. Следует отметить, что с выходом на весенние стоянки заканчивался период стойлового содержания скота. На весенние стоянки население выходило ранней весной (март, апрель) с окончанием зимних запасов кормов. После использования этих пастбищ перекочевывали на верхние стоянки – Чашмаи Чормагзон, Сари Капа, Сари Шулку и Чинор Тут. Хозяйства селения Ходжи Асми выходили в аул Чакил, расположенный в 2 км от селения. Хозяйства селения Хонджиза выходили в аул – Сари Падон, где хозяйства делились на пять-шесть групп. Другой аул, куда переселялись позднее, назывался Кул. Обыкновенно в аулах располагались по родственным группам. Обширные летние пастбища были расположены на территории Пскома (Бустонлыкский район). Богатые скотоводы селения Нанай не нанимали чабанов и не арендовали пастбища. Они этот вопрос решали очень просто: отдавали весь свой скот на определенное летнее время под присмотр определенным хозяйствам селения Пскома. Взамен хозяева пастбища взимали у скотовладельца каждого второго новорожденного ягненка.

В конце XIX – начале XX вв. некоторые селения, как Хуффар, в зимнее время имели возможность часть своего скота держать в степи, за исключением дойного скота. Здесь каждый вид скота группировался в отдельное стадо – стадо коз, стадо овец, стадо дойных коров, стадо яйловых коров, затем бычков и рабочего скота. Остальные 8 месяцев скот содержался

в степи, а в марте его гнали на летние пастбища – аул¹.

Другим способом присмотра за скотом было содержание в общественном стаде. В селении Хонджиза также имелось общественное стадо, для которого нанимались 3 пастуха. Ранней весной они выводили стадо в степь и держали его там до конца осени. В начале зимы скот возвращали хозяевам. За труд пастуха рассчитывались деньгами. В долине Панджшер (Афганистан) каждая деревня имела в горах свои летовки («агил»), принадлежащие всей общине, куда перегоняли скот с наступлением лета. В селении Дашти Калча (Тахорская область) наравне с земледелием было развито и скотоводство. Почти все хозяйства имели домашний скот, а богатые по 400-500 голов овец. В летнее время население содержало свой скот на летовье. За использование пастбищ они с 40 голов овец отдавали 1 овцу. Здесь, как и в других местах современного Таджикистана, существовало характерное объединение в товарищество – «куш», где объединялись 3-4 хозяйства. «Куш» имел соседский характер. Для ухода за крупным рогатым скотом в селении нанимали пастуха, который за каждую корову получал 10-15 кг пшеницы. Если корова была дойная, то вечером хозяйство давало пастуху дополнительно еще пол лепёшки. В пастухи нанимали не каждого человека. Для найма пастуха совет старейшин села устраивал совещание, где обсуждалась каждая кандидатура. В конце мая все хозяйства выходили на летние стоянки до конца сентября. Этому предшествовал выход некоторых хозяйств на ранние весенние стоянки, которые были расположены в степи или в предгорной части.

На летовье хозяйства в основном готовили впрок молочные продукты. Использовали овечье и козье молоко. Из овечьего молока также готовили сыр – панир. Особо следует отметить ритуалы, которые проводились на летовье, и были аналогичны традиционным ритуалам таджиков территории современного Таджикистана. Они были связаны с первым молозивом —

¹ Этнографические материалы, собранные по районам Республики Узбекистан автором.

«далама-хури», когда даже мужчины специально посещали летовку с тем, чтобы поесть эту ритуальную пищу. Другим ритуальным угощением, которое приурочивалось к доению первого молока, считалось «ширбиринч-хури», или же «шила-хури». Рацион этого угощения состоял из молока и риса. После приготовления туда добавлялось также масло сливочное (приготовленное здесь, на летовье) и немного сахара. Следует упомянуть особое ритуальное угощение, называемое «кайла-хури» или «ширбоз-хури». Когда в хозяйстве корова, овца и коза окотились двойняшками, то одну из них приводили в жертву и устраивали угощение. Согласно существующим представлениям, когда скот окотился двумя и более приплодами, то это хозяйство могло подвергнуться несчастьям, поэтому одну из них приносили в жертву. Ритуальное угощение устраивалось также во время выхода на летовье, ранней весной, летом и во время возвращения с летовья в хозяйство.

В конце XIX – начале XX вв. летовки представляли собой животноводческие базы и играли важную роль в экономике каждого хозяйства таджиков. Они находились на некотором удалении под покрытием, где хранились скирды сена – хаф, а в самом помещении содержали скот. Зимой в долине или предгорье строили помещения для скота – кутан и полуземлянку. Копали немного вглубь землю и стену делали из камыша. Перекрытие делалось в форме «чубтора». Другое помещение было «чабра» – овальной формы, где стена ставилась из соломы, а перекрытие делалось также типа чубтора. Часто вместо стены ставили изгородь «бурье», сплетенную из соломы¹.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. на летовье хозяйства в основном готовили впрок молочные продукты, практически на целый год. С другой стороны, в необходимое время защищали присельские посеы от потравы домашнего скота. Способы содержания скота в летнее время в описанных нами селениях оказались различными. Почти все хозяйства

¹ Этнографические материалы, собранные по районам южного Таджикистана автором.

пользовались выгонными и стойловыми способами. Яйлажный способ, который был характерен многим таджикским хозяйствам, состоял из ранней и поздней формы. Таджики этих селений свое животноводческое хозяйство вели согласно условиям природно-географического расположения местности, наличию пастбищных угодий и кормовых растений для скота.

В конце XIX – начале XX вв. равнинно-долинное животноводство было характерно для Курган-Тюбе, Кабадиана, Гиссара, Куляба, Каратага, а также Бальджуана и частично Каратегина. Характерной чертой равнинно-долинного животноводства было в том, что в отличие от горной части, равнинное население больше разводило мелкий рогатый скот и чаще гиссарских овец, а не породы «гадик», т. е. было развито овцеводство. Они были значительно крупнее и отличались хорошей упитанностью, шерстью и салом. Здесь эта овца имела товарный и продуктивно-мясной характер. Главное место в хозяйстве занимало земледелие. В 1889 г. Г. А. Арандаренко писал, что «значительная часть кулябцев, как типичных таджиков, ...так и узбеков ...занимаются также и скотоводством, выселяясь на лето из лихорадочного городского и кишлачного левобережья в восточные, ближайšie горы вечно снежного хребта Камарау – Имам-Аскар, тянувшегося от верховьев левого берега Ях-Су до Аму-Дарьи. Обилие водных ключей и роскошной травы на этих горах с постоянной прохладной притягивает сюда на лето и оседлых, и кочевых жителей долины Кизил-су и Яхсу»¹.

Долина Кафарнигана на всем протяжении представляла собой превосходные пастбища. Основная масса скотоводов проживала на территории от Гиссара до урочища Гурох-Горы (Куль-Корчи). После присоединения районов восточных бекств к Бухаре, как пишет Б. И. Искандаров, только за баранов ежегодно брали с Гиссарского бекства зякат до 25 тыс. тенег. Этот факт красноречиво говорит о том, что на этой

¹ Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. 1874-1889. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. С. 29.

территории было очень развито животноводство¹.

Животноводство у таджиков Ферганы и Самарканда было менее развито². Основная причина заключалась в отдаленности горных пастбищ, а также в отсутствии выгонов и сенокосов. Здесь главное место в хозяйстве занимало земледелие. Поэтому первое место среди домашних животных занимал крупный рабочий скот – рабочие волы и коровы, а затем мелкий рогатый скот, в основном овцы. Следует еще раз подчеркнуть, что содержание крупного рогатого скота диктовалось потребностями земледельца в тягловой силе. Поэтому основное внимание уделялось упитанности волов в ущерб другому любому скоту. Это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на развитии животноводства и приводило к мельчанию местной породы рогатого скота³.

Как уже отмечалось, коровы составляли 33 % всего поголовья скота, и имелись они лишь в 30 % всех хозяйств⁴.

Как пишет Н. Н. Ершов, в начале XX в. при малом количестве скота и его низкой продуктивности молочные продукты в пищевом рационе населения играли наименьшую роль. Молоко в основном употреблялось в заквашенном виде – «катик». Снимали сливки, ели, или получали из него масло. Из кислого молока готовили другие продукты. Население готовило пищу с молоком — рисовую кашу («ширбиринч»), похлебку с тыквой («кадуоба»), похлебку с рисом («ширшулла») и др.⁵

¹ *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 136-137.

² Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 3. СПб., 1849. С. 187.

³ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 152.

⁴ Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 и 1920 гг. в поволостных итогах Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 32,37.

⁵ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 161.

Как и у других таджиков, здесь также не было принято продавать молоко или молочные продукты, давали их безвозмездно. Здесь также не было принято объединяться в артели – «певоз». Таджиким этой местности не умели пахтать масло, маслобоек не знали, поэтому они заготавливали масло в очень небольшом количестве примитивным способом – посредством перетапливания сливок. Коровье масло употреблялось сравнительно в очень небольшом количестве¹.

В весеннее и летнее время коровы паслись на присельских выгонах и незасеянных полях. Было принято организовывать стадо – «пода». Сельчане нанимали пастуха – «подачи» за определенную оплату. Он через день обходил дома хозяев домашних скотин и взамен за свою услугу требовал «оши халол» – честно заработанный хлеб. Ему давали по одной лепешке за каждую скотину. Платили также зерно и урюком, это был так называемый «кафсан». То есть хозяйства, которые владели посевами, выезжая туда на лето, забирали с собой и скотину.

На данной территории было очень слабо развито и овцеводство: не было условий для содержания большого поголовья скота. Местное население в основном покупали овец осенью у окрестных кочевников. Через некоторое время уже упитанный скот они закалывали на мясо. Местные состоятельные хозяйства закупали баранов в дальних районах (например, в Гиссаре), чтобы затем продать их на местных базарах. В основном покупали весной и держали их на горных выпасах, а затем продавали.

Скот содержался больше времени в стойле. Коровы и быки содержались в хлеву – «огил», тесном и темном (без окон) помещении, стены которого были сложены из битой глины – «похса», или из комков глины – «гуала». Вдоль стены устраивали кормушки из глины – «охур». В одной из стен делалось отверстие, через которое выбрасывали из хлева навоз. Кормом для скота служили измельченная солома пшеницы или ячменя – «ках»,

¹ *Пещерева Е. М.* Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт колхозного крестьянства // ТИЭ. Новая серия. Т. XXIV. М.–Л., 1954. С. 158.

солома просяная, бобовые, стебли сорго. Кормом также служили абрикосовые листья. Так как волы выполняли сезонную работу и зимой они были не нужны, то вопрос с кормами стоял очень остро¹.

Таким образом, как утверждают материалы источников, в конце XIX – начале XX вв. содержание рабочего скота в хозяйствах северных районов, в равнинной части, наличие в хозяйствах быков, ослов, верблюдов и отчасти лошадей диктовались в основном потребностями земледельца в тягловой силе. Рабочая скотина была необходима при обработке земли, при перевозке продуктов сельского хозяйства, при перевозке навоза для удобрения земли и т.д. В данном регионе молочные продукты в пищевом рационе населения играли незначительную роль.

Другая форма ведения животноводства – это перегонный способ, как один из древнейших видов содержания скота, который был характерен для предгорных и горных зон, истоки которого в Средней Азии восходят к времени неолита. Данный способ имел место в конце XIX – начале XX вв., и непосредственно был связан с отгоном скота на пастбища, на определенное расстояние от поселения в пределах другой зоны или подзоны, имеющей сезонный характер. При этом четко прослеживается взаимодействие между земледельцами и животноводами разных зон и подзон. Перегонный способ содержания скота в основном был характерен для Припамирья, Хуфа и Вахана, Куляба (северо-восточной части) и др. Сразу же следует отметить, что на данный способ содержания скота большое влияние оказывали природно-географические и климатические условия местности.

Северо-восточная часть Хатлонской области, в зависимости от географического расположения местности, делится на две зоны – «дара» и «тагнов». Каждая из этих частей, в свою очередь, делилась на различные подзоны. Так, первая часть распадалась на три подзоны: «боло-дара»

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 152.

(верхняя подзона), «мин-дара» (промежуточная подзона) и «пуни-дара» (конец подзоны). Аналогичное деление было и во второй части: верхняя подзона называлась «айлок», средняя – «тагов» и самая нижняя – «андар тагов».

В конце XIX – начале XX вв., несмотря на указанное традиционное деление в зависимости от зональной расположенности, физико-географических условий, ландшафта местности, а также исходя из способа ведения животноводческого хозяйства, селения именовались не по зональному расположению, а по мере передвижения на те зоны, где содержало население свой скот в определенные времена года. По этому принципу селения скотоводов традиционно делились на три группы: «таговшин», «айлокшин» и «таговшину айлокшин» (тагов – низовье, айлок – летовье). Подобное деление селений было обусловлено формой сезонного содержания скота, их перекочевкой. Те селения, которые были расположены в зоне высокогорья и в альпийской зоне, назывались «таговшин». Их жители в зимнее время перегоняли часть скота в низовье, где и пасли его. «Айлокшин» считались те селения, которые располагались в нижней зоне «тагнова» – в подзоне «тагов» и «пуни дара». Эти селения зимой разрешали пасти на своих пастбищах скот из хозяйств других селений, расположенных в верхней подзоне (летовья). Многие селения нижней подзоны «тагов» имели свои собственные летовья в верхней зоне. Поэтому «айлокшин» считались те селения, которые в основное время перегоняли свой скот на летовье, а зимой содержали его в стойле. Например, селение Анчеров называлось «айлокшин». Почти весь зимний период на присельских участках Анчерова паслось несколько тысяч голов скота из селений, расположенных в зоне летовья (айлокчой). После использования земли под зерновые культуры и с появлением первых ростков травы в мае, июне население Анчерова переселялось в те селения, которые зимой содержали свой скот в Анчерове. Например, часть населения переезжала со скотом в селения Сари Намак, Новачун, Порвор, Миллиев и др. Здесь им предоставляли жилье в любом

хозяйстве. Устраивались они во дворе, на крыше хозяйственных домов или же в свободном жилом помещении. Свой скот жители Анчерова держали в общественном стаде села и, как правило, по очереди также пасли стадо, т.е. они считались полноправными членами того села, в котором временно проживали. Женщины участвовали в певочи с сельскими женщинами и занимались приготовлением впрок молочных продуктов. Время проживания в этих селениях охватывало период с мая по сентябрь и называлось «хамхуник» (букв. совместное проживание). В данный период в селении Анчеров оставались одни мужчины и наемные работники — чорьякоры, которые были заняты земледелием, поливом полей, уборкой урожая и уходом за хлопковыми плантациями¹.

Те селения, которые располагались между нижней и верхней подзонами, назывались «айлокшину таговшин». Они попеременно – летом и зимой перегоняли свой скот на летние и зимние стоянки. Селение Сари Намак перебиралось на летовья в Лошан, Сари Нухас, Хучмаких, Санги Масаркух. Зимой перегоняли мелкий и крупный рогатый скот (волово, быков) на Хушкадаст и Асптоз, где также содержался скот селений Порвор и Сари Магзор. Селение Порвор на летовку отправлялось в Лави Гор, Курушон, а зимой – в Талхов и Хушкадаст. Жители селения Ел выезжали на летовье в Девлохам, приблизительно в 3 км от селения. Зимой они, как и другие селения, имели свои стоянки на Асптозе и Хушкадасте. Селение Сари Магзор на летовье переезжало в Сари Магзори тор, расположенный в 0,5 км выше основного села.

Особо следует отметить селения, расположенные в южной части зоны «тагнов». Они назывались «паси кух» (за горой) и резко различались зональностью. Здесь селения также делились на «таговшин» и «айлокшин» (Сиюн, Амринг, Речов, Галчак, Арзичи, Сари Гор, Дараи Бед, Бузи Хам, Говхур, Сафедсанг, Гундара, Иштел, Руботынгаки Поен и Боло, Дараи паст, Шыгтай, Ваштышт, Эвалк).

¹ Этнографические материалы, собранные автором.

Местность, в которой были расположены эти селения, была каменистая, со множеством обрывов. Высокие горы были покрыты кустарниковым лесом. Здесь отсутствовали обширные пастбищные угодья, что не позволяло содержать и увеличивать поголовье не только крупного рогатого скота, но и овец. Пахотные участки располагались в двух зонах – в тагове и на территории самих сел. Приблизительно 15-20 февраля почти вся мужская часть населения с домашним скотом переселялась в тагов Дашти Рог, Хочак, Турк-кушо, Рубот, где обрабатывали землю и сеяли пшеницу, ячмень и другие зерновые культуры. Затем мужчины поднимались вверх в свое село, где к этому времени успевал растаять снег (замин сиех мешуд), и уже можно было засеивать поля. Характерной чертой данного способа является также сооружение укрытия, как для скота, так и для людей. В «тагове» каждое хозяйство имело жилое помещение типа «канък» и загон для скота. Так как основное поголовье скота состояло из коз и овец, то для них строили также небольшие загоны типа «канък», а для крупного рогатого скота строился загон – хлев. Некоторые загоны строились под естественными укрытиями, например, под высоким каменным обрывом – «кыр», они предохраняли людей и скот от дождя и ветра. Поэтому иногда переселение жителей в эту подзону называлось «ба кыро гузаштан» – (переезд в «кыр»). Примечательно то, что в конце зимы и ранней весной жители начинали переходить в другие зоны и не только ради скота, но и для ведения земледельческих работ в нижней, а затем и в средней зоне, где были расположены сами селения.

В начале XX в. жители селений этой подзоны (Амринг, Речов и др.), расположенной в зоне летовья, в связи с малой заготовкой запаса кормов, еще осенью переселялись в тагов на зимние стоянки, частично с семьями. В начале весны (20 марта) с зимних стоянок они переходили на более высокие, между зимними и летними стоянками, т.е. на весенние стоянки, где проводили окотный сезон скота. Женщины устраивали здесь молочную артель – «певози». В июне все переселялись на летовье, которое

располагалось недалеко от села и называлось Тошкымыр. В зависимости от природно-климатических условий местности каждое село предоставляло свои пастбища на определенное время года другому селу и, в свою очередь, пользовалось их пастбищными угодьями в другое время года. Такой подход в сложных природно-географических условиях позволял заниматься комплексным хозяйством, одновременно и земледелием, и скотоводством, и сбором фруктов, и другими видами хозяйствования¹.

Аналогичный цикл содержания скота в конце XIX – начале XX вв. имело место и в Шурабадском районе, в селениях Хочагалтон, Бадринг, Чориштак, Сафедсанг и др. Здесь, также в зависимости от содержания и выпаса скота, в разные периоды года селения делились на «элгашин» и «хелшин» (т.е. летовщики и зимовщики). Жители селений Бадринг и Чориштак в зимнее время года содержали мелкий рогатый скот на зимней стоянке – Довит, а ранней весной, и бывало и в феврале, перегоняли его на весеннюю стоянку в Санги Ов (1, 5 км от селения). Когда на пастбище еще лежал снег, в начале выводили лошадей. После тебеневки выводили мелкий рогатый скот. В это время рабочий скот (волы, быки) содержались в стойле. В марте скот возвращали в селение, какое-то время он пасся на присельском пастбище, затем часть населения переселялась с ним на летовье в Чашмаи Сев (7 км от села) и Деволбаре, где в течение 30-40 дней жили в стационарных жилищах – «каппа». Здесь уход за скотом также проходил по способу очередности и назывался «дамхоткун». Как видим, в вышеуказанных селениях круглогодичное содержание скота в основном проходило за пределами селения. Стойловое содержание было очень кратковременным. Поэтому по принципу содержания скота эти селения назывались «элгашину» — «хелшин» (т.е. летовщики и зимовщики).

Те хозяйства, которые не могли по каким-либо причинам переехать на летовье, или же на зимние стоянки – тагов, передавали свой скот родственникам или соседям, чтобы те пасли их вместе со своим скотом, а в

¹ Этнографические материалы собраны по районам Кулябского региона автором.

качестве оплаты за труд брали одну скотину, или какие-нибудь необходимые им вещи. В Порворе, например, за 10-15 голов присматриваемого скота давали 1 овцу, либо обувь, именуемую чамбус, или ватный халат – чомаи карбоси; в Сари Намаке за присмотр 12 овец отдавали 1 овцу, за 7 коз – штаны с рубашкой; в Сари Магзоре за присмотр 16 овец давали 1 овцу и за 4 козы – 1 козу. Как видим, плата здесь была разная и, скорее всего, зависела от состоятельности хозяйства, которое предлагало свой скот для присмотра, и от сложностей условий ухода за скотом. В Порворе не брали плату за присмотр скота у тех хозяйств, которые были бедны. Аналогичное правило было распространено и в Дагестане, где наряду с собственными коровами брали и чужих за часть продукции, например, масло – хозяину, сыр – себе. Но данный обычай в большей степени был характерен для долинных селений, которые испытывали трудности в пастбищном обеспечении¹.

О существовании аналогичного способа содержания скота в Хуфе (на Памире) исследователи сообщают в конце XIX – начале XX вв., что с наступлением весны первыми от снега освобождаются места в Пас-Хуфе. Поэтому скот на 40-50 дней сгоняют в Пас-Хуф, где большинство хозяйств имело свои посеы и помещения для скота и людей. Этот отгон, в отличие от летних, не сопровождается особой церемонией. После этого скот возвращается в зимние селения, что совпадает с началом посева. Приблизительно 20 дней скот пасется в общественном стаде, или в порядке очереди затем он перегоняется на верхние летовки на 40 дней. Когда вся молодая трава в окрестностях съедается скотиной, и наступает время молоть посеы, и женщинам надо находиться ближе к селению, скот перегоняется на нижние летовки – «шувде-йиль» (малые летовки)².

Например, жители селения Питову Ду и Дара Девлох (долина р. Яхсу) выходили на летовье Сурхак-Дара. Здесь они обыкновенно, кроме присмотра

¹ Османов М-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. // АН СССР. Дагестанский филиал Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. М., 1990. С. 155.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 13.

за скотом и заготовкой впрок молочных продуктов, позволяли себе заниматься и земледелием, сеяли пшеницу и ячмень. Поэтому на этих летовках проживали от 3-х до 4-х месяцев, в то время как обычное проживание на летовьях составляло в среднем от 1,5 до 2-х месяцев. Здесь присмотр и уход за скотом назывались «хундун». О таком селении в 1914 г. пишет и А. В. Нечаев: «...здесь, на Пяндже был маленький кишлак летом, в нем никто не живет, и лишь приходят для сбора винограда. С этой целью сейчас в нем находилось несколько сартов»¹. Возможно, жители находились на летовье, где также вели земледельческую работу и параллельно присматривали за скотом. А может, данное селение было местом зимней стоянки, потому что далее автор пишет: «...ночлег устроили на плоской крыше низенькой сакли – землянки, растянувшись на голой, глиняной поверхности». Аналогичные постройки (полуземлянки) на данной территории назывались «канък» и были предназначены для хозяйственных нужд, в первую очередь для животноводства строились, на зимних стоянках»².

Особо следует остановиться на вопросе содержания скота в горной части при вертикально-горизонтальном переселении. Здесь летом выгоняли скот на летовье. Летовья были расположены не выше той зоны, где было расположено селение. Поэтому переселение из села на летовье имело горизонтальный характер. Каждое селение имело по несколько летовок. Например, селение Шаидон имело летовье в Дараи Калот, Хаккокна и Дараи Регак. Эти летовки были расположены в ущельях, которые были окружены высокими горами и покрыты лесом. Здесь скот содержался 2 месяца, по очереди перегоняясь с одного летовья на другое. Рабочий скот содержали на другом летовье – Хучаи Сиро, на расстоянии примерно 10 км от села. Дойных коров возвращали вечером в село и после вечернего и утреннего доения опять гнали на летовье, где они паслись без присмотра. Несмотря на

¹ Нечаев А. В. По горной Бухаре. Путевые очерки. СПб., 1914. С. 80.

² Там же. С. 84.

то, что эта зона являлась местом летовья, и присельское пастбище могло обеспечить кормами сельский скот, все же весной и летом население выгоняло свой скот на летовье подальше, чтобы не допустить потравы посевов. Как видим, в данной перекочевке зональность и расположение местности почти не учитывались. Здесь высока роль земледелия. Так, основной причиной выхода на летовье была защита посевов от потравы, а не отсутствие пастбищ, что было характерно для равнинной части. Вышеописанное традиционное зональное деление в сфере животноводческого хозяйства существовало и у таджиков соседнего Афганистана. Здесь районы с компактным таджикским населением были разбросаны почти по всей территории края, как на равнине, так и высоко в горах¹.

В зависимости от физико-географических условий местности население умело пользовалось в хозяйственном отношении зональным расположением местности. Так, в оазисе Ходжа-Канду община, состоящая из нескольких десятков семей таджиков-земледельцев, имела землю, которая делилась на 2 зоны. В первой зоне располагались жилые и хозяйственные постройки и приусадебные участки. Вторая зона – выше и ниже первой, была террасирована под открытым полем для зерновых. Пастбищные угодья также были разделены на две зоны. Следует особо подчеркнуть, что в экономическом аспекте в горной части хозяйственная деятельность населения требовала и другого образа жизни – наличия хозяйственной базы на летней стоянке, где проходила значительная часть жизни семьи. На летовье имелись жилые и хозяйственные комплексы. Скорее всего, подобный образ жизни горных таджиков, то есть одновременно и в основном селении, и параллельно на летовье, складывался в интересах симбиозного земледельческо-скотоводческого хозяйства. Здесь уместно привести высказывание А. В. Нечаева: «С наступлением весны стада тысячами

¹ Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 24.

паслись, много было людей, все было радостно, а как наступало лето, сохли травы, люди шли в горы, тосковала степь, грудь наполнилась завистью к прохладным пастбищам, и взмолилась она (степь) богу: «...зачем ты создал горы? Они мое несчастье. Туда бежит от меня все живое, уничтожь горы. Всевышний, сотри с лица земли! Аллах сказал: «не убивайся и не завидуй: я сотворю такого человека, который от тебя никуда не уйдет». И сотворил узбека – кочевника-скотовода¹. Хотя здесь речь идет о двух этнических принадлежностях, но основной смысл в образе жизни – кочевой и оседлой.

Следует отметить, что перегонный способ содержания скота был характерен для многих таджиков. Например, жители горного Зеравшана осенью пригоняли своих овец в степную зону Устуршаны, Джизака, Заамина, Булунгура, Пайарыка, Китаба, Карши, т.е. в равнины. С наступлением весны теми же путями возвращались на горные пастбища². Этот способ содержания скота от яйлажного отличается тем, что скот большей частью года находится за пределами села. Вот почему некоторые дореволюционные авторы, в том числе русский путешественник, капитан Генерального штаба Путята, ошибочно называли его полукочевым образом жизни. Относительно ваханцев он сообщает, что население ведет полукочевую жизнь, так как часть его живет в джайлоу, помещаясь в землянках³. Здесь необходимо оговориться, что мы полностью придерживаемся точки зрения Б. И. Искандарова, который отмечает, что жители Вахана, Шугнана, Дарваза и Каратегина в начале XX в. являются оседлыми земледельцами, а не полукочевниками⁴.

По этому вопросу уместно привести слова М.-З. О. Османова: «Ошибка здесь – в выборе определяющего критерия: пользование отдаленными

¹ *Нечаев А.В.* По горной Бухаре. Путевые очерки. СПб., 1914. С. 44.

² *Эшонкулов У.* История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе, Деваштич, 2007. С. 542.

³ *Путята Д. В.* Заметка о поездках в 1882 году в Кызылкумы и Каракумы // Записки военно-топографического отдела Главного штаба. 1886. Ч. 41. Отд. 2. С. 61.

⁴ *Искандаров Б. И.* Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. С. 21.

пастбищами не исключает оседлости, в данном случае надо было учесть, что (кто) подвижно и в каких пределах, масштабах, и стало бы ясно, что речь идет об оседлом населении, применявшем отгон скота под присмотром пастухов»¹.

Таким образом, полукочевой образ жизни еще не означает, что жители этого региона не являются оседлыми. Скорее всего, здесь необходимо учесть экономический интерес данного хозяйства для населения. Ошибка заключается в неправильном использовании критериев, определяющих связь между потребностью в хозяйстве и образом жизни.

В конце XIX – начале XX вв. отгонное животноводство занимало важное место в развитии хозяйства и экономики таджиков. Для таджиков, занимающихся этим видом скотоводства, в первую очередь, было характерно занятие земледелием, т.е. сочетание с оседлостью, строгая спланированность всех этапов годового цикла содержания скота, а затем выгон его на сезонные пастбища: летние, осенне-весенние и зимние. Сезонные пастбища – летовья были расположены в горных зонах Дарваза, Каратегина, Куляба, Зеравшана, Сурхандарьи, а зимние на Вахшской, Бешкентской, Мирзочульской и других низменностях, промежуточная зона служила осенне-весенним выгоном для скота, что благоприятствовало развитию животноводства. Было бы ошибочным утверждать, что отгонный способ животноводства был приемлем только в овцеводстве. Скорее всего, этот способ применялся в таких отраслях животноводства, как коневодство и частично при разведении крупного рогатого скота.

Одним из отличительных признаков отгонного животноводства от других видов является то, что оно было характерно преимущественно состоятельным и богатым хозяйствам, в экономическом аспекте имело промыслово-товарный характер. По нашим историко-этнографическим материалам, основная часть состоятельных хозяйств проживала большими

¹ Османов М-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. // АН СССР. Дагестанский филиал Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. М., 1990. С. 161.

неразделенными семьями. В них было развито большое многоотраслевое хозяйство, основной отраслью которого было земледелие в сочетании с животноводством и другими занятиями. Следует отметить, что в одной из своих работ мы подробно рассматривали хозяйственную деятельность неразделенной семьи. Внутрисемейные отношения в этих хозяйствах отличались своей архаичностью, которая была обусловлена господством натурального хозяйства. Например, богатый скотовод Камолбой имел 9 детей. В хозяйстве у него было свыше 1000 голов овец, 100 дойных коров, 20 ослов, 4 пары волов и свыше 10 верховых лошадей. Он имел земельные наделы не только в своем селении Чаврок, но и в Дангаре. Вся работа в хозяйстве была распределена между его сыновьями. Сам Камолбой присматривал только за коровами. Молочным хозяйством занимались 4 женщины, т.е. жена и невестки. Мужья двух невесток Кара и Шер занимались овцеводством. Они были чабанами. По должности Кара являлся «аркором» (т.е. старшим чабаном) и поэтому он имел право нанимать еще дополнительных чабанов. Он заключал с ними договор и платил в год по 12 овец, а также одевал их с головы до ног – «сару-по». Он делал это совершенно самостоятельно и в конце года должен был отчитываться перед отцом. Все расходы и доходы записывались в тетради. Старший брат Махмадшо занимался только торговлей. Он обыкновенно перегонял овец в Коканд на продажу и оттуда привозил необходимые для нужд семьи и хозяйства товары. Мать с невесткой каждый день пекли лепешки, иногда приходилось это делать в день дважды. На весенние стоянки выходили в среднем по 4 женщины из хозяйства, которые занимались приготовлением впрок молочных продуктов. Четкое распределение работ и строгий учет всех расходов и доходов были обязательными критериями вышеописанного хозяйства¹.

Было бы неверным полагать, что каждая неразделенная семья имела

¹ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX-начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 38.

развитое животноводческое хозяйство, которое сдерживало ее разделение. Наоборот, сохранению традиционных родственных отношений на примере большой неразделенной семьи в большей мере способствовали отсталые экономические отношения горных регионов.

Другой пример также из этого региона – Восточной Бухары. В селении Шагмон (недалеко от Куляба) большим состоятельным хозяйством руководил некий Шарифбой с 5 братьями, которых звали Махмадали, Умармли, Шараф, Рахмонали и Файзулло. Все жили под одной крышей. Умар ухаживал за скотом. Махмадали занимался земледелием. Другие братья помогали ему. Женщины пряли, ткали, делали все необходимое для семьи, занимались молочным хозяйством. Скот на продажу в Каган отводил сам Шарифбай с Умаром. Все доходы в хозяйстве считались общими. Но семейный бюджет был в руках одного Шарифбоя. Это хозяйство обладало несколькими тысячами овец, большими участками для посева. Трудом были заняты все члены семейства, включая и самого главу хозяйства. Имеется и такой факт: состоятельный скотовод из Бальджуана Собирбой раньше служил простым чабаном. Обладая большим упорством в труде и опытом в работе, со временем он превратился в одного из состоятельных скотовладельцев Кулябского бекства. Б. И. Искадаров писал: «Крупные скотоводы, обладавшие несколькими тысячами голов в бекстве Куляба, Каратегина и Дарваза, были нередким явлением. В Ховалинском амлякдарстве Кулябского бекства некий Ибрагимбой, по национальности таджик, кроме крупного рогатого скота, одних коз и баранов имел более 4 тыс. Для обслуживания скота в качестве пастухов у этого богатого скотовода работало 50 батраков. В этом же бекстве Кизил-Мазарском амлякдарстве, в кишлаке Лавак, некий Лой-бой имел свыше 4 тыс. баранов и рогатого скота, помимо рабочих быков, более 1000 голов. Такие же крупные скотоводы были и в самом Кулябе. Наиболее видными из них являлись Сафар-бой, Базар-Али-бай, Мулло-Одина-бай, Ходжа-Раджаб-бай, Одина-Сафар-бай и др.»¹.

¹ *Искадаров Б. И. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на*

Здесь уместно привести утверждения М. С. Андреева о том, что ваханцы в конце XIX – начале XX вв. обычай зимней пастьбы приняли от соседей-киргизов. Перекочевывая по мере выедания травы скотом, они за зиму 3-4 раза переходили на новое место¹. Но мы не можем согласиться с этим высказыванием. Наши историко-этнографические и археологические материалы дают неопровержимые доказательства относительно того, что традиции ведения животноводческого хозяйства у ваханцев являются сугубо традиционными и применялись еще в период ранней бронзы, и они были продиктованы природными условиями данной местности. То же самое можно сказать о таджиках, проживающих за пределами современных границ Таджикистана.

В конце XIX – начале XX вв. в равнинной части отгонное животноводство не было широко развито. Об этом имеются сведения у таких исследователей, как А. Ф. Миддендорф (о Фергане)², В. Наливкин (о Намангане)³ и Н. Н. Ершов (о Кыстакозе)⁴ и др. Например, сообщается, что в Кыстакозе баев, занимавшихся разведением овец, было немного. Зимой они своих овец в основном содержали на своих полевых землях, где заранее были сооружены крытые или покрытые навесом дворы, с огороженной глинобитной стеной. Сооружение такого рода называлось «кургон» или «кальа». Пастухи в основном нанимались из киргизов или узбеков. Средняцкие и мелкие хозяйства отдавали своих овец для выпаса в байскую отару. Взамен отдавали по одной таньга за каждую голову или же одного барана из 50 голов овец. Овцы все время были на подножном корме. Обычно ранней весной отару выгоняли в Мирзочульские степи, после чего

рубеже XIX – XX вв. // Труды АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1958. Т. 83. С. 140.

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 114.

² Миддендорф А. Ф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882. С. 158.

³ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типография императ. университета, 1886. С. 56.

⁴ Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 156.

перегоняли в арчевники на северных склонах Туркестанского хребта. В конце лета спускались со скотом с гор и выпасались на адырах, в предгорьях и на пустошах по левому берегу Сырдарьи. Осенью отары возвращались обратно к селениям и выпасались в окрестностях. Зимой в сильные холода овец возвращали хозяевам, которые с улучшением погоды опять же отдавали их пастухам¹.

Богатые скотоводы были и в Сурхандарье, Бустонлыке и Джизаке. Они также отгоняли свой скот летом на летовье. Например, богатые скотоводы селения Нанай (Бустонлык) на лето нанимали чабанов на территории Пскома, где имелись обширные летние пастбища. Они все лето присматривали за отарой, а осенью возвращали ее обратно. За свой труд получали по 5 ягнят из каждого десятка поголовья.

Хозяин обеспечивал чабанов необходимыми вещами: паласом-гилем, кашмой-намад, кожаными сапогами из говяжьей кожи – чоруки хомак и др. Следует отметить, что одежда чабанов и их помощников почти не отличалась от одежды других слоев населения.

В летнее и зимнее время чабаны периодически посещали свои семьи, но в воспитании своих детей они принимали очень мало участия. Имеется много фактов, свидетельствующих о том, что чабаны очень редко могли жениться. Бедность и высокий выкуп за невесту отчасти были тому причиной. Часть овцеводов, пользуясь этим, выдавала за чабана сироту-чури, которая воспитывалась у них, и этим привязывали чабана на всю жизнь к своему хозяйству.

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. особенностью отгонного животноводства у таджиков являются сочетание данного занятия с земледелием, содержание скота круглый год на подножном корму, перегон на сезонные пастбища, отсутствие хозяйственных построек, запас кормов на

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67, 157, 158.

зиму. Уход за скотом велся не членами хозяйства, а наемными профессиональными чабанами. В экономическом аспекте, как уже было описано, данный вид животноводства у таджиков имел товарный характер и являлся основным мерилем богатства.

Следует отметить, что в системе скотоводческого хозяйства таджиков наряду с общими чертами выявляются и некоторые различия, которые во многом были обусловлены как природно-климатическими условиями и влиянием экологической среды, так и местными вековыми традициями. Как уже нами отмечено, цикл содержания скота – стойловый, перегонный, выгонными, яйлажный и отгонный способы, использование летовок и закрепление за определенными семейно-родственными группами, которые применялись населением в животноводческом хозяйстве в конце XIX – начале XX вв., отражают отголоски древних форм хозяйствования. Традиционное деление пастбищ в зависимости от зональной расположенности, физико-географических условий, ландшафта местности, а также исходя из способа ведения животноводческого хозяйства, передвижению на эти зоны в определенные времена года, являются сохранением преемственности. Они имеют важное практическое значение, где отражены традиционные знания народа.

История молочного хозяйства и его экономическое значение. В животноводческой отрасли молочное хозяйство играет важную роль. Первейшей его задачей являлось обеспечение хозяйств мясомолочными продуктами, а затем оно имело и товарный характер. Следует особо подчеркнуть, что в данном хозяйстве сохранились некоторые традиционные способы технологии, архаические обычаи и обряды имели тысячелетнюю историю хозяйства таджикского народа.

Сложно представить молочное хозяйство без молочной посуды. В конце XIX – начале XX вв. в этом хозяйстве пользовались керамической или деревянной молочной посудой. Керамическая является самой древней молочной посудой. На всех поселениях гиссарской неолитической культуры

северной части Южно-Таджикского нагорья (Кангурттут, Баракикурук, Тегузак и Дахана) археологи находили сосуды с отверстием в середине дна: скорее всего, они использовались для процеживания молока или изготовления молочных продуктов¹. Для сушки сыра – крут пользовались сплетенной из прутьев корзиной. Но в основном предпочтение отдавалось керамической посуде. В Даштиджуме этим занимались женщины. Сырье – глину для изготовления керамической посуды брали недалеко от священного места «Мазори Биби-Фотима», в честь которой каждый год совершали жертвоприношения. То же самое наблюдалось и у таджиков соседнего Афганистана, о чем сообщают исследователи. Они отмечают, что гончарство было развито в Файзабаде, Зебаке и Роге. Особенно высокого качества посуда производилась в Роге. «На водном месте Бадахшана нет таких гончаров, как здесь, – писал Б. Кушкеки о Роге². Здесь, как и у таджиков Таджикистана, гончарством занимались в основном женщины.

Особо следует остановиться на маслобойке. Масло у таджиков в конце XIX – начале XX вв. сбивалось несколькими способами, о которых мы писали в предыдущей монографии³. Например, в Фольгаре и Матче масло сбивали в высокой маслобойке «куппи». Но основным способом было сбивание масла при помощи мутовки, приводившейся в движение ремнем.

В работах таких замечательных этнографов, как Е. М. Пещерева и М. С. Андреев, имеются интересные сведения о сбивании масла. Так, Е. М. Пещерева описала 3 способа сбивания масла⁴. В данной работе описываются четыре способа этого действия. В Фальгаре и Матче масло сбивали в высокой маслобойке – «куппи» – первый тип, около метра высотой, сделанной из

¹ *Виноградова И. А.* Отчет о работе отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ (1978). АРТ. Вып. 18, 1984. С. 133-34.

² Кушкеки Бурхан-уд-Дин. Катаган и Бадахшан / Бурхан-уд-Дин-и Кушкеки. Ташкент, 1926. С. 202-203; Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 27-30.

³ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX-начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 92.

⁴ *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи // По Таджикистану. Вып.1. Ташкент, 1927. С. 45.

дерева, выдолбленного внутри, при помощи длинной палки-мутовки, на нижнем конце которой был приделан крест или просто насажен кусок дерева. Мутовку двигали в маслобойке вверх-вниз. Такой же способ «толчения», т.е. поднимания и опускания песта мутовки был распространен и в Бартанге. Такая же маслобойка встречается и в Ягнобе, но здесь распространена и другая (2 тип) – керамическая. Собственно, ягнобская маслобойка – «тугля» имеет совсем особый вид (такой встречается в северо-восточной части Куляба и называется «бух»). Распространение данного типа маслобойки можно связать с переселением населения рогцев-хулдуски в конце XIX в. из афганского Бадахшана в приграничные селения Даштиджума. Этот же тип, по сведениям наших информаторов, был распространен и у таджиков Афганистана под названием «ширзанак». Немного похожий вид маслобойки имел место и в северо-западной части Казахстана под общим названием «глиняная маслобойка»¹ (сделана она из обожженной глины в виде высокого кувшина (до 1 м высотой), с узким горлышком – *А. Р.*).

В маслобойку наливается кислое молоко, боковое отверстие затыкается тряпкой, а верхнее завязывается пузырем. После этого маслобойку кладут на бок и держат одной рукой за боковой выступ, а другой за верхний конец и катают по земле.

Третий способ, наиболее распространенный и которым пользуется все таджикское население к югу от Гиссарского хребта до Гиндукуша, а также киргизы Ферганы и Семиречья, является наиболее усовершенствованным. Масло сбивалось при помощи мутовки, прикрепленной в вертикальном положении к столбу при помощи двух деревянных колец так, что мутовка свободно вращается в них. Приводится мутовка в движение при помощи такого же ремня, как в среднеазиатском точильном станке².

Начиная с Рушана и по Вахану, распространен способ сбивания масла

¹ Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. Алматы, 1980. С. 121.

² *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарья). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 92.

через вращение мутовки при помощи обвитого вокруг нее ремня. Как уже было отмечено, исключением является Бартанг.

Четвертый способ – это сбивание масла толчением в кожаном меху. Еще в начале XX в. М. С. Андреев писал: «Как мне рассказывали хуфцы, они встречали применение такого способа сбивания масла – толчение пестом в кожаном мехе и у кочующих афганских племен, приходящих на летовки около озера Шидз в Бадахшане. К югу от Припамирья, в Читрале, по словам бывавших там хуфцев, масло сбивается также в кожаном мехе, но никакого песта при этом не применяется. Подвешенный мех встряхивается то за один, то за другой край... Однако дальше, в Индии, как мне пришлось убедиться лично из ряда наблюдений, способ сбивания масла вращением мутовки посредством обвитого вокруг нее ремня распространен по крайней мере от Карачи до Мадраса»¹.

Следует отметить, что в Бартанге применяли первый тип – способ «толчения», то есть поднимания и опускания песта-мутовки. По мнению Е. М. Пещеревой, так как этот способ больше других распространен среди тюркоязычных народов, то, возможно, что он заимствован бартангцами у соседних памирских киргизов.

Далее М. С. Андреев правильно отмечает, что идея отделения масла от молочных продуктов в Средней Азии распространилась первоначально среди иранских народов. Чисто тюркские народности, по-видимому, стали сбивать масло (коровье) сравнительно недавно. Они заменили его, как это замечено и сегодня из их быта, животным жиром. Что это именно так, можно судить по практике сравнительно малого все еще употребления коровьего масла в быту тюркских народов. У казахов масло сбивают и запасают впрок молочные продукты преимущественно малосостоятельные люди. Богачи же до сих пор во многих местах конфузятся такого недостойного дела, предпочитая коровьему маслу баранье сало (лучше всего курдючное)².

¹ Там же. С. 144-145.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. II. Сталинабад:

Относительно узбеков-локайцев Б. Х. Кармышева сообщает, что они предпочитали коровье масло¹. Наши материалы также подтверждают, что узбеки-локайцы масло сбивали только из коровьего молока, овечьё и козье молоко, в отличие от соседних кулябских таджиков, не использовали. Из молока коз и овец готовили только сыр.

Что примечательно, так это то, что узбеки-локайцы в конце XIX – начале XX вв. масло сбивали непосредственно из сливок, а таджики исключительно из заквашенного молока, иначе масло считалось несъедобным².

Нельзя считать, что сбивание масла из сливок не было свойственно таджикам. Скорее всего, данный прием является наиболее архаичной формой, и им пользовались наши предки. Мы допускаем, что способ сбивания масла встряхиванием кожаного меха является наиболее древним и его использовали не тюркские племена, а кочующие иранские скотоводческие племена еще в эпоху бронзы. Данный способ применялся до начала XX в. и у таджикских чабанов отгонного скотоводства.

Следует отметить, что первый тип маслобойки, особенно распространенный среди населения – «чагдег», именуется такими терминами как «пемок» и «химчик». Названия других частей этой маслобойки такие: мутовка называется повсеместно – «чахчу», деревянные кольца – «хылка», «чахник», «манчила», «чахна», ремень – «тасма», посуда кринка – «химчик», «чагдег», стойка – «поя».

Переходным типом маслобойки от кожаной к керамической можно считать не деревянную «куппи», а керамическую в виде ягнобской «тугла» и кулябской «бух». Данный тип был распространен и среди таджиков Тахора, которые на летовье для сбивания масла пользовались или кожаным мехом, или керамической маслобойкой. В этой маслобойке применяли способ

Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 142.

¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Тадж. ССР. Институт истории, археологии и этнографии, 1953. Т. XXVIII. С. 104.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 143.

встряхивания, который допускал, чтобы этим могли заниматься как женщины, так и мужчины.

Относительно вида маслоек отметим, что среди казахов были распространены кожаный мех, деревянная «куппи» (именуемая казахами «куби»), а также керамические маслочки в виде кувшина¹. Интересно, что молдаване для сбивания масла пользовались деревянной маслочкой «будэй»², аналогичной таджикской «куппи». По сведениям исследователей, данный тип был распространен у румын, болгар, а также на украинских Карпатах.

Изучая типологию маслоек конца XIX – начала XX вв., можно успешно использовать эти данные в исследовании классификации форм и типологии скотоводства.

Молочная пища. Молочная пища у таджиков в конце XIX – начале XX вв. была разнообразной. Очень популярным блюдом у горных таджиков являлось «крутов», или «крутови даврак». Его готовили в основном зимой. Обычно поочередно каждое хозяйство рано утром приглашало на «крутов», сначала мужчин, а затем женщин.

Утром, на завтрак, готовили «ширруган» или «ширчой» – молоко с маслом и молоко с чаем. Брели молоко или молоко со сливками, сначала кипятили, затем добавляли немного заварки чая и солили. Ели ширчой также со сливочным или топленым маслом.

В полдень обычно готовили «мастова» и «шакароб». В деревянное блюдо клали размельченную зелень: лук, перец, укроп-шибит, гашнич-кориандр, а затем наливали немного теплой воды, солили по вкусу, добавляли пахтанье и размельчали туда горячую лепешку. В «шакаров», кроме того, добавляли еще и квашеное молоко.

Исходя из исторических и этнографических источников, молочные

¹ Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. Алматы, 1980. С. 121.

² Фуртунэ А. Т. Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в.: (Историко-этнографический аспект). Кишинев: Штиинца, 1989. С. 44.

продукты у соседних таджиков в Афганистане конца XIX – начала XX вв. почти аналогичны с нашими. Здесь широко использовались «джургот» или «мает», «курут», «панири пухта» – несоленый сыр, «панири хом» – брынза.

В Мунджане готовили творог – «кутах» и лепешки с творогом – «кутахин». Таджики Герата из «курута» в сочетании с мукой, дробленным пшеном, рисом готовили «кулартуруш», «куларшир», «мастова», «ширбриндж», в Лагмане готовили «шуртава», «угра», «шулакурут»¹. Кроме того, пеклись лепешки на молоке – «нони ширмол»; особо следует отметить ритуальное блюдо «дегча» из риса и молока с добавлением сахара, для бедняков в честь выздоровления пророка Мухаммада после тяжелой болезни, в последнюю среду месяца Сафар (ноябрь)².

Очень сытным блюдом считалось «дугчуши» или «дугруган». В деревянном блюде размельчали горячие лепешки или фатир, сверху клали мелко нарезанный лук (репчатый) и все это поливали горячим топленым маслом.

Для подростков-пастушков «чупонок» и иногда детям-сиротам «барои хайр» – для богоугодности готовили мучной кисель «дугба». Для этого подогревали пахту, добавляли туда муку и размешивали. Блюдо готовилось очень быстро.

В рацион многих блюд входило сливочное или топленое масло. Так, «фатирмаска» считалась такой же популярной пищей, как «шакаров» или «крутов». В Ягнобе это блюдо известно под названием «чанголи». Для приготовления «чанголи» большую хлебную лепешку кладут на деревянное блюдо, поливают горячим молоком и горячим же коровьим маслом, после чего это все измельчают ложкой, превращая в нечто вроде пюре³. В отличие от других блюд, эта пища считалась еще и ритуальной. Ритуальным блюдом считался и молочный кисель – «ширбат», который готовили после

¹ Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 152.

² Там же. С. 154.

³ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 161.

растапливания масла. Сливая его по кринкам для хранения, на дне котла оставляли немного топленого масла, куда добавляли еще немного муки, соли, перемешивали и готовили ритуальную пищу «ширбат». Каждая женщина – участница перетапливания масла, угощалась и брала с собой домой понемногу этой пищи.

Из молочных напитков в конце XIX – начале XX вв. наиболее употребительными были «чолов» и «айрон» («хайрун»). «Айрон» считался любимым напитком чабанов отгонного животноводства. Готовили его из овечьего или козьего молока. Молоко переливали в машк (бурдюк из шкуры животного) и трясли, или же, перелив молоко в машк, нагружали его на осла или коня, и рано утром гнали вместе с отарой на пастбище. Весь день молоко взбалтывалось в машке, вечером, когда отара возвращалась назад на стоянку, напиток айрон был уже готов. Данный напиток в Бальджуане, в горном селении Вьен, назывался «хайрун». «Чолов» готовили в летнюю жару – он спасал от жажды. В сосуд набирали немного пахтанья или чака, перемешивали с водой, по вкусу добавляли соли и оставляли в тени или в другом прохладном месте.

То, что употребление этих напитков являлось характерной чертой кочевников-скотоводов индоиранских племен, засвидетельствовано древними источниками. Геродот писал, что скифские кочевники кобылье молоко перед употреблением взбивали, что аналогично способу приготовления таких напитков, как айрон (из овечьего и козьего молока), дуг (пахтанье, во время сбивания масла), кимиз (из кобыльеого молока), чолов (напиток из пахтанья с добавлением воды) и т.д. Аристотель более подробно описывает ритуал распития кумыса. Оказывается, скифы пили его, передавая чашку по кругу. Интересное описание Аристотеля о том, что «не позволялось пить круговую чашу во время праздника тому, кто еще не убил ни одного врага». Как видим, молоко, как в древности, так и сегодня у таджиков является символом белизны, сакральной чистоты и объектом особого почитания. Как отмечает В. П. Курылев, это его значение уходит своими

корнями в скифо-сарматское время¹.

Молочные артели – певози², как товарищество берет свое начало с родовой общины, так как в нем очень много моментов и отношений, характерных определенному кругу лиц или одного рода. В конце XIX – начале XX вв. в молочных артелях у таджиков работали женщины. Организовывались они обычно весной и летом, а иногда и осенью, и были предназначены для сбора большого количества молока. Отдельное хозяйство (с малым количеством дойных коров), как правило, не было в состоянии получать необходимое количество молока для разового сбивания масла. По поводу молочных артелей таджиков Афганистана М. С. Андреев писал: «молочная артель функционирует сначала в селении, весной, когда коровы еще находятся в деревне, а затем на летовке, куда со стадом отправляются все участники («пайвазгар»), обычно по одной женщине от каждого хозяйства.

В Кулябе в конце XIX – начале XX вв. женщина для вступления в

¹ *Курылев В.* Кумыс – ритуальный напиток кочевников Евразию // Сб. «Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции. г. Алматы, 5-7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 55.

² О широком распространении молочных артелей в горном Таджикистане см.: *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927. С. 49–55; *Ее же:* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе, 1976. С. 22-23; *Кисляков Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.-Л., 1939. С. 35; *Его же:* Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия Тадж. фил. АН СССР, 1949. № 15. С. 44-46; *Кондауров А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 19; *Андреев М. С.* По этнографии таджиков/ В сб. Таджикистан. Ташкент, 1925. С. 168-169; *Его же:* Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 138-139; *Его же:* По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Ташкент, 1927. С. 31-32; *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев: Среднеазиатский этнографический сборник II. Изд. АН СССР. (Труды Ин-та этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, том. XLVII. / отв. ред. Н. А. Кисляков, Т. А. Жданко. М., 1959. С. 24; *Ее же:* Язгулемцы Западного Памира (по материалам 1947-1948 гг.) // СЭ. № 3. 1949. С. 95; *Ее же:* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972. С. 68-70; Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 170-173; *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М.: Наука, 1969. С. 66 и др.

молочную артель должна была спрашивать разрешения у главы семьи; в Ягнобе, Дарвазе и Припамирье это не было обязательно. Мужчина, как глава семьи, давая на то согласие, предупреждал, чтобы она не оставалась в долгу.

Молочная артель устраивалась по очереди в два или три круга, и имела свой особенный переходной календарь. Деление имело сезонный или периодический характер. Например, 1) весенний – 3 месяца; 2) летний – 3 месяца; 3) осенний – 2 месяца. Или же: 1) вагарык, гаронык (весенний – бахори) – 2-3 дня или же до 10 дней; 2) калон (летний – тобистона) – от 10 до 30 дней; 3) хурд (осенний – тирамохи) – от 6 до 10 дней. Наиболее плодотворным периодом для артели (певози) считался период «калон» – большой.

Для таджиков Каратегина и Дарваза, Ягноба, Припамирья, Куляба, Хончиза, Хуффара и др. было характерно существование женских объединений – певози.

Молочные артели в горных районах имели кровнородственный характер. У народов Дагестана, например, молочной артели, как таджикская певози, вообще не существовало. Но здесь имелись кооперации других видов. Так, целый квартал объединялся в одну кооперацию, и каждая из семей получала продукцию в зависимости от количества ее коров и в соответствии с этим же количеством выходила на работу, которая включала уход и выпас скота, а также приготовление сыра. Характерный для ираноязычного населения Средней Азии сыр-курут у всех таджиков горных районов изготавливался как из сырого пахтанья, так и из переваренного.

Другой принцип был таковым: хозяйки, имевшие по 3-5 дойных коров, объединялись и сменяли друг друга на хуторе (схоже с таджикской летовкой) каждые 10 дней. За этот период вся полученная молочная продукция шла хозяйке, находящейся на хуторе¹.

В конце XIX – начале XX вв. жилища для обслуживающих хутор и

¹ Османов М-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX в. // АН СССР. Дагестанский филиал Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. М., 1990. С. 155-156.

помещения для молочных продуктов в форме хижин, специальный институт женщины, руководящей молочным хозяйством (мемтевроба), имели место и в Грузии¹.

Как можно было проследить по изложенным материалам конца XIX – начала XX в., в пище таджиков горной зоны, в отличие от равнинной, в рационе питания преобладали молочные продукты, что является своего рода показателем степени развития скотоводства в зависимости от зонального расположения местности, а в равнинной части важности земледельческого занятия.

Таким образом, следует отметить, что молочные продукты у таджиков горной части являлись основным продуктом питания. Генезис истории использования молочных продуктов в питании берут свое начало с позднего неолетического периода. Классифицируя основные представления таджиков, связанные с молочным хозяйством конца XIX – начала XX вв., можно разделить на: а) сопровождающие процесс выхода на летовье и возвращение в селение; процесса заготовки молочных продуктов; б) направленные на сохранение обилия молочных продуктов; в) отводящие силы злых сил – магические приемы в виде заклинания и т.д. В основе всех этих обрядов прослеживаются отголоски древних архаических представлений, связанных с культом плодородия, оберега от злых духов, и обеспечивающие здоровье, счастье и благополучие.

4.2. Описание традиционных хозяйственных построек животноводов

Глубокого исторического изучения хозяйственных построек конца XIX – начала XX вв., связанных с животноводческим занятием таджиков, в

¹ Макалатия М. Н. Скотоводство в горной части Восточной Грузии : автореф. дис.... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. 28 с.

прошлом, пока не проводилось. Имеются лишь отрывочные сведения, где данная тема освещена в общих чертах¹.

Между тем, описание хозяйственных построек скотоводов представляет большой интерес. Многие элементы строительства животноводческих хозяйственных помещений являются элементами обычных жилых построек, что, в свою очередь, может оказать существенную помощь при изучении традиционной жилой архитектуры таджиков в целом. В то же время, хозяйственные животноводческие помещения являются одним из критериев в определении форм и типологии животноводства, в основном у земледельческих народов. Остановимся на некоторых животноводческих жилых помещениях, в частности, рассмотрим загоны для скота и помещения для обслуживающего персонала. Особенно важны планировка, техника строительства и используемые строительные материалы. Для выявления их генезиса необходимо более подробно изучить некоторые виды жилищ, где, на наш взгляд, прослеживаются древнейшие следы комплексного хозяйственного занятия таджикского населения в прошлом. Для этого необходимо вначале дать описание планировки таджикских селений в различных зональных условиях.

Планировка сельских поселений. Планировка горных таджикских селений в конце XIX – начале XX вв. была различной. Таджики сельские поселения называли древним термином «дех», «деха». Скорее всего, данный термин применялся по отношению к земледельческим поселениям, именно отсюда происходит термин «дехкон» – земледелец. Часть селений имели свободную планировку, т.е. она состояла из отдельных усадеб с дворами. Они располагались на широких орошаемых склонах, на ровных площадях

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. С. 19-115; Кисляков Н. А. Кулябские таджики // Сов. этнография. 1949. № 5. С.76; Пещерева Е. М. Некоторые сведения о таджикском жилище Привахшских районов// Этнография Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1985. С. 3-4; Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX – нач. XX вв.) // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 210-225; Хамиджанова М. А. Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 236 и др.

или террасах, в долинах и т. д. В селениях, которые были расположены на крутых склонах гор, жилища располагались скученно, нередко плоские кровли хозяйственных помещений служили двором для жилых построек. В горной и предгорной частях поселения таджиков Каратегина, Дарваза, Куляба и горного Зеравшана¹ располагались скученно и отличались плотностью застройки домов по берегам горных рек, по боковым ущельям и конусам выносов, а иногда и высоко в горах — на границе вечных снегов. Аналогичные сведения о таджиках Афганистана приводит исследователь этого края А. Д. Давыдов. Он пишет, что в горной местности Кохистана, Кохдама, Панджшира Афганистана и Бадахшана, поселения в основном расположены в самых верхних точках горных ущелий, и создается ощущение, что они стекаются медленно вниз на равнинную часть долины; в долине Мушкона же поселения расположены вереницей на склоне горы, или вдоль склонов на протяжении нескольких километров².

Известно, что горные селения в основном были небольшими, а более крупные селения делились на кварталы, границы которых в мелкогнездовых, скученных селениях прослеживались четкими, так как граница между кварталами часто проходила даже по задним стенам домов и приусадебных участков. Каждый квартал составлял отдельную сельскую общину. Появление многоквартальных селений было связано с развитием имущественного благосостояния населения, разделением патриархальных семейных общин на более мелкие, патронимические группы и заменой родственных связей соседскими. Именно это и привело к возникновению сельской общины — основного института социально-экономической структуры селения³.

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н.А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1-2.; *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX — начале XX веков. Душанбе, 1997; *Давыдов А. С.* Селение и жилище Верхнего Зеравшана // Известия отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, 1970. № 4. и др.

² *Давыдов А. Д.* Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М: Наука, 1969. С. 199.

³ *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XII — XIV веков.

Как в Таджикистане, так и в афганском Бадахшане, в высокогорной части, в зависимости от природно-климатических условий, селения отличались скученностью и компактностью. Даже те деревни, которые состояли из нескольких близкородственных, экономически самостоятельных семей, размещались под одной крышей, которые образовывали единый жилой комплекс¹.

Хозяйственные постройки и их многообразие были обусловлены особенностями ведения определенного вида животноводческого хозяйства: главную роль здесь играли сочетание земледелия с животноводством, количество поголовья скота, перемещение скота по направлению к пастбищам и т.д. В равнинной части размещение хозяйственных построек определялось тем, что животноводческое хозяйство обычно зависело от земледельческого занятия, поэтому хозяйственные постройки располагались непосредственно возле основного поселения. Здесь навоз скота активно использовали для традиционной системы удобрения пахотных угодий. Особенно следует отметить, что хозяйственные постройки равнинной части во многом аналогичны другим видам построек животноводческого хозяйства, которые станут предметом нашего дальнейшего рассмотрения в данной работе.

В Каратегине, Дарвазе и Кулябской области были распространены два типа традиционного жилища: 1) равнинный, или равнинно-каратегинский; 2) припамирский, или припамиро-каратегинский. Первый тип был заимствован с равнин, второй был исконный, местный². Относительно Кулябского региона провести подобную типологию жилищ намного сложнее, так как специальных исследования по данной теме не проводилось. Но отметим, что в предыдущей нашей монографии отмечались многие схожие варианты и

М. – Л.: Изд. АН СССР, 1960. С. 297.

¹ Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С.111.

² Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч.1. С. 34, 36.

отличительные черты между Кулябским и Каратегино-Дарвазским, а также припамирским типами жилища.

Таджики Нурека (среднее течение р. Вахш) в конце XIX – начале XX вв. свои хозяйственные постройки, в том числе хлев, чаще всего строили ближе к жилому помещению, но обыкновенно на определенном расстоянии от дома¹. В Ягнобе умело использовали рельеф местности в тех селениях, которые были расположены на крутых склонах гор². Жилища указанных регионов были приспособлены к местным природно-климатическим условиям. Хозяйственные постройки здесь непосредственно пристраивались к жилым помещениям. В Каратегине, как свидетельствуют исследователи, обычно жилище было одноэтажное, но если оно располагалось на крутом откосе, то иногда снизу к нему подстраивался хлев³.

На Памире хуфские дома располагались по одиночке, окруженные различными постройками, иногда же они пристраивались вплотную друг к другу, образуя большие комплексы. Так, в селении Банай имеется такой комплекс жилых и хозяйственных построек, который принадлежал четверым братьям⁴. Хозяйственные постройки здесь также были связаны с жилым домом. Из-за того, что в долине зимой выпадало много снега, хлев не могли располагать далеко от жилья. Чаще всего они находились рядом с жильем, под одной с ним крышей, иногда напротив жилья, в некоторых случаях они окружали жилое помещение, предохраняя его стены от холодных ветров⁵.

Сравнивая все виды планировки строительства хозяйственных и жилых помещений таджиков различных регионов, можно заметить, что

¹ Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX – нач. XX в.) // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 211.

² Хамиджанова М. А. Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 236.

³ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 63.

⁴ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 422.

⁵ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 475.

отличительных черт в строениях было очень много. Различное расположение хозяйственных помещений по отношению к жилым, определялось, скорее всего, климато-географическими условиями местности.

У горных таджиков в конце XIX – начале XX вв. в жилом помещении очень часто отводилось место для содержания мелкого рогатого скота, молодняка и верхового коня. В равнинной части подобного не наблюдалось. Здесь существовало деление дома на две половины – наружную (берун) и внутреннюю (дарун). В наружной половине располагались гостиная (мехмонхона) и конюшня (саисхона); во внутренней – жилой дом и хозяйственные постройки. В предгорной и горной частях разделение встречалось крайне редко.

В Кулябе, в самых крупных и состоятельных хозяйствах, имевших по несколько коней, лучший конь – предназначенный для козлодранья, также содержался на жилой площади, в проходной части или в долоне.

В жилищах таджиков равнинно-долиной части, во внутренней планировке, не было предусмотрено специальное место не только для крупного рогатого скота, но и для содержания молодняка. Но во время окота, чтобы сохранить приплод и защитить его от холода, дать ему окрепнуть, население на несколько дней брало новорожденных ягнят и козлят, а иногда и телят, в жилое помещение. Им выделялось место в углу, ночью их накрывали кошмой, а иногда козлиной или же овечьей шкурой.

Здесь коровы и быки содержались в хлевах – огил, сложенных из битой глины – пахсы, или же из формуемых вручную продолговатых округлых комков глины – гуала на глиняном растворе. Вдоль одной стены устраивались глиняные кормушки «охур» корытообразной формы. В одной из стен делалось отверстие, через которое из хлева выбрасывался навоз¹. В овчарне – «гуспандхона» кормушки были отделены от главного помещения

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67, 153.

овчарни стеной, в которой делалось отверстие для того, чтобы животные могли просунуть голову и достать оттуда корм. Это делалось для того, чтобы они не могли затоптать корм¹.

Для равнинно-долиной части в начале XX в. было также характерно содержание скота в сравнительно дальних помещениях. Богатые скотоводы около своего селения строили глинобитную стену «девор», а за ней ставили крытый навес. Этот двор, огороженный стеной, назывался «курган», или «кальбача» (буквально – крепость). Там содержались зимой овцы. Во дворе этой крепости для чабана ставили покрытую черным войлоком юрту – «аули сиех»².

Следует отметить, что у таджиков изучаемых регионов крупный рогатый, рабочий и верховой скот, а в бедных хозяйствах и мелкий рогатый скот – содержались в стойле. Преобладание стойлового содержания скота нашло свое отражение и в планировке жилого помещения, а техника и некоторые детали строения жилого помещения, в свою очередь, успешно применялись в строении хозяйственных помещений. Как справедливо отмечает А. С. Давыдов, в конце XIX – начале XX вв. «развитие строительной техники отразилось и на хозяйственных постройках³. Так, в равнинно-долинной части хозяйственные помещения строились в фронтальном виде, рядом с домом, или же с фланговой стороны, в продольном положении.

В среднегорье, несмотря на дефицит ровной местности, особенно в каменистых местах, наряду с одноэтажными домами с замкнутым двориком, отдельными хозяйствами строились двух, и даже трехэтажные дома с айванами. В нижних этажах таких строений размещались хозяйственные

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 159.

² Там же. С. 67, 157.

³ *Давыдов А. С.* Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // Советская этнография. 1969. № 6. С. 132.

постройки. Кровля помещения для скота служила обычно двором для жилого дома. Рельеф местности играл существенную роль в расположении хозяйственных построек по отношению к людскому жилищу.

Многие исследователи, описывая традиционное жилище горных таджиков в конце XIX – начале XX вв., во внутренней планировке дома выделяли загоны или специальное отведенное место для скота. В жилище таджиков равнинной части во внутренней планировке не было предусмотрено специальных мест не только для крупного рогатого скота, но и для содержания молодняка.

В предгорной зоне, например, таджики Каратегина в начале XX в. в жилом помещении — «хона» содержали мелкий скот и птицу. Для последней в толще нар, ближе к двери, устраивалось углубление. Для скота же по бокам входа устраивалось обширное помещение, иногда шириной и длиной до 2-х м, высотой 1-1,5 м, для чего нары в этом месте значительно приподнимались. Иногда в самом же жилище устраиваются ясли для корма скота – «охич». Делают их из глины, или выдалбливают из дерева, помещаются они в конце прохода, упираясь в «суфа»¹. Но, согласно сведениям В. В. Гинзбурга, в начале XX в. «в больших домах ... баев и чиновников, в которых несколько «хона», в жилых помещениях загонов для скота нет»².

В Хатлонской области, в предгорной части, в селении Ваглел имеется комплексное жилище с хозяйственными помещениями. Жилище делилось на две части – большую комнату (судя по всему, она являлась основной) и маленькую комнату, расположенную во втором ярусе над хозяйственной частью (скорее всего, летнее место проживания). Следует отметить, что к жилому помещению тесно со всех сторон примыкали хозяйственные постройки. Вход в жилое помещение проходил через конюшню (ахтауна). Большая комната имела такие размеры: 9 на 11 м, высота – 6 м. В середине помещения была расположена суфа. Здесь, у входа слева, в середине,

¹ Гинзбург В. В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилище горных таджиков // Советская этнография. 1936. № 3. С. 66.

² Там же. С. 67.

находилось помещение для ягнят и телят, на крыше которого располагались кули для хранения пшеницы, муки и других зерновых продуктов. Пол помещения молодняка был на 30 см ниже, чем в жилой комнате. Вход во вторую комнату второго этажа был устроен на улице и вел по каменным ступеням сначала вверх, на крышу хозяйственных помещений, а затем в комнату. На первом этаже этой комнаты были расположены пять помещений – хлевов для содержания крупного и мелкого рогатого скота, конюшня и большое помещение для хранения фуража. Хлевные помещения, кроме внутренних дверей, соединяющих их с большой жилой комнатой, имели еще и обычные наружные двери. Безусловно, это огромное строение принадлежало состоятельному хозяйству, и оно было приспособлено к суровому зимнему климату. Подобная планировка жилого комплекса с хозяйственной позволяла, не выходя из помещения, вести присмотр за домашним скотом: прикормить, напоить, очистить хлев от грязи и слякоти. Зимой же хозяйственная часть данного комплекса препятствовала проникновению холодного воздуха в жилое помещение. В данном строении явно прослеживаются связь земледелия и скотоводства. Дома с комплексными хозяйственными постройками в горной части Хатлонской области по многим элементам планировки были аналогичны ванчскому варианту дома в кишлаках Пшихарв и Кургонат¹.

У ягнобцев в конце XIX – начале XX вв., по сведениям М. А. Хамиджановой, планировка жилого дома делится на два типа: 1) расположенные в селениях верхней части долины; 2) дома нижних селений. Здесь автор за основу в критерии деления жилых домов на типы взял величину и внутреннюю планировку домов. К первому типу относятся в основном небольшие, невысокие дома и даже в некоторых случаях полуземлянки в виде хозяйственных помещений – «пистик». Наличие такой планировки автор объясняет суровыми климатическими условиями,

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Тадж. ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 70.

сложившимися в долине Ягноба. Второй тип отличается своей величиной и высотой. По своей планировке дом делится на 2 части: верхнюю – как жилое помещение, и нижнюю – предназначенную для содержания новорожденных козлят и ягнят. В таких домах проживала большая патриархальная семья¹.

Другой исследователь быта таджиков Ягноба эту часть площади для скота, находящегося при доме, от слов ягнобцев называет «кой», отдельное помещение для скота – «кате деваре кей», а расположенное среди окружающих полей, на некотором расстоянии от дома – «дуркай». Именно здесь, в отдельном помещении «кате деваре кай» и находился дойный скот – «чагна-мол». В глубине этого хлева имелись два небольших отделения для ягнят – «рункояк» и телят – «макше-кояк». Другое отделение, расположенное в этом хлеве, предназначалось для коров – «зоча-гоу» и овец. В дальнем помещении для скота – «дур кой» находились быки, телки, недоившиеся коровы, овцы и ослы². Далее М.С. Андреев пишет, что имелись также отдельные помещения «тукли-кояк» для годовалых и нерожавших овец и коз³.

В этих горных условиях население с большим успехом использовало рельеф местности. Если селения располагались на склоне горы, то иногда вертикальную заднюю стену и часть боковой вырубали в почве, и к ним пристраивали стены. Или же у некоторых хозяйств одна стена вырубалась в склоне горы, а три возводились обычным способом. Такие помещения считались теплыми.

В западной части Памира, в селении Хуф, в отличие от Каратегина и Ягноба, домашние животные содержались в хлеву (йуст, сутур-йуст), расположенном рядом с жилым помещением. Только в холодное время года, когда зима длилась иногда до 8 месяцев, скот пригонялся в людское

¹ *Хамиджанова М. А.* Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов средней Азии и Казахстана. М., 1982. С. 227.

² *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С.100.

³ Там же. С. 107.

помещение для дачи корма два раза в день – утром и вечером¹.

Следует отметить, что ввиду суровых климатических условий, в долине Язгулема, Ванче, Пшихарве, Шугнана, Рушана и других местах двери жилого помещения никогда не выходили прямо наружу, что способствовало сохранению в доме драгоценного тепла. Аналогичные постройки сохранились и у таджиков Афганистана. В Мушкане (Гур, западный Афганистан) общие дома-усадыбы называются «сара» или «сарай», и они являются свидетельством совместного проживания древней патриархальной семьи. Здесь одно или двухэтажное строение имело такое разделение: жилые комнаты отдельных и малых семей имели внутренние перегородки, разделявшие жилые комнаты малых семей, а также различные хозяйственные помещения друг от друга. Таким же образом отделялись хозяйственные помещения. В 2-этажных домах хозяйственными помещениями был занят весь 1-й этаж, тогда как жилые комнаты располагались на 2-м этаже².

Таким образом, помещения для скота по отношению к жилому дому строились в следующем порядке: в равнинной части в фронтальном виде, рядом с домом, или же с фланговой стороны, в продольном положении; в предгорной части, хлев подстраивали к дому; в горной части крыша помещения для скота обычно служила двором для жилого дома, или же хозяйственные составляли одну большую комплексную постройку с жилым домом. Постройки хозяйственных и жилых помещений таджиков горной части (Каратегина, Ягноба, Куляба, Памира и т.д.), их внутренняя планировка была приспособлена к суровым зимним месяцам. Комплекс позволял содержать подольше тепла в жилом помещении и облегчить уход за домашним скотом. В строении этих жилых комплексов явно прослеживается сплетение связей и интересов двух отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства. Они также являются свидетелями совместного проживания древней патриархальной семьи.

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 13, 120.

² Давыдов А. Д. Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М: Наука, 1969. С. 42.

Сравнивая всю планировку строительства хозяйственных помещений таджиков в различных регионах, мы пришли к выводу, что существенных отличий в строениях было крайне мало. Так, различие в расположении хозяйственных помещений по отношению к жилым было обусловлено климатогеографическими условиями местности.

В конце XIX – начале XX вв. почти во всех формах скотоводства у таджиков имело место стойловое содержание скота, которому были характерны такие виды помещения, как хлев – «огил», конюшня – «ахтауна» и загоны – «кутан». В зависимости от зонального расположения местности помещения хлева строились из осоки, пахсы или камня.

Хозяйственные помещения обыкновенно сооружаются, как и жилищное помещение, из камней (в Дарвазе), из битой глины (в Каратегине), и лишь изредка из камней (в горных селениях)¹. Такой способ применения стройматериалов был характерен для многих горных селений Куляба, Зеравшана и даже таджиков Саланга, верховьев Панджшира и афганского Бадахшана². Для каждого вида скота строилось отдельное помещение под одной кровлей. Стены возводились из глины и камня. В с. Сари Магзор, Чиск, Миллиев и других, в северо-восточной части Хатлонской области, в зоне «тагноб» стены хозяйственных помещений выкладывались из камня с раствором глины. Такую стену называли «сангрез». На зимних стоянках этой зоны стены выкладывались сухой кладкой. Такой способ укладки назывался «санчилдевол» от слова «санчил» — камешек, «девол» — стена. Если при постройке жилого дома необходимо было прокладывать стену толщиной 80 см, то при строительстве хозяйственных помещений толщиной до 50 см. При этом необязательно было строить ее ровно и штукатурить. Если жилое помещение строилось из хорошей и достаточно утрамбованной глины, то хозяйственную стену прокладывали с пахсой. Считалось, что она хотя и была

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Таджикской ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 88.

² Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 121.

грубой, но зато была стойкой и прочной. Высота стен хозяйственных помещений была всегда ниже стен жилого дома. Кровлю складывали не так тщательно, как в жилом доме.

Все вышесказанное было характерно для равнинной и предгорной частей, так как сходные здесь климатические условия способствовали возникновению сходных типов жилищ.

Чубтора – двускатное соломенное перекрытие, состоящее из деревянных жердей. В равнинной части Хатлонской области в конце XIX – начале XX вв. хозяйственные помещения в основном строились по типу чубтора: огил, хел, ахтахона с камышовыми стенами, обмазанными внутри глиной, или же с пахсовыми стенами. Некоторые хозяйства строили помещения с плоскими крышами, но это было редкостью. В предгорной части все помещения для скота были с пахсовой стеной и плоской кровлей.

О жилище типа чубтора у локайцев в конце XIX – начале XX вв. пишет Б. Х. Кармышева: «У локайцев, проживающих на данной территории... для скота возводилась отдельная чоптора»¹. Тип помещения «чубтора» был распространен и в восточной части Хатлонской области, где на зимних стоянках строили также крытые загоны – «кутан» с перекрытием типа «чубтора». Длина загона была обычно 30-40 м, ширина – 5-6 м. Стена возводилась в двух формах: из камня без применения глины, или из сплетенных толстых камышовых прутьев. Аналогичные типы загона были характерны для Даштиджума и даже таджиков провинции Тахор.

Помещения типа «чубтора», скорее всего, имеют раннее происхождение. В строительстве жилища у таджиков в прошлом встречалось много обычаев и обрядов, которые имели магическое значение, а некоторые из них являлись пережитками древних анимистических верований. В летних садовых жилищах и стационарных помещениях таджиков явно прослеживаются многие элементы земледельческого жилого помещения.

¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Ин-т. ист, арх. и этн. 1953. Т. XXVIII. С. 87.

Кроме того, применяются термины и названия преимущественно таджикского происхождения. Например, на зимних стоянках отгонного скотоводства для скота строили помещения типа «чубтора». Для горных таджиков было характерно почтительное отношение к главному столбу в доме – шасутум. Приветствует этот столб не только посторонний входящий, но и сам хозяин дома каждый раз при входе в дом¹.

По сведениям И. М. Мухиддинова, пять опорных колонн дома, в том числе и главную опорную колонну, в прошлом одушевляли, считали, что они обладают сверхъестественной силой².

Верования и обряды, связанные с постройкой дома, его почитание у таджиков во многом аналогичны древнеиндийским, что свидетельствует об их общем генезисе. Например, в индийском зодчестве построенное здание, его части отождествлялись с частями тела: дверь – рот, перекрытие – плечи, выступы – руки, стены – ноги, основание – ступня божества, где возрождается форма космического универсума – Пуруша. Данные представления с перекрытием «чубтора» и почитанием центрального столба припамирского жилища и Пуруша – это явление антропоморфизации частей дома и, скорее всего, элементы среднеазиатских архитектурно-строительных традиций, которые, вероятно, еще много веков тому назад проникли в Индию³.

Народные представления, связанные с кровлей и с опорными столбами-колоннами, скорее всего, олицетворяют бога-творца, святых предков и являются ярким примером переосмысливания древних народных анимистических верований и представлений. Подобный способ перекрытия крыши у таджиков был характерен для равнинных и предгорных районов

¹ Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-Шах Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, 1983. С. 130.

² Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX – нач. XX в.) // Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С.27.

³ Kramrisch. – S. Kramrisch. The Temple as Pbrbsa. Studies in Indian Temple Architectur. Ed, by Pramod Chandra. New Delhi. 1975. P. 41.

области при строительстве жилых помещений. Следует отметить, что аналогичный способ перекрытия практиковался в подобной форме жилища локайцев, где применялись таджикские термины.

Согласно нашим историко-этнографическим и археологическим материалам, в конце XIX – начале XX вв. у таджиков различных регионов современного Таджикистана существовало множество типов жилищ и помещений, как для чабанов, так и для скота. Например, «тула», «хынго», «канък», «хелык», «быча», «шолик», «кыр»; помещения для скотоводов на стойбище в виде землянки и наземной постройки: «хын», «канък» и др. Данные термины применялись в отгонной и отгонно-яйлажной форме скотоводства таджиков. Следует особо отметить, что названные термины были характерны только для горной части, и они порою непонятны в смысловом отношении. Скорее всего, они сохранились еще с древнейших времен и имеют иранское происхождение. Как пишет исследователь А. Д. Давыдов, древнеиранский тип черного четырехугольного шатра с двускатной крышей, который был распространен в скотоводческом хозяйстве у таймани, зури и джамшеди, был заимствован у иранских кочевых и полукочевых народов¹.

Б. Х. Кармышева также полагает, что традицию строительства жилища типа «чубтора» локайцы заимствовали у таджиков Куляба². Более подробно о процессе строительства загона типа «чубтора» мы писали в предыдущей монографии³.

Формы хозяйственных помещений. В конце XIX – начале XX вв. в Дарвазе, верховьях Зеравшана, в Припамирье и горных районах Кулябского региона селения в речных долинах, в зависимости от рельефа и климатических условий, делятся на определенные зоны. Например, в северо-

¹ Давыдов А. Д. Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М: Наука, 1969. С. 118.

² Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Институт истории, археологии и этнографии. 1953. Т. XXVIII. С. 137.

³ Абдулвохидов Р. М. Традиционное скотоводческое хозяйство таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX вв. Душанбе, 1997. С. 96.

восточной части Хатлонской области приречная территория называлась тагоб и андартагоб, и здесь был распространен теплый климат (даже зимой): горные и высокогорные селения назывались дара и сархад. Здесь царил холодный и прохладный климат. Предпоследняя часть занимает обычно промежуточное звено между тагобом и сархадом. В верхней климатической полосе были расположены летовки, куда выходила часть населения, в основном женщины и дети в теплое время года, весной, летом и ранней осенью. В нижней полосе были расположены селения, где, как и на высокогорье, строились жилища, рассчитанные как на теплую, так и на холодную погоду.

В конце XIX – начале XX вв. постройки на летовье непосредственно были связаны с хозяйственной деятельностью населения. Они здесь были приспособлены к заготовке сена, заготовке дров, возделыванию земли под зерновые культуры, сбору и сушке фруктов, и главное, к приготовлению и запасу впрок молочных продуктов. Здесь жилье строили прочно, на долгое время и приспособляли его к дождям и холоду. Были и стационарные жилища. Следует отметить, что тип жилища на летовье зависел от продолжительности пребывания здесь людей. Для хозяйств, которые были заняты только присмотром за скотом и заготовкой молочных продуктов, время пребывания на летовье обычно составляло от 1,5 до 2-х месяцев. Для тех, кого сочетал присмотр за скотом с возделыванием земледельческих культур, это время продлевалось до 3-х месяцев. Такая жизнь на «два дома» сложилась из-за суровых условий высокогорья, с его ограниченными возможностями ведения земледельческого хозяйства¹.

Для горных таджиков афганского Бадахшана, верховьев Зеравшана, Припамирья, горной части Куляба в конце XIX – начале XX вв., где природно-климатические условия были схожими, сложился аналогичный хозяйственно-бытовой уклад, был характерен общий тип расселения

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Таджикской ССР. Ин-т истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 67.

семейно-родственными группами – патронимиями, состоящими из малых и больших патриархальных семей. Поэтому расселение на летовье происходило в соответствии с семейно-родственными связями, по кварталам и общесельским связям.

Сезонные поселения. В конце XIX – начале XX вв. сезонные поселения были в основном характерны для горной и предгорной частей. Следует отметить, что сезонные поселения в животноводческом хозяйстве являются главными особенностями хозяйственно-географического типа каждого региона.

Летом основная масса населения горной части Куляба, Ягноба, Памира, Дарваза и Каратегина на определенное время переселялась на летовье. Здесь в основном велся присмотр за домашним скотом, проводилась заготовка впрок молочных продуктов, выполнялись различные земледельческие работы, проводилась заготовка сена на зиму, велись частичный сбор и сушка фруктов. Для жителей летовья имелись жилые помещения, которые по своему характеру делились на постоянные и стационарные сооружения, а также имелись помещения для скота.

В своих записках о путешествии в начале XX в. вдоль реки Каратаг В. И. Липский сообщает о трех видах жилищ летовщиков. За перевалом Сари Сухта «...кочевка была сделана из камня, а после перевала Утали Тагоб встречался «оригинальный вид кочевок», – пишет он. «Временные жилища были сделаны из хвороста и притом на два этажа: в верхнем помещались люди, а нижний служил для загона скота. Взбирались на второй этаж по обрубку дерева, который служил лестницей. Кочевка... состояла из 15 или 16 таких построек, вытянутых в одну линию и с выходными отверстиями, смотрящими на дорогу. Население... состояло, главным образом, из женщин и детей»¹. Далее он добавляет, что «...мы встретили вскоре же новый тип кочевки – это шалаш из хвороста и на сваях. Такие же приблизительно

¹ Липский В. И. Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 130-131.

постройки попадаются в западном Закавказье на полях и служат в качестве сторожевых башен»¹.

Как видим из приведенных материалов, третий тип помещения на лето́вье был приспособлен для кратковременного проживания людей. Только первый тип жилища был постоянным, и жители на этой лето́вке проводили больше времени и вели комплексное хозяйство. Поэтому в зависимости от времени проживания и занятия населения на лето́вке, формы жилых и хозяйственных построек различались.

В Дарвазе и Каратегине на лето́вках сооружались летние жилые помещения, довольно простые, сделанные из камней или просто из веток в виде капа. В. В. Гинзбург о помещениях на лето́вках Каратегина и Дарваза пишет, что здесь «...условия жизни были крайне неблагоприятными. Жилищем служили небольшие хижины, сложенные из камней, часто не обмазанные, без окон и закрывающихся дверей, в результате чего ветер и ночной холод свободно проникали туда»².

Другой тип помещения бытовал в Ягнобе. Здесь, на лето́вке, строили помещения, именуемы «коза». Они располагались в одном месте, по четыре-пять домов, один к другому впритык. Двери дома выходили на общую площадку, где ночью иногда держали телят и ягнят. Овец держали под открытым небом. Тип «коза» сооружался из камней без глины, причем пол был ниже, чем суфа на 30 см. Крышу накрывали арчевыми бревнами, а сверху клали траву и землю. Дверей не было. Для ягнят и телят строили загончики «рокатак», частью крытые для защиты на случай дождя. Овец устраивали под стенами домов, в так называемый «куйкан»³. Согласно сведениям Е. М. Пещеревой, «...такие дома (имеется в виду тип «коза»), несмотря на всю примитивность постройки, стояли по двадцать-тридцать лет,

¹ *Липский В. И.* Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 131.

² *Гинзбург В. В.* Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков // СЭ. 1936. № 3. С.70.

³ *Пещерева Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: Дониш, 1976. С. 18.

если их не ломала снежная лавина или не сносила сель»¹.

В начале XX в. в долине Хуф почти не имелось особых сооружений для проживания в них летом. Большая часть обитателей долины – женщины с детьми находились с ранней весны до осени на летовках «йиль»².

Животноводы Кулябского региона на летовке строили несколько типов жилищ: легкие стационарные, имевшие сезонный характер, и землянки. Первый тип в основном представляли строения формы шалаша и назывались «капа». Основу строительных материалов для шалаша составляли прутья из дерева клена – шулаш. Шалаш имел полусферическую форму. Сверху клали солому или накрывали просто большими листьями растения «чокла». Второй тип – землянка, также имел несколько видов: полуземлянки, наземные сооружения и землянки, рассчитанные на ранние холода. Они строились в виде прямоугольного квадрата, высотой 2 или 2,5 м. Для возведения стен применяли камень с глиняным раствором. Полуземлянка, приблизительно 1 м шириной, располагалась под землей, а землянка, около 0,5 или 0,75 м, располагалась над поверхностью земли. Строительство помещений типа землянок обходилось дешевле и облегчало труд людей, избавляя их от ежегодных ремонтных работ. Он был пригоден и приспособлен к дождливой погоде не только весной, но и летом.

«Канък» — это жилое и хозяйственное помещение, предназначенное для сезонного жилья. Оно служило также как кладовка для хранения вещей, продуктов и пр., а в некоторых селениях его использовали также как хлев для содержания мелкого рогатого скота. Помещение «канък» чем-то напоминает сезонное жилище ягнобцев – «хона». Аналогичным является перекрытие, которое делается двухрядным, но бывает и однорядным³. Внутренняя планировка помещения «канък» и «хона» была проста. Нижнюю часть

¹ *Пещерева Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. Душанбе: Дониш, 1976. С. 18.

² *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 234.

³ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX-начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 118.

прохода называли «тахдари», а верхнюю — «болодари». Прямо на болодари имелась первая ниша, в середине строился неглубокий очаг – «почики». С торцовой стороны стены имелся проем с деревянной дверцей размером 50 x 40 см. Она служила как свето-дымовое отверстие, иногда и входной дверью. Пол помещения был ровный. В хозяйственных помещениях большую часть площади занимали мешки с продуктами и домашними принадлежностями.

Некоторые хозяйства на зимних стоянках ранней весной над крышей канька возводили второй этаж – чубтора. Она служила местом отдыха чабанов, что чем-то напоминает временные жилища верховья реки Каратаг, о чем сообщал В.И. Липский¹.

В начале XX в. для равнинной сельской местности данного региона было характерно строительство помещений с чердачным перекрытием, так называемое «болохона дор». В некоторых местах (Пархаре, Чубеке, Дангаре и др.) такие сооружения назывались «хонаи чапкандидор». Чапканди – это также двускатный камышовый навес типа «чуптора», возводимый над каким-либо готовым хозяйственным помещением, служащим для хранения сена или местом отдыха для членов семьи в летнее время года. Данный тип сооружения был распространен в основном на равнине и в предгорных поясах. Его отличие от «чубторы» заключалось в том, что в «чапканди» техника строения была очень проста. «Чапканди» выполнял функции зонта над помещением. Этот тип сооружения был зафиксирован учеными-исследователями А. К. Писарчик и И. Мухиддиновым в предгорьях Памира. В. В. Гинзбург также отмечал, что в некоторых селениях по реке Пяндж крыши перекрываются сверху высоким шатром из ветвей и прутьев для предохранения от излишней влаги².

Во время наступления сезона окота каждое хозяйство заблаговременно строило помещения для хранения молодняка. Таковые назывались «тула», а также «хынго». Эти помещения напоминали землянки. Для рытья землянки

¹ Липский В. И. Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 54.

² Гинзбург В. В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилище горных таджиков/ Советская этнография, 1936. № 3. С. 35-37, 64, 215.

выбирали склон горы и с краю рыли яму размером 2х3 или 2х2, и 1,5 м высоты. Здесь склоны гор с трех сторон служили стенами. Сверху клали жерди или ферулы, стелили хворост и на него насыпали землю.

Помещение «хынго» также могли соорудить на склонах горы. Оно обычно не имело перекрытия, так как проход делался во внутрь, потом его расширяли в полусферической форме. Аналогичные типы помещения в северо-восточной части Таджикистана и Хатлонской области назывались «хелики бича», «шолик» и «канък». В них содержали молодняк. Они все были одного назначения. Строились в виде полуземлянки наподобие вышеописанного «канъка». Такие сооружения были выгодны своей техникой строения, прочностью, легкостью сооружения. В больших крытых загонах для молодняка отводили в уголке отдельное место.

Круглый шатер в виде юрты («хирго») с решетчатым деревянным остовом был характерен для бедных хозяйств. Он назывался «чапари». Самые бедные хозяйства на летовках ставили юртообразные полухижины-полуземлянки («капа»), которые были характерны также северным таджикам Афганистана. Следует подчеркнуть, что аналогичные виды юрты и шатры были зафиксированы нами для таджиков Хуффара (Узбекистана) и Сари Хосора¹.

Таким образом, описанные нами животноводческие помещения являются наиболее древними и типичными для содержания скота. В яйлажной форме животноводства древнейшими формами строения являются постройки, углубленные в землю в виде землянки. В отгонной и даже в передвижной форме животноводческого хозяйствования особо следует выделить стационарные постройки типа хирго, каппа и с двухскатной крышей – чубтора. Разнообразие типов животноводческих построек было связано с местным микроклиматом, наличием стройматериалов и главное – с этнотрадициями. Следует также отметить, что они строились на тихой, защищенной от ветра местности. Компактность строения кошаров и

¹ Этнографические материалы, собранные автором.

чабанских помещений можно наблюдать как на зимних, так и на летних стоянках.

Строительство хозяйственных помещений типа хлев – огил, хел, крытые загоны и пр. у животноводов всех регионов сопровождалось исполнением определенных обычаев и обрядов. Например, когда забивали колышки в пол строительства хлева или жилого помещения, обычно закалывали барана и перед этим читали благопожелательную молитву из Корана. По наблюдениям этнографов, в горных районах Таджикистана кровь жертвенного барана проливали в одну из четырех угловых ям, вырытых для столбов, поддерживающих кровлю. После этого, как строительство помещения заканчивалось, это место окуривали испандом. Для окуривания, кроме испанда, использовали кости собаки и кабана. Последнее объясняется магическим значением костей собаки и кабана. Только после совершения этого ритуала в хлев загоняли скот. Первым в хлев-огил пускали дойную корову, и ту, которая должна была вскоре отелиться, а в хлев-огил, куда, кроме овец, помещали и коз, первой пускали овцематку. В загон-кутане, где помещали до нескольких сотен голов овец, первым пускали козла-вожака (сирка). Такой строгий отбор первых впускаемых в новый хлев животных объясняется тем, что их наделяли свойством приносить благодать и способствовать изобилию в скотоводческом хозяйстве.

Обобщая типологию хозяйственных построек животноводов в конце XIX – начале XX вв., можно сделать следующей вывод: расположение хозяйственных помещений относительно жилых помещений было разное; при стойловом содержании скота, который является одним из самых распространенных способов, не пользовались различными видами построек. В равнинной части хозяйственные помещения могли составлять единый комплекс с жилыми помещениями, но иной раз их строили в виде отдельного двора.

В предгорной части хозяйственные помещения пристраивались к жилым помещениям, или же находились на определенном расстоянии от них.

В горной части хозяйственные постройки непосредственно примыкали к жилым строениям и могли составить с ними единый комплекс. Иногда, в связи с рациональным использованием земли, жилище располагалось на крутом склоне, а снизу к нему пристраивался хлев, и тогда крыша хозяйственного помещения служила двором для жилого помещения.

На примере стационарных переносных жилищ на летовье явно прослеживаются элементы прошлого кочевого хозяйства, дошедшие до нас с древнейших времен. Скорее всего, их истоки, естественно, восходят еще к эпохе бронзы, ко времени появлений подвижных форм животноводства. Свидетельством тому – раскопанные археологами в Тегузаке и Дахане остатки круглых жилищ легкой конструкции, в плане образующих круг¹.

В равнинной части развитие строительной техники жилого помещения отразилось и на строительстве хозяйственных помещений. Материалы о горном жилом комплексном строении включают также сведения о высоком искусстве традиционного строительства в прошлом у таджиков. Большие комплексные дома в горной части Кулябской области, Припамирье, Каратегине и Дарвазе, а также в западной части горного Афганистана, где жили большие неразделенные семьи, являются тому подтверждением.

Таким образом, в передвижной форме животноводства использовались различные формы построек, предназначенные для скота, чабанов и как хозяйственно-вспомогательные. Многие элементы строительства животноводческих хозяйственных помещений являются элементами обычных жилых построек. В то же время, хозяйственные животноводческие помещения являются одним из критериев в определении форм и типологии животноводства, в основном у земледельческих народов.

¹ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 164.

4.3. Традиционные скотопрогонные маршруты и их историческое значение

В конце XIX – начале XX вв. для отгонного животноводства большое значение имели традиционные скотопрогонные маршруты к летним и зимним пастбищам, которые являлись характерной и существенной чертой данной формы животноводства. В этом важную роль играли и сами пастухи, которые проходили через институт становления профессионального чабана, о котором следует отдельно сказать.

Скотопрогонные маршруты в перегоне скота составляют важное звено в отгонном животноводстве. Здесь наблюдаются организованность, порядок, согласованность, начиная от начальной точки пункта отправки, и до конца маршрута. Интересно отметить, что по пути следования между кочующими и жителями встречных селений завязывались хорошие отношения, в то время как между соседними селениями всегда возникали конфликты и ссоры из-за пастбищ или воды. В этом непосредственно главная роль принадлежала бытующей веками этнотрадиции горцев-таджиков, их гостеприимству, взаимопониманию, то есть договор совершался посредством переговоров. В начале XX в. В. И. Липский пишет: «обычай соблюдается свято, раз занятые места для кочевки уже остаются навсегда за занявшим. В виде установившихся обычаев ура-тюбинцы считают себя господами в истоках Ягноба. Нравы действительно странные. Они установились исторически и сохранили силу закона»¹. Данный обычай имел широкое распространение. Так, о таджиках Варзоба Р. Л. Неменова пишет: «До сих пор большие уголья известны как лайлоки эшони Мирзо» (имя человека, владельца стада)². Иногда, несмотря на этот существующий в то время обычай и отсутствие определенных ограничений, т.е. границ на пастбищах, происходили конфликты. «Администрации на кочевках никакой, – пишет В. И. Липский, –

¹ Липский В. И. Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 170.

² Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 91.

пределы кочевков не отмежеваны точно и вот тут-то начинаются неистощаемые распри, кончающиеся очень часто насилием, драками, кровопролитием»¹.

В конце XIX – начале XX вв. время перегона скота было у животноводческих хозяйств разным. С летних пастбищ перегон скота начинался, приблизительно, в конце августа и продолжался до сентября. Перегон совершался медленно и постепенно: перегонщики останавливались и пасли скот на освободившихся стернях, и, приблизительно, 1,5 – 2 месяца содержали его в предгорной или в долинной части, на осенних угодьях. В октябре-ноябре скот перегоняли на зимние пастбища, расположенные в равнинной части, в степи или в долинах рек. На летние пастбища перегон скота начинался в конце мая и продолжался до начала июня. В сезон перегона скота на трассах перегона местами стояли представители власти, которые взимали плату за перегон. Перегонная трасса являлась традиционной дорогой, которая долгое время выполняла свое назначение. Данная трасса для всех проходящих отар-овец сначала была бесплатной, то есть местные сельские общины не облагали ее никакими поборами. Между тем, при отгоне скота из одного бекства в другое взималась особая подать – бодж. С вьючных верблюдов – 2 тенги, с невьючных и с коровы – полтинник, а со стада баранов – 25 тенег. Крупный пункт взимания налога в Восточной Бухаре находился на границе Гиссара и Бальджуанского бекства, у моста Пули-Сангин, через реку Вахш².

Перегонщики при перегоне стада, когда проходили через угодья селений, старались перегнать скот быстрее, чтобы избежать потравы и не создавать конфликтную ситуацию с местным населением. Стоянки для скота всегда выбирались за пределами общинных владений. Следует отметить, что перегон скота проходил строго по очереди. Держался определенный интервал между проходящими отарами. Те овцеводы, которые гнали свои

¹ *Липский В. И.* Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. СПб., 1905. С. 172.

² *Юсупов Ш.* Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. / Труды АН Таджикской ССР. Т. XVI. Душанбе, 1964. С. 90.

отары в последнюю очередь, часто встречались с тем, что поле маршрута было сильно выпасено, и тогда они старались арендовать на сутки какой-нибудь участок пастбища, за который платили по одной овце за пастьбу целой отары. Многие сельчане из местной общины, через чьи территории проходили перегонные маршруты, самовольно устанавливали пошлину и взимали за каждую проходящую отару одну овцу. За обратный маршрут, что было интересно, пошлины не взимались.

Следует отметить, что нарушение маршрутов, потравы посевов, непланируемая задержка скота могли привести к задержке перегона по маршруту в ущерб другим, позже идущих отар и др. Нестандартные случаи были редкостью. В этом большая заслуга принадлежала опытным чабанам-профессионалам, которые управляли следованием по маршруту и которые почитали местные традиции и свои неписанные законы-адаты.

В конце XIX – начале XX вв. долины рек Сурхоб, Хингоу и Пяндж, а также предгорная полоса трех высоких хребтов – Каратегинский, Петр I и Дарвазский, как и сами горы, были весьма удобны для развития животноводства. Предгорья служили и служат местом кратковременных весенних и осенних выпасов для скота, когда он держится вблизи селений. Летом предгорья для выпаса скота были непригодны, так как здесь были расположены пахотные и сенокосные земли. Прекрасные и обширные летние пастбища находились в горной части Каратегина и Дарваза, особенно в альпийской и субальпийской зонах, в складках трех названных выше хребтов¹.

Таким образом, данные маршруты начинались с равнинной части, обыкновенно с Кабадиана, Шаартуза и далее Сурхандарьи по направлению к северу, в горную систему Дарвазского, Туркестанского и Гиссарского хребтов.

Маршрут перегона проходил поэтапно и имел диагональный характер.

¹ Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып. / АН Таджикской ССР. Институт истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч. 1. С. 151.

Начинался с зимних пастбищ и переходил на осенне-весенние, которые были расположены в предгорной зоне. С июня начинался перегон скота на летние пастбища. При приближении к горной зоне данная трасса разветвлялась по различным направлениям в сторону крупных альпийских пастбищ. Еще ближе они также расходились на определенные маршруты по направлению указанных конкретных летних пастбищ. Скотопрогонные маршруты, кроме основной трассы, делились также на внутрисельские (горизонтально-диагональное направление), которые проходили к местным летовкам; зональные (горизонтально-вертикальное направление), идущие от зимних к летним и обратно в определенном регионе, а также сельские (горизонтальное направление), ведущие на сельское пастбище.

Аналогичную картину дает Р. Л. Неменова относительно таджиков Варзобской долины. Она отмечает, что с июня начинался перегон скота на летние пастбища. Маршруты проходили со стороны Вахшской долины по 4-м направлениям: в сторону Куляба – два маршрута; в сторону Душанбе, Файзабада, Каратегина – третий маршрут, и четвертый, в сторону Зидди, в высокогорные пастбища южных отрогов Гиссарского хребта¹.

В Кулябском направлении, как мы уже отметили, проходили 4 маршрута: первый маршрут проходил из Кумсангира, Пянджа, Пархара, Курбаншаида и направлялся в северо-восточную часть. Здесь для отгонного животноводства пастбищная площадь была ограничена и поэтому перегонщики гнали стадо в основном вдоль реки Сурхоб или Яхсу к северному направлению. Другой маршрут протягивался также со стороны Вахшской долины и проходил через Калта-Шур и Дангаринскую степь, где происходило его разделение на несколько основных маршрутов. От этого маршрута ответвлялись еще 2 маршрута: первый маршрут проходил со стороны селения Кангурт и Дашти Майдон, по направлению к Руи-Об, Кутали Хофизак (перевал), Сурхав, Шохбахт, Хорма, Бебахор, Дошманди, Дашти Калъахо, Дашти Тойдара, Шаидон, Мазори Лангар, Дашти Горо,

¹ Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 89.

Нусай, Шому-Шай, Пештова, Резгаи, Ишкел-Дара и доходил до летовки Санги Сабз. Здесь маршрут мог ответвляться и продолжаться в сторону Дарваза еще по двум направлениям, т.е. Харсанг, Кушарча, Айгыр-Чашма, Сари-Дара, Беди Мирзокул, которые также являлись летовьем; в сторону летовья Бедонак, Сепо и Давр.

Второй – кулябский маршрут также в начале проходил по вышеописанному пути, но затем ответвлялся в селении Муллокони и сворачивался в сторону Дашти Шуро и Дашти Ангора. Здесь маршрут опять же разветвлялся на два направления: 1) начиная со стоянки Кутан, Кизилгардак по направлению к Куни Гов (первая летовка), Кара-кутан, Бедак, Чавчи и выходил на побережье реки Вахш, откуда можно было переправиться через мост и выйти на летовья Каратегина; 2) начинался от Чангона и направлялся в сторону Дарваза по направлению к Говарасангу, Кухи-Уток, Иштурчаро и Сагир-Дашт.

Третий маршрут перегона скота на летние пастбища проходил через Ховалинг вдоль реки Яхсу по направлению к Шугноу, Чилдара, затем через перевал Махканда переходил на территорию Каратегина.

Четвертый маршрут направлялся в сторону Зидди, проходил через летовья Варзоби-боло, Оби-Сафед, Джон-Шер и Зидди. Далее можно было продвигаться в сторону Хуштамашо, Уштурбута, Дашти Кози и т.д.¹ Скотопрогонные маршруты играли существенную положительную роль в развитии экономики, политики, торговли и этнических связей.

Таким образом, скотопрогонная трасса служила не только дорогой отхода и переселения народов, грузопотока с равнинной части на высокогорные места, но и дорогой между другими областями и даже государствами. Часто эти маршруты являлись важным звеном в экономическом отношении, развитии культурных бытовых связей, в объединении и укреплении статуса самого этноса, но бывало, что становились и тропой войны.

¹ *Неменова Р. Л.* Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 89.

Институт пастушества и взаимопомощи. Пастушество — «подабон» имеет древнюю историю, существует у многих народов мира, в том числе и у таджиков. Скорее всего, генезис данного института берет свое начало с появлением различных форм содержания скота и связан с сельской общиной. Под институтом в данном случае подразумевается прохождение жизненной практики, которая необходима для получения опыта пастуха — «подабон». Пастушество является школой, где получают опыт и навыки по уходу за скотом. В этой школе собран весь эмпирический опыт по пастушеской профессии, который строго соблюдается всеми членами этого института. Чтобы стать профессиональным пастухом, сначала необходимо было поработать учеником у опытного наставника, а затем принять благословление своего учителя при особом обряде. Многие пастухи старались поработать и получить благословение одновременно у нескольких именитых чабанов, что порою занимало долгие годы их жизни.

Институт пастушества у таджиков в конце XIX – начале XX вв. делился на две категории – «подабон» и «чупон», «дахмарда». Подабон присматривал за скотом и отвечал за общесельским стадом, чупон – за отгонным скотом-отарой, включая круглогодичный уход за скотом на сезонных пастбищах с отдаленным перегонном.

Первая категория института была более распространенной. Основную роль в организации выпаса скота здесь играла сельская община. Она выделяла хорошую территорию под пастбище, учитывая поголовье скота и преобладание различных его видов. Сельская община делила стадо на несколько частей и нанимала пастуха с определенной оплатой, в денежном или натурном виде. При обсуждении кандидатуры пастуха, в первую очередь, обращали внимание на его профессионализм, расспрашивали о его происхождении, узнавали, из какого он рода-племени, из какой местности, а затем, исходя из всего этого, решали вопрос об оплате его труда. Без общего согласия старейшин общины чужому человеку сельское стадо не доверялось и временное местожительство не предоставлялось. В случае неимения

подходящей кандидатуры за сельским стадом ухаживали в порядке очереди.

Обыкновенно порядок работы подабона был следующим. В весенне-летне-осеннее время в равнинной и горной частях скот содержался на присельских пастбищах. В каждом селении владельцы скота организовывали общественное стадо – «пода». Это можно было объяснить, скорее всего, природно-географическим фактором, большой ролью земледелия и отсутствием обширных пастбищных угодий. Предгорная зона являлась территорией, где сочетались две формы ухода за общественным стадом. Иногда пастухи отказывались наниматься из-за того, что пастбищная территория была слишком ограничена и скудна, отчего скот не слушался пастуха, потому что корма в течение целого дня не хватало. Если селение было большое и делилось на несколько частей – «гузаров», то каждое из них имело свое стадо. В одних нанимали пастуха – подабон, в других не нанимали, а устраивали специальную очередь по пастьбе – «навбат», которая распространялась на каждое хозяйство, даже имевшее небольшое стадо. В больших селениях крупный рогатый скот составлял одно стадо – «пода», а мелкий скот другое стадо – «подаи мол». Интересно отметить, что в некоторых горных районах Куляба очередь распространялась на всех членов общины, независимо от наличия поголовья скота¹. Это объяснялось тем, что эти хозяйства время от времени пользовались молоком и молочными продуктами своих соседей. Кроме того, в случае их участия в пастьбе общественного стада в будущем община старалась помочь этим хозяйствам в приобретении какого-нибудь дойного скота, в крайнем случае, козы.

В Дарвазе и бассейне р. Хингоу в конце XIX – начале XX вв. скот пасли также в порядке очереди – «подабони», «наубати мол». В Каратегине и Кыстакозе нанимали постоянного пастуха, которого кормили весь период его работы.

Найм пастуха был распространен и у таджиков Сурхандарьи, Чизаха и

¹ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 38, 154, 156.

Бустонлыка (Узбекистан). В Ягнобе наемных и общественных пастухов не имелось. Их нанимали для себя только богатые. Скот пасли по очереди. Специально нанимаемые пастухи в основном были профессионалами, т.е. проходили школу пастушества. Как уже было отмечено, они долгое время работали учениками у именитых пастухов и только после получения его благословения могли стать старшими пастухами и иметь своих учеников.

В каждом селе каждый гузар, как было отмечено, обыкновенно имел свое стадо, а также отдельный участок земли под пастбища, где другие гузары не могли пасти свой скот. Каждый квартал также имел место сбора стада – «подачо», куда рано утром, еще до восхода солнца, пригоняли свой скот, а вечером на этом же месте кто-нибудь из членов семьи (чаще женщины или подростки) встречали возвращающееся стадо и забирали свой скот домой. В случае невозвращения скота с пастбы, хозяин мог предъявить претензии к пастуху.

Вечером пастух обходил все дома и собирал «оши халол» – честно заработанный хлеб. Каждое хозяйство выносило лепешку, кто-то мог выносить также ряженку или кислое молоко, а кто-то предлагал готовую еду. Обычно середняцкие хозяйства могли дать одну лепешку, а те, у кого было много скота, должны были дать «фатир» – толстую слоеную лепешку, или же вместо одного фатира – три тонких лепешки «чапоты». В Ходжентском районе (с. Кистакуз) в начале XX в. пастухи обходили дома через день¹.

Таджики, проживающие в селении Хончиза Ташкентской области Республики Узбекистан и афганского Тахора, кроме всего этого, каждую неделю давали дополнительно половину лепешки, так называемая «хафтаги». Здесь также могли расплачиваться и едой.

За выпас в течение одного сезона пастухам платили за труд чаще в виде натурy. Например, в горной части Куляба за каждое поголовье крупного

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Таджикской ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67, 156.

рогатого скота давали один санг пшеницы (один санг = 5 кг), за каждую овцу или козу давали по половине санга пшеницы (2,5 кг)¹. Здесь три поголовья мелкого рогатого скота приравнивались к одному поголовью крупного рогатого скота. Аналогичная плата была и у таджиков Ходжентской области. Здесь кроме пшеницы, пастуху давали также сушеный урюк, так называемый «кафсан»². В Каратегине за каждую корову давали 5-6 кг зерна³.

Как отмечают исследователи, у афганских таджиков деревенский совет назначал 2 пастуха для ухода за быками и коровами, которые сгонялись в общее стадо на 8 месяцев, когда скот меньше занят на сельскохозяйственных работах. Пастухи получали плату натурой в размере 2-х кабульских сиров (15 кг) зерна за каждую голову скота. На тех же условиях назначается и пастух для объединенного стада ослов⁴.

Пастухи, нанимаемые за уходом, в основном были профессионалами. Их занятие считалось престижным, а пастушеский хлеб считался заслуженным и самым честным. Бывало, что в селении у кого-либо вечером не оказывалось хлеба, и тогда его брали в долг у пастуха. И не было такого случая, чтобы пастух кому-нибудь отказывал в этом.

В отличие от пастушества других народов, у таджиков это занятие имело своего патрона – Занги-бобо, которому совершали жертвоприношение, читали молитву, приносили клятву. С именем Занги-бобо связаны многочисленные предания и легенды. Причем следует отметить, что касались не только его, но и о его окружения и близких, например, его жены, которая очень часто сопровождала его повсеместно и выходила с ним на пастьбу

¹ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 154.

² *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67, 156.

³ *Таджики Каратегина и Дарваза: В 3 вып.* / АН Таджикской ССР. Институт истории им. А. Дониша / под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970. Вып. 2. Ч.1. С. 154, 178.

⁴ *Махмадшоев Р.* Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). Душанбе, 2001. С. 26.

скота.

В этих преданиях говорится о достоинстве профессии пастуха, о честности и доброжелательности его жены. Каждый пастух старался походить своим поведением на Занги-бобо, честно соблюдать все принципы пастушества. В честь патрона Занги-бобо пастухи временами устраивали пожертвования и чтение благожелательных молитв.

Чабанство. История и генезис профессии чабана связана с отгоном скота, который берет свое начало с древнейших времен с появлением отгонного скотоводства, т.е. неолита и эпохи бронзы.

О престиже профессии чабана – «чупон», «дахмарда» у таджиков конца XIX – начала XX вв. можно говорить много, но мы остановимся лишь на некоторых моментах. Ни одна профессия не ставилась так высоко и не считалась такой почетной, как чабанство, о чем говорит само слово «дахмарда», т. е. «стоит десятерых мужчин».

Для получения звания пастуха – «дахмарда» надо было пройти несколько этапов обучения. Многие начинали с юных лет, а то и с детства, с ухода за ягнятами или баранами-производителями. Другие в юношеские годы нанимались помощниками к опытным чабанам и только через несколько лет после получения благословения, сопровождающегося специальным обрядом, получали звание чабана. Следует отметить, что многие именитые чабаны проходили подобную школу. Если с юных лет он работал добросовестно, то старший чабан предлагал ему сотрудничество и брал его в помощники. Но и здесь молодой помощник должен был пройти проверку и войти в доверие к чабану.

В конце XIX – начале XX вв. в этой сфере наблюдалась богатая терминология. Так, старшего чабана называли «аркор», второго (с небольшим стажем) – «дахмарда» или «чупон», третьего (с небольшим стажем) – «ало» и последнего – «ердамчи», помощник. Если старшего чабана обычно нанимал сам хозяин-овцевод и заключал с ним договор, то остальных нанимал уже сам старший чабан. Поскольку вся ответственность возлагалась

уже на старшего чабана, то, исходя из этого, младшие чабаны отчитывались перед старшими, а старший – перед самым овцеводом. Отару от овцевода-бая принимал по счету старший чабан. Он и его подчиненные отвечали за ее сохранность. Если не по вине чабана происходил несчастный случай с бараном, или же его задирали волк, то чабан, чтобы не нести ответственности, должен был представить хозяину доказательства несчастного случая – голову или шкуру барана, и обязательно его отметку – «эм». Подобный подход существовал и у таджиков равнинной части Кыстакоза¹, Варзоба², Сурхандарьи и т. д.

Нормы натуральной и денежной оплаты чабанов конца XIX – начала XX вв. различались и зависели от мастерства и должности чабанов в работе. Договоры могли заключаться, согласно условиям, как самого хозяина, так и чабанов. В чабаны мог наниматься молодой и малоопытный человек. Если же хозяин хотел иметь опытного и надежного во всех отношениях чабана, то он был вынужден соглашаться с его условиями.

Институт взаимопомощи у таджиков, основанный на родственных демократических устоях сельской общины, является широко распространенным явлением. По шариату совместная обработка называется «муштарак» (по-арабски), «шарики» (по-таджикски)³. Данный институт своими корнями уходит в далекое прошлое – в период становления соседской общины, и в конце XIX – начале XX вв. занимал важное место в хозяйстве таджиков, особенно в земледельческой и животноводческой отраслях.

Институт взаимопомощи, называемый «шарики», «хамкуш», в животноводческом хозяйстве являлся своего рода товариществом и применялся в процессе ухода за скотом, при заготовке молочных продуктов,

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Таджикской ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 159.

² *Неменова Р. Л.* Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 67.

³ *Мухтасар аль-Викая.* Казань. Типолиитография Императорского Университета. 1902. С. 285-294.

запасанием кормов на зиму и т.д. Институт «шарик», «хамкуш» с целью присмотра за скотом мог иметь как родственное, так и общинное начало. Союз данного товарищества основывался на принципе равенства между его членами. «Шарик» был характерен как для отгонного, так и перегонного скотоводства. При отгонном скотоводстве «шарик» образовывался в тех случаях, когда у родственников возникала необходимость присоединить свое малочисленное поголовье скота к отаре богатого родственника или односельчанина для выпаса на летних пастбищах. В перегонном скотоводстве, наоборот, институт взаимопомощи применялся в основном на зимних стоянках, расположенных недалеко от селения. В основе этой организации сообщества учитывалось и стремление облегчить тяжелый физический труд скотоводов при выпасе скота на зимних угодьях, при воспроизводстве и сохранении поголовья скота и молодняка и т.д.

В институте взаимопомощи особенно нуждались хозяйства северо-восточной части Хатлонской области, Хуффара, Фориша, Бадахшана, у которых был дефицит в запасе зимних кормов. В других регионах Таджикистана этот институт действовал шире. Это товарищество имело родственный и общинный характер. Например, у таджиков Бадахшана очистка скотных дворов проходила при участии родственников и односельчан. Предварительно хозяин заготавливал песок, который предназначался для посыпки. Этим песком накрывался пол в хлевах. На следующий день навоз в заплечных корзинах выносился в поле. Для этого часто применяли особую помочь – кирьяр, в котором участвовали родственники и односельчане. Одни бегом относили корзины на поля, другие наполняли эти корзины навозом. Благодаря такому разделению труда в течение нескольких часов вывозились большие кучи такого удобрения¹. Аналогичный метод применялся и у соседних афганских таджиков долины Панджшер, где при переносе удобрений на поле крестьяне поочередно

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 137, 192.

созывали «йора». Приглашались на помощь все соседи со своими заплечными корзинами («каджава») для переноса удобрений. По окончании работы хозяин угощал всех участников «йора» пищей, которая называлась «шишбанд» (завязывающей легких)¹.

Другим видом родственной взаимопомощи в конце XIX – начале XX вв. являлась молочная артель – «пайваз» или «ширвар». Нередко она объединяла от 3 до 8 хозяйств. Вопрос о генезисе института взаимопомощи по ведению молочной артели «певочи» можно связать с распадом большой семьи. Известно, что в большой традиционной семье существовал строго дифференцированный труд. Каждый член семьи по указанию главы семьи занимался определенной хозяйственной работой. Это четко прослеживается на примере таджиков-хуфцев, где в летнее время на одну из женщин с детьми возлагались присмотр за скотом, доение и приготовление молочных продуктов впрок. В первую очередь молочная артель «певочи» объединяла родственную организацию, а затем уже соседскую. По всей вероятности, последнее является более поздним в развитии этого института.

После распада традиционной большой семьи каждый из братьев, как правило, получал равную долю, как из хозяйственного инвентаря, так и из поголовья скота. Но, несмотря на распад большой семьи, хозяйственные отношения поддерживались еще долгое время. Институт молочной артели «певочи» является одним из патронимических объединений родственной организации. Особенность родственной организации у таджиков прослеживается и в процессе ухода за скотом. При зимнем содержании скота в горной части являлось важным участие нескольких родственных хозяйств, которые объединяли свой скот и совместно содержали его на зимних стоянках. Здесь уход за скотом возлагался одновременно на представителя каждого члена родственной семьи, что именовалось «хамкуш». Сюда также могли подключиться и соседи.

¹ Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г. (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Ташкент, 1927. С. 25.

Другим видом социального института взаимопомощи является «хамхуник», который зафиксирован у горных таджиков Даштиджума. Это объединение часто носило территориально-соседский и родственный характер. Здесь патронимическое расселение в изучаемый период находилось на поздней стадии развития. Были ослаблены его основные, ключевые принципы взаимопомощи – проживание в единой большой семье, или же в единой сельской общине. В период зимнего содержания скота здесь были характерны содержание и уход скота в форме товарищеского объединения «шарики». Несколько хозяйств объединяли свой скот и содержали его на зимних стоянках. Для скота строили крытые загоны типа «чубтора» или «кутан», а для чабанов – помещение «канък». Эти хозяйственные товарищества («шарики») на зимних стоянках совместно заготавливали небольшое количество сена. В морозные дни скот кормили в помещениях. Товарищеское объединение создавали с целью устранения сложности в период зимнего содержания скота. «Шарики» было организовано на родственно-общинной или сословной основе. К ним могли присоединиться и односельчане, но за определенную плату, компенсируя труд чабанов.

Одной из действующих форм организации труда в конце XIX – начале XX вв. в животноводческом хозяйстве, особенно в зимнее время, когда необходимо было учитывать сложившуюся обстановку, связанную с нехваткой кормов для скота на зиму, была передача скота другим хозяйствам (на примере Припамирья), или продажа их осенью и выкуп весной (на равнинной части). Например, хуфец, не имевший возможности прокормить свой скот, отдавал его в Рушан на прокорм. Если это был бык, то весной хозяин получал его от прокармливающего быка вместе с куском железа. Дело в том, что в Рушане весной раньше начиналась пахота, и быка использовали как тягловую силу при вспашке земли. Если на прокорм отдавалась корова, то за это настоящие хозяева платили чаще зерном, но это делалось еще осенью при сдаче животного на прокорм¹. Данная система существовала и у

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад:

таджиков Ферганы. Здесь вола также выполняли сезонную работу. Зимой, когда вопрос с кормами осложнялся, земледельцы еще осенью, после окончания полевых работ, продавали свой рабочий скот с тем, чтобы опять купить его перед началом весенних полевых работ¹.

Помощь (хашар) также устраивалась в следующих случаях: летом – при жатве травы для корма скота; осенью – при жатве ячменя и пшеницы, при перевозке с гор на гумно снопов пшеницы или ячменя, при переносе в корзинах на спине людей навоза на поле, при переносе снопов сена и т.д.²

Указанные институты организации труда в животноводстве таджиков были обусловлены хозяйственно-географическими и экономическими условиями отдельных регионов. Именно роль земледельческой отрасли варьировала в определении оплаты труда при передаче скота на откорм, как в зимний, так и в летний периоды.

Данный институт взаимопомощи имел место у многих других народов. Например, многие принципы института грузинских и дагестанских скотоводов аналогичны с таджикскими.

Таким образом, по представленным нами источникам, в конце XIX – начале XX вв. товарищеское объединение у таджиков заключалось с целью устранения сложности в период зимнего содержания скота. «Шарики» было организовано на родственно-общинной или сословной основе.

Животноводческий календарь. Согласно сведениям различных исследователей, в начале XX в. в Туркестане было два солнечных исчисления, разнящихся между собой. «Бухарский счет» – «хисоби Бухоро» и «скотоводческий» – «хисоби чорводор». Последний идет впереди первого на 8 дней. В Ягнобе применяют «бухарский счет», но селение Куль в своем счете придерживается животноводческого календаря. В Ташкенте также

Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 121-122.

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Таджикской ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 152.

² *Андреев М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 76.

считают по животноводческому календарю «чорводор хисоби»¹.

Например, «гусола хафтак» (недельный ягненок) приходится на 20-й день осени, считая со дня осеннего равноденствия. С началом холодов телят не выпускали наружу, чтобы не замерзли, в то время как взрослая скотина днем продолжала ходить на пастбище². Или же «оджуз – «огуз» – семь дней периода оджуз падают на время наступления тепла. В эти дни, если выносят из дома молоко (свежее или кислое – «белое») для того, чтобы не поразила «оджуз», бросают туда кусочек копоти, взятой снизу котла. Принеся в мехмон-хону, его выбрасывают. Считается, что если оджуз успеет поразить, то скот заболеет³.

По животноводческому календарю скотоводы также заранее предугадывали время распространения различных болезней скота и принимали предохранительные меры (например, болезнь «алакарог» и «офтобкарог»). Эти болезни носили сезонный характер. Первая болезнь – «алкарог» прогрессировала осенью, точнее в «чилля» – «сорокодневье», примерно от 25-го октября и далее в течение 60 дней. В это время от хозяев верховых животных требовались большая осторожность и соблюдение обычных правил по уходу за скотом. Так, каждый раз после верховой езды и перевозки груза с животных следовало снимать седло и попоны и накрывать им спину теплой накидкой. Так делалось потому, что, если у животного спина была натерта седлом или грузом, она могла воспалиться от осеннего холода. Осложнение воспаления отрицательно сказывалось на физическом состоянии и работоспособности животного. По народному способу для лечения этой болезни применяли растение «барги зулф» – подорожник или «сафедпустак»; его грели на огне и накладывали на рану. Этим нехитрым способом можно было своевременно пресекать развитие болезни.

Так, у таджиков в прошлом для лечения скота от различных сезонных заболеваний применяли различные приемы и способы, часть из которых

¹ Андреев М. С. Материалы по этнографии Ягноба. Душанбе, 1970. С. 158.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 157.

имела рациональную основу. Обычно опытные чабаны примерно знали, в какое время года можно ожидать тот или иной вид болезни или вспышку эпидемии и, по возможности, они старались предохранить скот от них, предпринимая известные им меры предосторожности. Опытные чабаны всегда были готовы к болезням, имеющим сезонный характер. Например, весной (в апреле и в мае) прогрессировали болезни «кил-кирт», а позже «туган-туганак». В это же время распространялась желтуха («зарпарвин»). В сентябре, ноябре скот болел чаще всего болезнями «талок» и «гул». Особенно большой падеж скота наблюдался в декабре и январе. Главной причиной этих болезней считалась чрезмерная осторожность чабанов, которые не столь часто выводили скот в поле, чтобы согреть его, в результате чего животные ослабевали. Много, конечно, зависело и от условий содержания скота и природно-климатических условий местности. Скорее всего, древний годичный календарь – доземледельческий был связан со скотоводческим занятием. До нас он не дошел в полной мере. Как выяснилось, многие обычаи и обряды, связанные со скотоводством, были приурочены в основном к различным моментам скотоводческого цикла.

Таким образом, пастушество «подабон» имеет древнюю историю, существует у многих народов мира, в том числе и у таджиков. Скорее всего, генезис данного института берет свое начало с появлением различных форм содержания скота и связан с сельской общиной. Генезис истории чабанства и как профессия связана с отгонным способом скотоводства, который берет свое начало с древнейших времен, т.е. неолита и эпохи бронзы. У таджиков в конце XIX – начале XX вв. ни одна профессия не ставилась так высоко и не считалась такой почетной, как чабанство. Само слово «дахмарда» переводится как «стоит десятерых мужчин», что свидетельствует о престиже профессии чабана — «чупон», «дахмарда.» Институт взаимопомощи у таджиков, основанный на родственных демократических устоях сельской общины, является широко распространенным явлением. Данный институт своими корнями уходит в далекое прошлое – в период становления соседской

общины, и в конце XIX — начале XX вв. занима

ли важное место в хозяйстве таджиков, особенно в земледельческой и животноводческой отраслях.

4.4. Классификация форм животноводства у таджиков в XIX – XX вв.

Животноводство, как уже отмечалось, является древнейшим хозяйственным занятием таджиков. Оно формировалось и развивалось в сложных климатоэкологических условиях Средней Азии. Известно, что именно использование крупного рогатого скота в качестве рабочей силы позволило значительно усовершенствовать земледельческое хозяйство и дало толчок развитию всего общества, привело к возникновению новых общественных отношений. По праву животноводство считалось мерилom богатства многих хозяйств и даже целых народов.

Животноводство, как важная отрасль народного хозяйства, является одним из определяющих факторов хозяйственно-культурного типа. Переселение тюрков-кочевников в XIII в. на огромной территории Средней Азии проходило в нескольких этапах. Без сомнения, это переселение сильно изменило этническую карту среднеазиатского региона, но мало повлияло на хозяйственно-культурный тип местного населения. Кочевникам самим в течение нескольких веков пришлось постепенно оседать и менять свой традиционный кочевой образ жизни.

В то же время нашествие кочевников катастрофически осложнило внутренние социально-экономические условия края и сильно препятствовало дальнейшему культурному развитию исконного населения Средней Азии.

В изучении животноводческого хозяйства заметную роль играет изучение форм и типологии животноводства, которые включают в себе различные компоненты хозяйства. Именно в процессе изучения данной

проблемы мы сталкиваемся с разными сторонами взаимоотношения животноводства с другими отраслями хозяйства: в плане истории, этнических отношений с близкими соседями и другими народами, в синтезе и генезисе многих традиций животноводческого хозяйства.

Таджикистан является горной страной (93 %) со сложными зональными делениями. Природно-географическое различие регионов Средней Азии способствовало образованию различных форм животноводства, которые складывались в течение нескольких веков, и дошли до нас в форме эмпирического опыта прошлого.

О формах и типологии традиционного животноводческого хозяйства таджиков до сих пор нет специальных работ. По этому вопросу существуют только некоторые отрывочные сведения в различных публикациях, тезисы, статьи, отдельные разделы в монографиях. Изучение типологии и форм животноводства и уточнение терминологии начали привлекать внимание советских ученых только в последние годы существования Советского Союза. В ходе обсуждения данного вопроса на страницах «Советской этнографии» были затронуты и разрешены многие важные вопросы, освещающие разные стороны животноводческого хозяйства. В дискуссии принимали участие ученые-этнографы всего Союза¹.

Одним из требований историко-этнографического атласа является упорядочение терминологии, связанной с типологической классификацией животноводства. К сожалению, до настоящего времени этот вопрос остаётся нерешенным, хотя сделано в этом плане уже много. Сложность решения

¹ Андрианов Б. В. Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // Советская этнография. 1982. № 4. С. 76-80; *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов. В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979. С. 166-173; *Кармышева Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. М., 1969. № 3. С. 44-50; *Ее же:* [Рецензия] // Советская этнография. 1982. № 3. С. 166–170. Библиогр. в подстроч. примеч. // Рецензия на кн.: Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии: Ист.-этногр. исслед. Тбилиси, 1979; *Курылев В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов (2-я половина XIX – начало XX века) // Проблема типологии в этнографии. М., 1979. С. 166-173; *Его же:* Основные типы скотоводческого хозяйства у казахов (конец XIX – начало XX в.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 246-250 и др.

проблемы заключается в том, что почти у всех народов, занимающихся животноводством, имеются свои традиционно сложившиеся термины-слова, не имеющие прямого перевода на русский язык.

Кроме того, вопрос относительно употребления таких общепринятых терминов, как «тип», «форма», «вид» и других все же остается открытым. Нет даже единого мнения насчет таксономического уровня всех этих категорий.

Изучение формы и типа животноводства, как правило, у всех исследователей начинается с обзора имеющейся литературы, анализа методологии и принципов классификации. По классификации животноводческого хозяйства таджиков существует очень мало материалов. В книге М. С. Андреева «Таджики долины Хуф» (ч. II) дается полное описание цикла ухода за скотом в высокогорном районе Припамирья, но не делается типологического анализа данного хозяйства¹.

В книге Р. Л. Неменовой «Таджики Варзоба» при описании животноводческого хозяйства дается характеристика ведения данной отрасли. Автор пишет, что в горной зоне Варзоба (Зидди, Варзоби-боло и Средний Варзоб) издавна животноводство было отгонным. В предгорной зоне скот пасся на предгорьях, окружающих селения, только весной и осенью, когда эти земли не использовались как пахотные и сенокосные угодья. Это обстоятельство и определяет основные различия в ведении животноводческого хозяйства, между горными и предгорными селениями Варзоба. Отгонная система в горном Варзобе распространяется на овец, что касается крупного рогатого скота, коров, а также коз; их отгоняли на высокогорные пастбища только поздней весной и летом, а с осени они переводились на стойловое содержание»². Хотя ниже автор отмечает, что «круглый год на отгонных пастбищах были только большие стада овец, принадлежавшие местным богачам-скотоводам», здесь не оговариваются

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 76.

² Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 88.

месторасположение этих пастбищ и их зональность. Р. Л. Неменова не соблюдает дефиницию и строгое использование единой терминологии. Далее она описывает способы содержания скота. «Стадо основной массы крестьянства, исчислявшееся десятком-двумя овец, также как крупный рогатый скот, содержалось зимой в хлевах». В предгорных районах, где зимы теплые, небольшие стада овец выпасались днем на угодьях, окружающих селения. Большие стада овец перегонялись на юг страны на зимние пастбища»¹. Автором описывается система содержания скота в зависимости от зонального расположения. Также отмечается, что «сроки выхода на летовки тех селений, где скот перегоняют на отгонные пастбища, связаны с восходом посевов»².

В книге П. Н. Ершова «Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией» описывается стойловое содержание скота в северных районах Таджикистана. При этом здесь не приводятся критерии данного способа содержания скота, хотя эта система содержания характерна большинству районов равнинной части и городскому населению нашей республики³.

Как видим, классификации животноводческого хозяйства таджиков мы не имеем. В то же время проблема установления типологии и форм животноводческого хозяйства является весьма сложной, спорной и в то же время актуальной в историко-этнографической науке.

Разные исследователи с целью определения типа и формы животноводства брали за основу различные критерии. Например, С. И. Руденко и С. И. Вайштейн – основным критерий для определения вида животноводства внесли в наличии постоянного зимнего жилища; С. М. Абрамзон и Б. Х. Кармышева – в сочетании двух хозяйственных отраслей –

¹ Неменова Р. Л. Таджики Варзоба. Душанбе, 1998. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Ершов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 173.

земледелия и животноводства. Отдельные исследователи на первое место ставили социально-экономические отношения.

Расходятся мнения по использованию терминов «тип», «форма», «система». Некоторые исследователи отрицают понятие «формы» (Б. Х. Кармышева, Г. И. Симаков и др.), другие, наоборот, употребляя «форму», отказываются от «типа» (Ю. И. Мкртумян, В. М. Шамиладзе и др.), Г. В. Марков же отмечает: «...совершенно неважно, что считать наиболее общим явлением: форму или тип. Важно договориться о содержании этих понятий и их условий иерархии»¹.

Не имеется единого мнения даже по таким терминам, которые уже давно используются в научной этнографической литературе – «яйлажное скотоводство» или же «отгонное скотоводство».

Таким образом, ни один из предложенных вариантов по классификации типологии в настоящее время не может быть принят как единый стандарт, хотя все они котируются. Согласно образному выражению А. Оразова, каждый автор по-своему прав, выдвигая собственную типологию изучаемого им конкретного народа с учетом ландшафтно-географических, экологических и политических факторов².

Следует особо отметить интересную классификацию, которую разработал С. М. Абрамзон. Здесь выделяются пять типов животноводства – стойловое, стойлово-пастбищное, пастбищное, отгонное и яйлажное³. В первом типе выделена система содержания, аналогичная таджикской системе, где скот круглый год содержится в селениях; суть второй системы заключается в том, что скот большее время года содержится в селениях и только летом выгоняется на ближайшее пастбище; население ведет,

¹ Марков Г. Е. О терминах и понятиях в этнографии // Советская этнография. 1983. № 5. С. 85.

² Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. Ашгабат, 1995. С. 81.

³ Абрамзон С. М. Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана // Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана: Метод. материалы. М., 1967. С. 34.

предпочтительно, оседлый образ жизни.

Третий указанный тип – отгонный характеризуется тем, что скот круглый год содержится на дальних пастбищах под присмотром наемных чабанов. Последний указанный тип – яйлажный также является аналогичным системе горных таджиков, где скот зимой содержится в селении (на стойловом содержании), а летом выгоняется на горные пастбища. В отличие от горных таджиков, киргизы отправлялись на горные пастбища семьями. Горные таджики же часть семьи оставляли в селении – заниматься земледелием, что и является принципиальным отличием. Выход на летовья в большинстве случаев совершался поэтапно и с соблюдением зональности, начиная с нижних зон и кончая альпийскими лугами. Следует добавить, что известный исследователь А. Оразов отмечает, что автором не выделен состав стада и не освещен вопрос – для каких народов эта система была характерна.

По нашему мнению, С. М. Абрамзон решил теоретическую сторону данной проблемы, а приемлема ли она для изучаемого народа или нет – это уже техническая сторона вопроса и индивидуальное решение каждого исследователя, который берет данную классификацию за основу. Автором сделан правильный вывод, что основным критерием для определения типа животноводства является сочетание животноводства с земледелием. Безусловно, земледельческое занятие сильно повлияло на систему и типологию хозяйства (занятия), и поэтому многие исследователи справедливо считали его основным критерием. Действительно, большое разнообразие в формах содержания скота присуще тем народам, у которых существует развитая земледельческая культура. Так, Г. Н. Симаков за критерий разграничения кочевых животноводческих хозяйств берет земледельческую отрасль. Он пишет: «...основным разграничительным критерием в указанных формах является наличие или отсутствие земледелия в системе хозяйства»¹. Г. Н. Симаков предложил своеобразные формы

¹ *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // Советская этнография. 1982.

содержания скота – пастбищную, отгонную, яйлажную, выгонную и стойловую. Данная типология является удачной. Но здесь присутствуют не все виды содержания скота. Так же недостаточно аргументированно обоснована форма стойлового содержания скота.

Интересное предложение внесла Б. Х. Кармышева, которая долгое время занималась изучением быта и хозяйства узбеков-локайцев, веками проживавших по соседству с таджикским населением и имевшие тесные взаимные экономические и бытовые контакты. Изучая животноводческое хозяйство южных районов Таджикистана и Узбекистана, она выделяет четыре типа животноводческого хозяйства: отгонно-пастбищное, кочевое, выгонное, стойлово-выгонно-яйлажное¹. Следует отметить, что система типологии, предложенная Б. Х. Кармышевой, отличается от предыдущих тем, что она более конкретизирована и в ней собраны все формы содержания скота. Спорным является только тот факт, что автором выгонный тип приписывается исключительно чагатаям. Многие исследователи сходятся в том, что данный тип очень близок к типологии С. М. Абрамзона, точнее к его стойлово-пастбищной системе. С. М. Абрамзон же характеризует его как присущий кочевому или полукочевому образу жизни. Возникает вопрос: как же в таком случае характеризовать стойлово-выгонно-яйлажный тип животноводства оседлого населения Средней Азии? Скорее всего, здесь неясность в употреблении терминологии. В основном, как и другие авторы, можно согласиться с выбранным критерием сочетания животноводства с земледелием, также предложенным Б. Х. Кармышевой, хотя эти два вида хозяйства сами по себе выделяются в отдельный тип хозяйства и играют одну из главных ролей в выделении критериев формы и типа животноводства вообще.

Еще раз заострим наше внимание на высказывании Г. Е. Маркова о том, что животноводству характерен комплекс показателей различного

№ 6. С. 73.

¹ Кармышева Б. Х. Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. М., 1969. № 3. С. 44, 49.

таксономического уровня¹. Автор разделяет их на два уровня. Первый – это низший "технологический», охватывающий чисто хозяйственные стороны: способы ведения пастбищного животноводства, приемы кочевания, сочетание в животноводческом хозяйстве различных отраслей. Второй — это высший уровень, характеризующийся социальными критериями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что зональность, как хозяйственно-географический фактор, оказывает влияние на социальную организацию общества.

Территориальное расположение местности, сезонные пастбища и сенокосные угодья, хозяйственная взаимопомощь, характерные особенности семейного быта, связанные с ведением той или иной формы животноводства, являются важными компонентами социальной организации хозяйств, занимающихся скотоводством.

Годичный цикл ухода за скотом, заготовка кормов, режим кормления, формы эксплуатации пастбищ и параллельных хозяйственных баз и т.д. отражают низший уровень. Основные признаки типологической классификации отражают характерные особенности отдельных форм и подвидов животноводства. Мы сходимся во мнении со многими исследователями относительно того, что все имеющиеся на сегодня публикации о классификации животноводческого хозяйства в основном делятся на две группы. Часть исследователей пытается решить данную проблему, основываясь на теоретических выкладках (Марков, Семенов, Андрианов и др.). Другая часть делает свои выводы на скрупулезных региональных исследованиях (В. Шамиладзе, Б. Кармышева, В. Курылев и др.).

По нашему мнению, типом следует понимать более определенный конкретный таксон. Понятие «формы» можно использовать в русле общих классификационных понятий, хотя во многих случаях эти два термина (тип и

¹ Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4. С. 88-94.

форма) могут сочетаться, дополнять друг друга. Под хозяйственно-культурным типом подразумевается земледельческо-животноводческий тип, в котором земледелие издавна играло ведущую роль. Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) является главным в хозяйстве и географической среде. Типологический анализ позволяет обобщить имеющийся историко-этнографический материал по животноводству каждого отдельного региона и интерпретировать его более конкретно и на более высоком научно-теоретическом уровне.

Этническая территория таджикского народа исторически охватывала большую часть Центральной Азии и считается колыбелью земледелия. Хозяйственно-культурный тип на обследованной нами территории явно отражает этнокультурные особенности таджиков, и является характерным для всего указанного нами региона. Традиция ведения земледельческо-скотоводческого хозяйства складывалась веками и имеет этнический характер. В любых природно-климатических условиях земледелие у таджиков являлось приоритетным занятием. Даже некоторая часть городского населения занималась пашенным земледелием. Были и богатые животноводы. Поэтому в классификации ХКТ почти вся этническая территория таджикского народа определена как область пашенных земледельцев. В горных районах добавляется незначительный удел животноводческого занятия. В равнинной части земледелие в конце XIX – начале XX вв. значительно превалировало над животноводством. Поэтому здесь ХКТ можно оценить, как земледельческо-животноводческий. Развитие земледелия в равнинной части сказалось и на видовом составе скота. Наличие рабочего скота давало большое преимущество земледельцам. ХКТ равнинной части четко отражается и на видах пищи. Здесь явно преобладает мучная пища. В горной части, кроме печеного хлеба, большое место занимала продукция животноводства. Другая особенность ХКТ равнинной части – это активное развитие ремесел, которые имели товарный характер. В горной же и предгорной части больше было развито промысловое занятие,

имевшее подсобный характер – его продукция обменивалась на другие необходимые товары.

Таким образом, мы можем говорить о непосредственных контактах и взаимоотношениях населения оседло-земледельческой и степной зоны в течение многих веков, об их общих экономических интересах, которые в основном и способствовали их сближению. Отсюда и наблюдается разнообразие в некоторых элементах материальной и духовной культуры таджикского народа.

Стойловое животноводство прямо зависело от уровня земледелия. Однако институт пастушества и отгонное животноводство являлись самостоятельными типами хозяйства, и они функционировали обособленно от земледелия. Эти условия и повлияли на степень развития и значения этих отраслей хозяйства в каждом отдельном регионе. Поэтому для таджиков животноводство не являлось единственным источником существования, хотя оно и играло исключительно важную роль в их хозяйстве.

Основными классификационными признаками (или критериями) для выявления типа и формы животноводческого хозяйства горных таджиков являлись: а) форма и характер общественного производства и разделение труда внутри каждого отдельно взятого хозяйства, складывающиеся на основе конкретной природной среды; б) географическая среда; в) зональность, а также выше выделенные нами критерии таксономических уровней.

При исследовании животноводческого хозяйства в Кулябском регионе нами была выработана другая, отличительная система классификации, основанная на ранее предложенной классификации Б. Х. Кармышевой. Предлагаемая в данной работе классификационная система отличается от той системы лишь тем, что в ней учтена природная особенность горного рельефа.

В данной работе нами обобщаются все имеющиеся материалы по животноводству таджиков, включая и новые сведения, собранные автором, на основе которых предлагается единая система типологии и формы ведения

традиционного животноводческого хозяйства у таджиков. Автор понятие «форма» применяет к более высокому таксону. Она характеризует животноводческое хозяйство таджиков как оседлое. Исходя из анализа историко-этнографических материалов о различных территориях заселения таджиков, а также на основе имеющейся специальной литературы, нами выделены такие основные формы животноводства, как равнинно-долинная и горная. Необходимо сразу же чётко отметить, что горное животноводство представляет собой ведущую форму животноводства. На это указывают формы животноводства и зафиксированные различные типы, обладающие характерными особенностями данной формы животноводческого хозяйства. Данные формы делятся на несколько животноводческих типов (исходя из вышеупомянутых). Горная форма животноводства таджиков охватывает более разнообразные виды содержания скота. К такой форме относится подвижный тип животноводства, который, в свою очередь, делится на три подтипа: яйлажно-выгонно-стойловый, перегонный и отгонный.

Яйлажно-выгонно-стойловый подтип был характерен преимущественно селениям, расположенным в предгорной части и частично в горной и равнинной частях. Здесь в зимнее время скот содержался в стойле в самом хозяйстве, где заранее запасались определенным количеством сена. Осенью и весной скот содержали в пределах присельских пастбищ, где он находился под присмотром наемного пастуха, или же пасся в порядке очереди «наубат». Летом основное поголовье скота перегонялось на летние пастбища, расположенные в альпийской зоне. Здесь присмотр за скотом обыкновенно целиком велся представителями женской половины с детьми. На летних стоянках имелись как хозяйственные, так и жилые помещения. Преобладание яйлажного способа было вызвано, главным образом, интересами самих хозяйств. Во-первых, таким образом можно было уберечь сельские посевы от потравы, а во-вторых, на высокогорных альпийских лугах обилие трав благоприятствовало увеличению удоев, что способствовало приготовлению необходимого количества запасов молочных продуктов.

Осенью, после уборки урожая, скот возвращался в селение и пасся на присельских стернях, а затем, до начала первых снегопадов, содержался в общесельском стаде.

Таким образом, вышеназванный подтип ведения животноводческого хозяйства был характерен регионам, таким как Дарваз, Каратегин, Куляб, Зарафшан, Припамирье и Сурхандарья.

Перегонный подтип содержания скота в своей основе является аналогичным яйлажно-выгоно-стойловому, но, в отличие от него, здесь скот круглый год находился за пределами села и не уводился далеко. Перегон осуществлялся в вертикально-зональном направлении. Природные зоны традиционно обозначались специальными терминами, характеризующими особенности хозяйственной жизни и систему ведения скотоводства (айлокшин, таговшин, хелшин и т.д.).

При перегонном подтипе скот круглый год находился в постоянном движении: с зимнего пастбища перегонялся на ранне-весеннее, затем на весеннее, после чего перегонялся на летнее пастбище и опять же все повторялось по кругу, только в обратном направлении. За скотом присматривали в весенне-летнее время женщины с детьми, а в осенне-зимнее время – мужская половина с каждого хозяйства. Годичный цикл ухода за скотом в селениях каждой зоны проходил обыкновенно в следующем порядке: селения, расположенные в нижней зоне, держали свой скот недалеко от основного поселения. Весной свой скот перегоняли в промежуточную зону, а к началу лета перегоняли на высокогорные пастбища, расположенные в высшей зоне. Здесь, в течение лета они пасли свой скот на просторных пастбищах в обмен на то, чтобы зимой скотоводам этой зоны предоставить свои зимние пастбища. Селения, расположенные в промежуточной зоне, в течение всего года держали свой скот вдали от дома. Зимой они перегоняли скот в нижнюю зону, весной же перегоняли в промежуточную зону и держали его недалеко от основного поселения. Здесь нередко в нужное время к основным присмотрщикам скота приходили на

помощь женщины хозяйства, чтобы помочь, например, в тяжелый окотный период. Летом скот перегонялся в верхнюю зону, на летние пастбища в сопровождении женщин и детей.

В селениях, которые были расположены в высшей зоне, наблюдается обратная схема перегона скота. Здесь летовки были расположены в пределах основного поселения. Осенью скот пасли на присельских стернях основного поселения, а затем в промежуточной зоне. Зимой скот перегонялся на зимние пастбища, предоставленные населением нижней зоны, в обмен на летние пастбища.

Таким образом, при перегонном подтипе скотоводства большая часть скота находилась вне территории расположения основного поселения.

Зимой скот держался на зимних стоянках на подножном корму, а в самую холодную зимнюю пору – в помещениях – загонах и кормился впрок заготовленным сеном. Необходимо подчеркнуть, что многие исследователи характеризуют этот подтип как яйлажный. Но мы не согласны с этим по той причине, что под яйлажным подтипом подразумевается только летний сезон содержания скота. К примеру, у таджиков восточной части Куляба (Даштиджума), Припамирья, Дарваза, Ягноба, Варзоба и таджиков, проживающих за пределами республики – в Кундузе (Афганистан), Хуффаре, Бустонлыкском и Форишском районах Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, где также существуют параллельно оба подтипа – яйлажно-выгонно-стойловый и перегонный.

Как пишет М. С. Андреев, «летовки йил-га делятся на две категории: расположенные далеко в верховьях реки Хуф, и нижние, отдаленные всего лишь на 1,5-2 км от последних, верхних зимних селений – Банай и Рохс. Поэтому скот сгоняют в Пас-Хуф, где у большинства... имеются свои посевы и помещения для скота. Там скот остается до 40-50 дней. Пригон скота из Пас-Хуфа совпадает с началом посевов»¹. Несмотря на выход на летние

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 133.

пастбища и временное проживание, в основном поселении часть населения вела заготовку дров на зиму, занималась приготовлением молочных продуктов впрок, заготовкой сена и сушеных фруктов, а также повседневным уходом за посевами.

Другая характерная черта этого подтипа заключается в том, что в трудный период времени года (зимой или летом) за скотом обычно ухаживали мужчины – из каждого хозяйства. Именно в это время и функционировал вышеуказанный институт взаимопомощи «хам-куш» или «хам-кутан». Подобные институты товарищества нами зафиксированы у таджиков Куляба, Кундуза, Фориша, а также Припамирья. «На больших летовках для пастбы объединяются от 5 до 20 домов, пасущих... по очереди»¹. У таджиков Кундуза эти товарищества объединяли 3-4 хозяйства. Отличительная черта данного типа от трансюманса заключается в том, что здесь присутствует стойловое содержание, и, более того, на зимних стоянках предварительно заготавливается определенный запас сена². Кроме того, в период заготовки молочных продуктов функция по уходу за скотом переходила к женщинам. Следует отметить, что в эти товарищества обычно входили родственники, соседи и односельчане. В отдельных случаях объединялись только несколько богатых или состоятельных хозяйств. Остальная часть населения условно могла присоединиться к названным товариществам, то есть последнее принимало их скот за определенную оплату в виде натур (скотом или молочными продуктами).

Исходя из вышеописанных отличительных черт в данном виде скотоводства, мы выделили его как отдельный подтип.

Другим подтипом животноводческого хозяйства является отгонный. Данный подтип охватывал овцеводство и был характерен для крупных и состоятельных хозяйств. Данный подтип, как самостоятельный, выделен по

¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 126.

² Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. С. 107.

той причине, что самое большое количество скота во всех исследуемых нами регионах принадлежало этим слоям населения, хотя они и составляли всего несколько десятков хозяйств. В то же время именно отгонный подтип животноводства играл ведущую роль в развитии экономики, социальной жизни, торговле и повседневной жизни таджиков. Отгонное животноводство имело торговый характер. Здесь скот или часть его, т.е. мелкий рогатый скот, определенное время или же круглый год содержался на отдаленных пастбищах, расположенных за пределами села. Скот сопровождался наемными профессиональными чабанами. Передвижение или перегон скота имело диагональный характер. Только осенью и ранней весной скот находился на пастбищах сельской общины. Само хозяйство, которому был свойственен отгонный тип, являлось оседлым земледельческим. В то же время именно животноводство для них являлось формой вложения капитала или же мерилем богатства. В отличие от кочевничества, при отгонном животноводстве обыкновенно на зимних стоянках строились помещения для скота, т.е. кошары, которые при летних пастбищах отсутствовали. Летние пастбища в основном были расположены в альпийских зонах. Кроме того, в отличие от кочевников, само хозяйство и их семьи не кочевали вместе со скотом. Скорее всего, именно благодаря товарному характеру, уход за скотом, большей частью, велся профессиональными чабанами. Плюс ко всему, перегон скота при отгонном животноводстве проходил в строго определенное время и по традиционному маршруту.

Следует особо отметить, что отгонному типу животноводства было характерно также стойловое содержание скота. Но оно приходилось на очень короткое время, когда туман или продолжительная непогода не позволяли выгонять скот на пастбище. Именно для этого случая и готовили запас сена. Данный тип содержания скота был характерен скотоводам Куляба, Гиссара, Кабадиана, Варзоба, Каратегина, Сурхандарьи, а также отчасти и таджикам долин.

Долинно-равнинная форма сформировалась в так называемых оазисах,

долинах рек и исторически существовала в условиях развитой земледельческой культуры, соблюдая свои особенности и формы организации труда, где было развито земледелие, ремесло и промыслы, торговля и скотоводство. Особо следует подчеркнуть, что удельный вес последней определяется в характере его сочетания с ведущими отраслями культуры земледелия, где предназначена была роль в обеспечении рабочего скота, а затем другими необходимыми потребностями. Именно это и является одной из основных характерных черт и исторически обусловивших формы хозяйственного развития от других территорий. Население долинно-равнинной части – Куляба, Гиссара, Вахша, Дарваза, Ферганы, Уротеппа, Ходжента и т.д., являющихся центром развития культуры и политических решений, также обуславливается весомой ролью развития экономики. Здесь достаточно имели пшеницу, ячмень, разные виды овощи, занимались ремеслом, вели торговлю. Данная зона служила местом, где происходил процесс реализации и обмен на необходимую продукцию. Некоторые занимались скотоводством, где удельный вес имел рабочий скот. В этой зоне четко выделяется симбиоз двух занятий: земледелия и скотоводства. Скотоводство выступает в роли необходимости обеспечения земледелия рабочим скотом.

Равнинно-долинная форма животноводства делится на подсобный тип, который непосредственно был связан с земледелием. Данный тип делится еще на два подтипа – стойловый и выгонно-стойловый.

При выгонно-стойловом подтипе нельзя было не считаться с климатическими факторами и с географическим расположением местности.

Подобный тип был характерен таджикскому населению равнин и степей, а также городов. Так, в городах северных районов Таджикистана в основном занимались ремеслами, земледелием, но частично и животноводством, которое имело стойловый характер.

В Восточной Бухаре, в каждом городском квартале имелось особое место – «подачо», где утром собирали скот, и затем наемный пастух гнал его

на определенные участки выпаса. Были и такие хозяйства, которые на лето перегоняли свой скот и на летовье. Этот вид хозяйства в основном преобладал в бедняцких и середняцких хозяйствах и только частично в хозяйствах зажиточных слоев населения. Составляя большинство в обществе, эта часть населения владела наименьшим количеством скота, хотя состав их стада был более разнообразным, чем в предыдущих типах. Одним из распространенных его подтипов являлся выгонно-стойловый. Здесь скот обыкновенно круглый год содержался в самом хозяйстве – в специально построенном помещении. Заготавливалось большое количество фуража из разнообразных видов трав и растений. Скот пасли на общинном пастбище. Каждый вид скота составлял отдельное или смешанное стадо. Нанимались пастухи или присмотр за скотом велся по очереди каждым хозяйством.

Стойловый подтип означал чисто стойловое содержание. Этот подтип, в зависимости от климатических условий и природно-географического расположения местности, а также предназначения скота, охватывал различные периоды продолжительности. Чисто стойловое содержание означало, что скот сначала содержится на прокорм, а затем приносится в жертву или пускается на мясо. Этому подтипу были характерны заготовка самых лучших видов и сортов прикорма для скота, содержание как крупного рогатого, так и мелкого скота. Необходимо подчеркнуть, что такая система содержания скота была характерна таджикам всех регионов республики.

Основным критерием стойлового содержания скота являлось то, для чего этот скот предназначался. В горных районах Припамирья, Дарваза и Каратегина стойловое содержание скота продолжалось до 8 месяцев, в равнинной – от 3 до 6 месяцев, а в предгорной зоне – до 5 месяцев. В сельской местности основное значение придавалось крупному рогатому скоту, который удовлетворял семейные потребности в молочном продукте. Особое внимание уделялось также рабочему скоту и транспортному, и здесь уже учитывались интересы земледелия. Земледельческое производство служило кормовой базой для животноводства. Солома, саман и другие

отходы земледельческой продукции составляли чаще всего рацион зимнего корма для скота.

Таким образом, стойловое содержание скота являлось наиболее устойчивым подтипом хозяйства в рассматриваемой части региона. Данный подтип больше был характерен для равнинной части Средней Азии, и больше всего – для городского населения. Цикл содержания скота здесь характеризовался в основном заготовкой кормов, иногда и пастьбой. На осенне-зимний корм заготавливали сено, солому и зернофураж, а в некоторых местах высушенные листья деревьев. Для каждого вида скота обычно заготавливали отдельный, определенный корм. Способ содержания скота и рацион питания в стойловом подтипе основательно описан Н. Н. Ершовым¹.

Приведенные нами материалы характеризуют основные черты равнинно-долинного животноводства.

Формы и системы ведения животноводческого хозяйства у таджиков вообще сложились на основе культурно-исторических традиций народа. На это активно повлияла и четко выраженная вертикальная (в горной части), диагональная (в основном в предгорной части) и горизонтальная (в равнинной части) зональность. Мы не считаем, что предложенная и использованная нами терминология является законченной, обязательной и совершенной. То же самое можно сказать и относительно классификации форм и типологии животноводства таджиков. Как писал Г.Е. Марков, «чтобы избежать дальнейшей путаницы, целесообразно выработать для низшего уровня классификации понятия, исключая термины, используемые при высшем уровне классификации»².

Предлагаемая нами классификация основывается, прежде всего, на

¹ *Ершов Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Таджикской ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 67.

² *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4. С. 87.

социально-экономических критериях.

Таким образом, следует отметить, что ХКТ – это составная часть культуры любого этноса. ХКТ отражает этнокультурные особенности, так как является характерным для всей анализируемой нами территории. Этническая территория таджикского народа исторически охватывает большую часть Центральной Азии и является колыбелью земледельческого занятия. Традиция ведения хозяйства у таджиков сложилась веками и имеет этнокультурную особенность. В любых природно-климатических условиях земледелие у таджиков являлось основным и преобладало над другими видами занятий. Учеными в классификации ХКТ почти вся этническая территория таджикского народа определена как область пашенных земледельцев. Мы еще раз подчеркиваем, что 93 % территории нашей страны составляют горные массивы, и здесь наравне с земледелием в хозяйстве прочное место занимает и животноводство, являющееся древнейшим традиционным занятием таджиков.

Исследуя историю и генезис ХКТ, мы видим, что в процессе этнической истории таджикского народа складывались тесные контакты и взаимоотношения населения оседло-земледельческой и степной зон, определяемые общими экономическими интересами. В итоге были созданы условия для сближения в огромном историко-географическом пространстве двух культур и занятий, для консолидации в единый этнос – кочевников и земледельцев. Отсюда и разнообразие во многих элементах материальной и духовной культуры таджикского народа. Именно развитие ХКТ способствовало национальной консолидации, созданию единого этнопсихологического стереотипа, формированию чувства общего национального самосознания.

ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ И ГЕНЕЗИС НЕКОТОРЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЖИВОТНЫМИ

5.1. История и генезис различных животноводческих терминов и связанные с ними традиции

Вопросы генезиса и скотоводческое хозяйство таджиков связаны со многими видами традиционных занятий и со сложными этнокультурными процессами. Данный вопрос охватывает огромный исторический период, с появления и распространения индоиранских кочевых племен на территории Средней Азии.

В процессе формирования этногенеза народов Средней Азии принимали участие компоненты, принадлежавшие к различным языковым семьям. Как известно (по многочисленным историческим исследованиям), во II тыс. до н.э. в Средней Азии проживали проиранские группы таких народностей, как саки, массагеты, хоразмийцы, согдийцы, бактрийцы и др. В связи с этим, вполне закономерным является то, что древнейшие топонимические образования в Средней Азии являются иранскими. Эти топонимы сохранились в двух видах: более древние (согдийские, бактрийские и др.) и современные (таджикские). Так как самыми яркими представителями древних иранских народов сегодня являются таджики, то оба вида топонимики для этого народа являются исконными. Подобное можно встретить почти на всей территории Средней Азии.

Начиная со второй половины VI в. н.э., в Средней Азии увеличивается количество тюркоязычного населения, и прогрессируют межэтнические контакты. Большая часть таджикского населения в результате междоусобных феодальных войн с кочевниками была оттеснена тюркскими племенами в предгорья и в горы, где высокие перевалы долгое время служили основным препятствием для общения племен, родственных по языку и по крови. По

этой причине население горной части нередко отличается от населения равнинной части не только в говорах, обычаях и обрядах, но и рядом элементов материальной и духовной культуры. Подобные обособленные группы представлены различными этническими группами таджикского народа. В то же время характерные черты в устройстве жилища, в форме очага, в одежде, в свадебных и похоронных обрядах и во многом другом остаются идентичными с теми группами, с которыми их разделили несколько веков тому назад. Это одинаково характерно как для таджиков Каратегина, Дарваза, Куляба и Бадахшана, так и для таджиков верховьев Кашкадарьи и Тупаланга, а также Сангардака.

В хозяйственных и культурных отношениях большую роль играл взаимообмен при арендовании пастбищных угодий. Связи животноводов в сфере производства и повседневные бытовые контакты создавали предпосылки для языкового общения. Рабочие контакты между тюркскими и таджикскими животноводами способствовали использованию ими различных терминов и рационального опыта друг друга. Как пишется в книге «Краткая история Кокандского ханства»¹, обращаясь к земледелию, часть узбеков вместе с тем постепенно переходили от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому. Устраиваясь в совершенно новый для него обстановки оседлого земледельца и садовода, узбек весьма естественно должен был обратиться к чему-либо уже существующему, готовому. Он всецело воспринял выработанный, если не тысячами, то, по крайней мере, веками культ аборигена таджика; он позаимствовал от него не только способы и орудия обработки земли, но и архитектуру своего жилища и утварь, и разного рода производства, вместе с орудиями и способами этих производств. Название инструмента в собственном языке не имелось, и стал называть так же, как называл его таджик².

Кроме того, многие богатые животноводы – таджики (наиболее часто

¹ *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типография императ. ун-та, 1886. С. 18.

² Там же. С.18-19.

это встречалось среди населения равнинной части) вступали в брак с девушками тюркского происхождения, что давало им возможность войти в доверие, породниться с этим народом, установить с ними тесные контакты. Нередко тюрки-животноводы нанимали в горных районах пастбище, так как были женаты на таджичке из тех мест.

Таким образом, на основе родственных отношений складывались общие экономические и хозяйственные контакты на уровне межэтнической связи. Аналогичное высказывание имеется также у А. П. Шишова: «они (узбеки) всецело восприняли выработанный, если не тысячелетиями, то, по крайней мере, веками культ аборигена таджика...»¹.

Существует аналогичное высказывание Б. В. Андрианова, который отмечает, что «на протяжении почти тысячи лет тюркские языки заменяли иранские на территории Казахстана и значительной части Средней Азии. Особенно интенсивно эти процессы развивались в животноводческой зоне периферийных районов оседло-земледельческих оазисов Средней Азии»².

Нередко этнические и культурные границы имели двоякий и изменчивый характер. В процессе экономического и культурного взаимодействия этносы и свойственные им культуры выступали как селекционирующие силы Божества. Подвижные степные скотоводы стали основой древнейшей историко-культурной общности, которую исследователи связывают с формированием индоиранских языков и этносов. Это способствовало широкому распространению восточно-иранских языков и этносов на всей территории среднеазиатско-казахстанской историко-культурной территории.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что согласно собранным историко-этнографическим материалам по животноводческой отрасли

¹ Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. Средняя Азия. Кн. 11. Ташкент, 1910. С. 30.

² Андрианов Б. В. Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., 1990. Вып. 3. Этнография. С. 12.

хозяйства таджиков, система ведения этой отрасли, типология и формы скотоводства в основном являются традиционно-таджикскими, а применяемые в данной отрасли термины относятся к иранской группе языков.

Приведем некоторые сведения по терминологии животноводства таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX вв., где представлены, в частности, все возрастные названия домашнего скота, что может еще раз подтвердить древность данной отрасли и ее равное сочетание с земледелием у всех таджиков горных регионов.

Это касается и пастухов-чабанов, которых называли следующими терминами:

«аркор» – старший чабан;

«дахмарда» – чабан;

«ало» – средний чабан;

«ердамчи» – младший чабан, помощник чабана.

Следует отметить, что возрастные названия домашнего скота весьма распространены и среди тюркоязычных народов. Это можно проследить на примере терминов, касающихся овец, которых в окотное время, в зависимости от ее положения, именовали по-разному. Так, до окота ее называли «субайди», после окота «чушой» (тадж.) или «совлик» (узб.), т.е. дойной; овцу, у которой погибал ягненок, называли «совди». Как видно из приведенных терминов, в основном все они являются таджикскими. Кроме того, существовали различные названия для ягнят: «навзоч» – 1-3-дневные ягнята; «овозгир» — старше 15 дней, которые голосом могли оповестить свою мать о своем местонахождении; «кенчаки» – ягнята, родившиеся в конце или после окончания окотного сезона; «барача» – общее название для ягнят. Данные термины также являются таджикскими.

Следует отметить, что близкие соседи таджикского населения – узбеки-локайцы, для которых отгонное животноводство было характерно вплоть до начала XX в., также пользовались этими терминами.

Исследователи отмечают, что локайцы застали на территории южного Таджикистана хорошо развитую хозяйственную специализацию племен, и разрушить эту систему они не могли, наоборот, со временем стали одним из ее звеньев¹.

Примечательно, что в окотный период применялись различные приемы и термины, которые красноречиво говорят о высоком мастерстве и традиционности овцеводства среди таджикского населения, что, в свою очередь, подтверждается высказыванием Б. Х. Кармышевой о характерности данной отрасли скотоводства для таджикского этноса с древнейших времен.

На примерах животноводческой отрасли ярко прослеживаются этнокультурные связи таджикского и тюркоязычного населения, складывающиеся на протяжении тысячелетий. В течение этого времени также происходил интенсивный обмен в сфере материальной и духовной культуры этих народов. В результате, многие термины иранского происхождения вошли в повседневную лексику тюркских народов и наоборот.

Из напитков следует описать «чолов» и «айрон» («хайрун»). «Айрон» считался любимым напитком чабанов отгонного скотоводства. Готовили его еще в древнейшие времена из овечьего и козьего молока. Во многих источниках приводится техника изготовления священного зороастрийского напитка «хаома». Считалось, что получали хаому из травы эфедры (русское название – эфедра средняя; латинское – *Ephedra intermedia schrenka et. – C. A. May*). Исследователи считают, что (по социальным причинам) в настоящее время во многих странах, в которых живут приверженцы зороастризма, древний рецепт приготовления напитка «хаома» утерян. Вероятно, способы приготовления «хаомы» в действительности отличались от вышесказанного. Дело в том, что в период Заратуштры в хозяйственно-культурной жизни населения четко выделялось преимущество животноводческого хозяйства.

¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Ин-т. ист, арх. и этн. 1953. Т. XXVIII. С. 77.

Так, в «Авесте» пишется, что основным имуществом дома является скот, отсюда обычное в этой книге перечисление «скот, имущество, богатство»¹. В «Яштах» говорится о приношении богам в жертву «сотни жеребцов, тысячи быков, десятков тысяч овец». В стране, где земледелие занимает жизненно важное место, принесение в жертву тысячи голов быков неуместно и непрактично.

Известно, что в период жизни Заратуштры в хозяйственно-культурном типе предков таджиков четко выделялось преимущество животноводческого хозяйства. Отсюда и преимущество в рационе питания зороастрийцев скотоводческих продуктов, в том числе и молочных напитков. Священный напиток «хаома», скорее всего, изготовлялся из овечьего молока, возможно, с добавлением каких-то плодов. Но для получения хмельного питья здесь ничего не добавлялось. В пользу такого вывода говорит тот факт, что данный напиток в Бальджуане, в горном селении Вьен, Даштиджум и других называется «хайрун», «хайрон», и он был широко распространен в прошлом в быту у таджиков. Семантика этого слова объясняет состояние человека после того, как он выпил крепкий напиток, имеющий опьяняющее свойство. По-видимому, слово «айрон» пошло от термина «хайрун», «хайрон». Способ приготовления этого напитка был таков: перед употреблением взбивали, что аналогично технике приготовления таких напитков, как айрон (из овечьего и козьего молока), дуг (пахтанье, во время сбивания масла), кимиз (из кобыльего молока), чолов (напиток из пахтанья с добавлением воды) и т. д.

При этом следует отметить, что кобылье молоко содержит, в сравнении с коровьем, большее количество (в среднем 6,1 %) молочного сахара, которое при брожении превращается в спирт и молочную кислоту. Из этого молока на Востоке издавна изготавливают кумис. Название и способ приготовления этого напитка, по всей вероятности, произошли от древних куманов, населявших степи Азии. Как уже нами было отмечено, употребление этих напитков являлось характерной чертой кочевников-скотоводов индоиранских

¹ Яшт VII. 8.

племен, что засвидетельствовано древними источниками – об этом писали Геродот и Аристотель. Оказывается, скифы пили его, передавая чашку по кругу. Интересно высказывание Аристотеля относительно того, что «не позволялось пить круговую чашу во время праздника тому, кто еще не убил ни одного врага». Молоко, как в древности, так и сегодня у таджиков воплощает белизну, сакральную чистоту и является объектом особого почитания. Как отмечает В. П. Курылев, это его значение уходит своими корнями в скифо-сарматское время¹.

Древнюю этнокультурную связь между древними арийцами и тюркскими племенами можно проследить и на примере животноводческого жилища. В строительстве животноводческого жилища у таджиков существовало много обычаев и обрядов, которые имели магическое значение, некоторые из них являлись пережитками анимистических верований. В основе летних садовых жилищ и стационарных помещений таджиков явно прослеживаются многие элементы земледельческого жилого помещения. Кроме того, применяемые термины и названия – почти все таджикского происхождения. Без сомнения, стационарные жилища таджиков - скотоводов имеют в своей основе форму жилищ своих ранних предшественников.

Как пишет В. Басилов, купольный круг «шанграк» восходит к индоиранскому «чакра» – «круг», «колесо». Монгольское название юрты «гэр» перекликается с иранским «хиргох» – шалаш круглой формы. По мнению этого автора, к слову «хиргох» восходит название решетки «кереге» у группы тюркских народов. Интересно отметить монгольское название столба юрты — «бахана». По мнению В. Басилова, слово «бахана» является иранским и означает «божественный». В таком значении это слово было известно в хорезмийском языке и известно сегодня в осетинском².

¹ Курылев В. Кумыс – ритуальный напиток кочевников Евразию. В сб. «Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации. Материалы международной конференции. г. Алматы, 5-7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 55.

² Басилов В. К истории юрты // Культура кочевников на рубежах веков (XIX – XX, XX – XXI вв.). Проблемы генезиса и трансформации. Алматы, 1995. С. 53.

Истоки такого рода жилища восходят к эпохе бронзы, когда начали формироваться подвижные формы животноводства. Раскопанные археологами остатки круглых жилищ легкой конструкции в Тегузаке и Дахане могут быть весомыми аргументами этой научной версии¹.

Поддерживая мнение данного автора, следует отметить, что, возможно, слово «бахана» может означать также помещение, вместилище, от корня слова «хана», «хона» – дом.

Народные представления, связанные с кровлей и в том числе с опорными столбами – колонами, скорее всего, трансформированы и когда-то олицетворяли бога-творца, святых предков, что является ярким примером переосмысливания древних народных анимистических верований и представлений.

В плане этнокультурной общности также нельзя обойти молчанием существование еще в недалеком прошлом очень любопытного обычая – 7-дневного запрета на посещение летовья. В отдельных регионах современного Таджикистана верховьев Зеравшана (Ягнобе), Припамирье и других районах существовал обычай – 7-дневный запрет на посещения летовья посторонними, особенно мужчинами, который соблюдался в первые дни переселения туда женщин и детей вместе со скотом. Запрет соблюдался очень строго, и в случае его нарушения виновные подвергались определенным наказаниям.

Обычай 7-дневного запрета исследователи интерпретируют по-разному. Так, М. С. Андреев предполагает, что этот обычай «связан с заклинанием, магическим действием, направленным против волков, и имеет целью предохранить стада овец от их нападения»². А. Е. Снесарев рассматривает его как пережиток отдаленного группового брака. Он пишет: «На вопрос, почему это делается так, некоторые говорят, что так повелось от

¹ История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. Душанбе: Суруш, 1998. Т. 1. С. 164.

² Андреев М. С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму Дарьи). Вып. II. Сталинабад: Изд. АН Тадж. ССР, 1958. Ч. 2. С. 340.

дедов, другие, что в первые дни за мужчинами по пятам может пробраться волк; некоторые что-то говорят о дурном глазе. Ясно, что реальный смысл обычая народом забыт. Есть намеки на то, что в странах Пригиндукушья Припамирья существовал некогда общинный брак... Допустив такой брак и то несомненное обстоятельство, что религия и законодатели всегда нормировали брачные отношения, можно создать такую картину. В далекие времена существование в этих странах общинного брака, законодатель в целях предупреждения рождения детей в самые суровые месяцы зимы – декабрь и январь, когда при дикой некультурной обстановке могли гибнуть и дети, и роженицы, – пользовался первыми неделями, или, может быть, месяцами после выгона скота на летовки – март и апрель, как период разъединения мужского и женского элементов общины, запрещая под этой или другой религиозной формулой мужчинам посещение летовок. Цель этим достигалась. С прекращением общинного брака, когда о рожденном ребенке, кроме матери, мог заботиться и отец, когда обстановка естественно была улучшена, – правило непосещения мужчинами летовок теряло свой острый характер... и срок непосещения летовок был сведен на одну неделю». И далее А. Е. Снесарев добавляет, что «...на свое решение я смотрю только как на догадку»¹.

Существование данного обычая прослеживается не только у таджиков. Он существовал и у других народов и был также связан со скотоводством. Так, у молдаван с Георгиева по Дмитриев день обычай запрещал чабану спать с женой. Это объясняется тем, что «...женщины могли оказаться неаккуратными, нечистыми, а это могло отрицательно сказаться на ведении молочного хозяйства. Женщины могли отбирать «матку у овец»². Следует обратить внимание на то, что у молдаван в прошлом животноводство было с самого начала исключительно мужским занятием, а женщинам повсеместно

¹ Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 93. С. 78.

² Фуртунэ А. Т. Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в.: (историко-этнографический аспект). Кишинев: Штиинца, 1989. С. 65.

запрещалось участвовать в нем. Женщины не имели права доить овец, гонять их на дойку и т. д.¹. Как видим, у молдаван, в отличие от таджиков, молочное хозяйство было чисто мужским делом. Здесь существовало поверье, что женщины считаются «нечистыми» и своим участием могут навредить как изобилию молочных продуктов, так и увеличению поголовья скота. И этот запрет, как и у таджиков, распространялся на определенное время. Можно предполагать, что данный обычай молдаванам ранее не был свойственен и был заимствован у соседей, и скорее всего, его генезис уходит на Восток.

Здесь будет уместно отметить, что половое сношение в прошлом у многих народов в определенные времена года имело ритуальное значение и посвящалось богине матери и любви. У персов богиню называли Митра, в честь нее строили специальные храмы, где в определенные дни проводились религиозные ритуалы, сопровождавшиеся музыкой и занятием любовью. Существовало также представление, что не поклонение богине может обернуться страшной болезнью. Почитание и культ данной богини в различные времена года проявлялся по-разному и под разными названиями. Но следует отметить, что проявлялась и двойственная природа каждого божества: богиня созидает и рушит; творит и умерщвляет. Она проходила ряд этапов развития, в которых проявлял себя культ женского божества². Таким образом, по нашему мнению, здесь прослеживается двойственная природа поклонения богине-матери³.

Изучение молочной посуды конца XIX – начала XX вв. на примере маслобойки (по историко-этнографическим материалам) дает нам еще одно основание говорить об их обще-среднеазиатском начале.

При анализе некоторых терминов, обычаев и обрядов, их генезисе на

¹ Фуртунэ А. Т. Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в.: (историко-этнографический аспект). Кишинев: Штиинца, 1989. С. 64.

² Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. С. 79.

³ Можно также предположить, что обычай «шахтутмол» в южных районах Таджикистана, существовавший до начала XX вв., являлся именно отголоском этого культа. – *Авт.*

фоне материальной культуры, все использованные данные (археологические, историко-этнографические и др.) составляют общую картину. Ареалы различных форм накладываются друг на друга таким образом, что можно выделить две крупные историко-культурные области: северный – согдийский и южно-тохаро-бактрыйский. Эти территории и являются основными областями сложения таджикского народа. С древнейших времен начался синтетический процесс, который привел в дальнейшем к сплавлению местных и пришлых элементов, результатом которого явилось формирование современных средне-центрально-азиатских этносов.

5.2. Культ животных и сохранившиеся архаические пережитки в животноводстве таджиков

До настоящего времени среди таджиков сохранились многочисленные поверья, связанные с почитанием культа животных, в основном домашних. Все эти представления несут в себе четкую и содержательную историко-этнографическую информацию по изучаемой нами теме. Об этой проблеме в историко-этнографической литературе имеются некоторые сведения¹.

Представления, связанные с почитанием животных, очень удачно переплетены со многими сферами жизни скотоводов – семейно-бытовой, праздничной, похоронно-погребальной и хозяйственной.

Для более полного освещения вышеназванных жизненных сфер в

¹ *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма: оссуарии. / ред. С. А. Трудновская; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971. С. 23; *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи // По Таджикистану. Вып. 1. Ташкент, 1927. С. 42-59; *Андреев М. С.* Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиатским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства // По Таджикистану. Вып.1. Ташкент, 1927. С. 42-59; *Кисляков Н. А.* Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия. № 15. Сталинабад: Изд-во АН СССР, 1949. С. 37-46; *Рахимов М. Р.* Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза // Памяти М. С. Андреева. Душанбе, 1960. С. 180-187 и др.

данном исследовании приведены некоторые сведения также о лечебно-магических и культовых представлениях, связанных с древними архаическими верованиями, о животных и чабанских атрибутах принадлежности.

Анализ исследований по данной теме показывает некоторую предвзятость отдельных исследователей в подходе к «культу» животных. Наш аналитический подход к анализу архаических пережитков различных регионов Таджикистана благодаря историческим, археологическим и больше всего — этнографическим материалам позволяет ретроспективно осветить некоторые аспекты и сложности данного вопроса.

Культ коня. Данная тема в разное время была затронута различными исследователями (Е. Е. Кузьминой, С. П. Нестеревой, А. Мардоновой, В. О. Виттом, А. М. Беленицким, А. Н. Бернштамом, С. П. Толстовым, Б. А. Литвинским, Ю. А. Рапопортом и др.).

Например, Е. Е. Кузьмина исследовала вопрос о заимствовании племенами Центральной Азии у арийских племен традиции одомашнивания лошади и культа коня. С. П. Нестеров, говоря о роли коня и его культе у тюркоязычных племен Центральной Азии, ставит под сомнение факт заимствования этого культа, что было отмечено Е. Кузьминой. Более подробно данную проблему освещает А. Мардонова. В ее работе приведены очень ценные полевые этнографические материалы о роли коня в хозяйстве таджиков, в свадебных, похоронных и родильных обрядах. В заключении своей работы А. Мардонова приходит к выводу, что многие обряды, связанные с конем, были известны у таджиков задолго до проникновения в среднеазиатский регион ислама, этот культ своими корнями уходит в глубь веков. В то же время А. Мардонова, анализируя огромный этнографический материал, при этом искусно обходит весьма важный вопрос о генезисе «культа коня».

«Культу коня» во многих религиях народов мира отводилась большая роль. Чтобы определить, насколько эти представления были связаны с

«культами» коня, необходимо рассмотреть и интерпретировать имеющийся историко-этнографический и археологический материал.

Существуют различные мнения по поводу того, что многие исследователи связывают обряд жертвоприношения коня с самим «культом» коня. Например, относительно ряда тюркоязычных народов подобного мнения придерживаются Л. П. Потапов и К. В. Вяткина.

Чтобы разрешить данный вопрос, следует выявить сущность самого жертвоприношения, как явления. Многие исследователи тесно связывают решение данной проблемы с первоначальным местом доместикации лошади – с Евразией. Трудность вопроса заключается в том, что в пределах Евразии имеется несколько предполагаемых центров одомашнивания лошади. Автор полностью согласен с мнением С. П. Нестерова относительно того, что истоки «культы коня» в Евразии определяются выводами и моноцентрической концепцией доместикации лошади, согласно которой впервые «культ коня» появился у индоевропейских племен Восточной Европы в конце IV тысячелетие. до н. э. и вместе с домашним конем вскоре распространился среди соседних народов¹.

Появление в Центральной Азии домашних лошадей по времени совпадает с периодом миграции арийцев, в частности скифов, у которых уже были домашние лошади. Вместе с животными были заимствованы ритуально-мифологические представления о лошади и связанные с этим обряды². Эта точка зрения близка к идее Е. Е. Кузьминой, считающей, что ритуалы, связанные с конем, у тюрков очень близки индоевропейским и заимствованы они у них вместе с самим животным и его названием³. Авторы правы в том, что одним из религиозных истоков «культы коня» являются тотемистические представления о нем. И, разумеется, они древнее времени

¹ *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 13.

² Там же. С. 96.

³ *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культу коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // *Средняя Азия в древности и средневековье.* М., 1977. С. 45.

одомашнивания лошади и связаны с диким конем.

С. П. Толстов полагал, что погребение в сопровождении коня, встречаемое у народов Средней Азии, связано с тотемистическими представлениями о коне¹. С. П. Нестеров не во всем соглашается с Е. Е. Кузьминой. В приведенном им заключении сказано, что «...заимствование домашней лошади племенами Центральной Азии, как предполагают исследователи, у индоевропейских народов, впервые приручивших животное, не привело к одновременному заимствованию также и индоевропейского комплекса ритуально-мифологических представлений о коне. Ритуальное отношение к коню у племен Центральной Азии начинает складываться значительно позже, скорее всего, со второй половины II тысячелетие до н. э., и его развитие связано с этапами освоения транспортной функции коня, запряжка в колесницы, верховая езда. И, видимо, только в начале I тысячелетия до н. э. окончательно оформляется ритуальное использование коня в этом виде, в каком оно представлено в средневековых памятниках: жертвоприношение коня и его сопогребение с человеком»².

По многим историческим источникам нам известно, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в Средней Азии сложились два центра, где разводили породистых лошадей. Один находился в Фергане, другой – в древнем Хуттале. Согласно китайским источникам, Фергана дважды становилась объектом нападения китайцев с целью завладеть «небесными лошадьми»³.

Первые исторические сведения о хуттальской лошади датируются I тысячелетием до н. э. и обнаруживаются вплоть до XIII в. до н. э. Согласно утверждения Б. Х. Кармышевой, современная локайская лошадь в южном

¹ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. С. 303.

² Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 111.

³ Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 158.

Таджикистане является прямым продолжателем этих древних, замечательных, быстроаллюрных лошадей Хутталя¹.

По нашим историко-этнографическим материалам, данную породу лошади старожилы называют исконно местной, и многие из них (кроме специалистов по данной отрасли) даже не имеют представления о названии «локайской» породы. В целях улучшения «центрально-азиатской» породы использовались персидские кобылы, представляющие лучшую верховую породу среди среднеазиатских лошадей². Почти все тюркские породы лошадей с целью их улучшения постоянно скрещивались со среднеазиатскими породами. Известно, что в древности поставщиком крупных верховых лошадей в Центральной Азии являлась Средняя Азия. Например, золотистая масть является исключительной характерной особенностью аргамаков Средней Азии³. Высокая роль коневодства у таджиков нашла свое яркое отражение в мифологии, фольклоре и изобразительном искусстве.

С древнейших времен предки таджиков почитали огонь, воду, землю и воздух. Им в жертву приносили все самое ценное, что было в их хозяйстве. Жертва бывала кровавой и бескровной. Жертвоприношение коня, которое многими воспринимается, как культовое явление, на самом деле являлось обычным жертвоприношением. По этому поводу С. П. Нестеров пишет следующее: «... истоками ритуальной роли коня в Центральной Азии могли быть тотемические представления местных племен о коне или заимствование культа коня у индоевропейцев...»⁴. Тотемическое представление о коне является одним из вероятнейших проявлений культа коня.

Сутью этого воззрения является вера в сверхъестественную связь и

¹ В турецком языке название коня заимствовано из персидского языка // *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 84-87.

² *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 36.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 36, 92.

родство между определенными группами людей и животными или растительным миром. Гибель тотема было несчастьем для рода, в то же время практиковалось ритуальное умерщвление тотема и его поедание с целью обеспечения благополучия данного рода¹. Корни данного обычая уходят в более глубокую древность, когда в жертву приносился еще сам человек. По этому поводу Страбон писал: «Самую лучшей смертью считается у них (массагетов) та, когда дожившие до старости изрубливаются вместе с бараниной, и в таком виде поедаются»². Для старцев смерть от рук соплеменников являлась благом. Здесь явно прослеживается культ «отцов» или «старцев». Считалось, что лучшие качества этого человека должны были перейти к участникам трапезы. Таким путем они надеялись добиться перехода души. Если же хранили череп, то он представлял собой самого умершего. Считали, что, имея власть над головой, можно иметь власть над всем телом, его существом. Таким образом, умерший вынужден был помогать живым³.

На ранней стадии возникновения жертвоприношения подобное явление можно было характеризовать как анимистическое и фетишестическое. Видимо, в более позднее время жертвоприношение человека было заменено принесением в жертву почитаемого животного, в частности коня.

Ю. А. Рапопорт полагает, что одним из характерных представлений тотемизма является то, что смерть считается обращением в тотемное животное⁴. Жертвоприношение коня являлось важнейшей церемонией в честь бога Варун⁵, а также в обряде ашвамедха, описанном в Ригведе, где жертва называется Тваштра (мировым конем). Значение этих жертвоприношений в том, что царь перевоплощается, происходит его новое

¹ Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма: оссуарии / ред. С. А. Трудновская; АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1971. С. 23.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Шатапатха брахмана VIII. 3-13; XIII. 3, 31.

рождение, где он приобретает могущество и бессмертие.

В далеком прошлом, по древнеиндийской мифологии, одним из зооморфных образов Вселенной был конь (ашза). В коне воплощались древнеиндийские боги Индра, Ашвина Сурья, Ушас, авестийские – Митра, Веретрагна, Фарн (Хварн), Сиявуш Вайю, Тгшрия, Кори Дадхикра и Таркшья являлись объектами поклонения древних индийцев и приносились ими в жертву¹.

На территории Средней Азии имеются многочисленные иконографические мотивы изображения коня, связанные с погребальным обрядом. По мнению многих исследователей, образ коня идентифицируется с солярными представлениями и солярным божеством Митрой, о чем могут свидетельствовать согдийские документы с горы Муг. Они содержат сведения о распространении этих поверий и в Согде.

Сохранилось много предметов искусства, отразивших культ коня. Например, конь золотой колесницы Амударьинского клада или же фрагмент, где конь приносится в жертву.

Проявление культа коня наблюдается во всех горных районах Таджикистана. В частности, с лошадей связан широко распространенный среди таджиков Кулябской зоны интересный обряд, известный под названием «зорбанд». Суть этого обряда заключалась в следующем: при смерти хозяина лошадь в полном снаряжении (причем на нее погружалась и вся одежда покойника) сопровождала процессию до самого кладбища. После похорон (в некоторых районах) эту лошадь продавали в отдаленные места, чтобы не видеть ее, так как она напоминала о своем хозяине. У таджиков Бальджуана лошадь не сопровождала похоронную процессию. Здесь одновременно со смертью человека резали и его коня, а мясо пускали на угощение («оши сари тахта»). Участники похоронно-погребального обряда после ритуальной трапезы брались за погребение покойника. Отказывались

¹ Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. С. 53, 55.

есть только члены семьи умершего. В этом поминальном мясе им виделось тело их покойного родственника. По материалам А. Мардоновой, у отдельных групп таджиков вместо коня порой оплакивали вдову, а в некоторых случаях и ее ребенка. Конь в данном обряде жертвоприношения выступает как посредник между миром живых и небесной обителью. Аналогичные обряды наблюдаются и у многих народов Кавказа (осетин, лаки, чеченцев, ингушей). По мнению Е. Е. Кузьминой, этот обряд был принесен на Кавказ иранцами¹.

У горных таджиков бытовало поверье, что если жеребенка кормить грудным молоком, то он вырастет понимающим и преданным своему хозяину. К такой лошади у таджиков было особенное доброе отношение. После смерти такой лошади ее полагалось хоронить в могиле, предварительно завернув голову в белую материю – саван. Здесь мы явно прослеживаем один из религиозных истоков «культы коня» и связан он с тотемическим представлением об этом животном.

Культ небесных коней имел большое распространение во всей Средней Азии. Так белый и черный конь в старину представляли свет и тьму, день и ночь и т. д. В «Шахнаме» А. Фирдоуси черная и белая лошадь олицетворяет бег времени².

В Средней Азии в культе бога умирающей и воскресающей природы важную роль играл конь под именем Сиявуш. В связи с этим, следует отметить, что в героических эпосах у ираноязычных народов многие герои и их образы связаны с конем. Одним из таких эпосов и является поэма «Шахнаме» А. Фирдоуси. Это – редкий исторический источник в изучении истории всех народов Средней Азии. Можно упомянуть здесь и такой древнейший исторический источник, как «Авеста». Именно в нем мы

¹ Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 41.

² Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. С. 28.

встречаем тотемические представления, связанные со многими животными, особенно с конем. Это было время, когда индоарийские племена стремились приручить коня и использовать его как транспортное и боевое животное. К сожалению, мы не можем подробно остановиться на этих источниках по той причине, что они требуют специального исследования.

Во многих героических эпосах конь представляется как существо, хорошо понимающее своего хозяина, спасающее его от смертельной опасности, являющегося ему верным другом.

Следует отметить, что на культ коня не смог повлиять даже ортодоксальный ислам. Например, недалеко от Ура-Тюбе сохранились следы лошади Дуль-дул, являющейся, по представлениям мусульман, конем пророка Али.

Почти у всех горных таджиков представления о лошади имели двойственный характер. С одной стороны, о лошади говорят, что она произошла от дева – «зоти дев аст» и поэтому остерегаются ее. Считают, что в ночное время ее спутниками становятся джины¹. С другой стороны, есть мнения, что она была создана из того же праха, что и человек – «аспу одам аз як хок аст». Поэтому считают, что лошадь требует к себе бережного человеческого отношения.

Следует отметить, что не все таджики употребляют в пищу конину, и объясняют это они по-разному. Одни считают ее мясо несъедобным, так как лошадь не пережевывает съеденное. Другое объяснение было такое: конину не употребляют в пищу по той причине, что ее фаллос напоминает ослиный — «мардиаш мардии хар барин». Ослиное же мясо считалось поганым — «харом». В тех местах, где употребляли конину в пищу, прежде чем коня заколоть, его хорошенько гнали, чтобы он сильно пропотел, и чтобы с потом из него вышло все поганство — «буи бадаш барояд». В северо-восточной части Таджикистана, по народному представлению, конь считался райским

¹ *Абдулвохидов Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX веков. Душанбе, 1997. С. 24.

животным – «хайвони бихишти аст»), а его мясо – желанным.

Там, где население употребляло конину в пищу, обыкновенно коня приносили в жертву и устраивали «хомталош», раздавали мясо с целью умилоствления духов предков и отведения беды от этого хозяйства. В селении Ел (Даштиджум), когда лошадь умирала, ей отсекали голову – «халол кардан», а тело бросали на съедение зверям. Захоронение головы коня – это отголоски культа коня, когда практиковался обычай жертвоприношения коня или его головы.

В некоторых горных селениях существовало поверье, что конь существует на земле очень давно, еще с тех времен, когда на земле не было человечества, и что первоначально он жил в образе дива. Другое предание гласит, что, когда человек был только что сотворен из глины, «шайтан» (черт) подошел к лошади и, показывая на глиняную фигуру, сказал: «Это человек, который в будущем будет твоим укротителем. Оседлав, будет ездить на тебе верхом («зин зада савор мешавад»), поэтому ты должен уничтожить эту глиняную фигуру. Но лошадь не поверила черту и не стала предпринимать никаких мер, и тогда черт сам первым подошел к фигурке и плюнул на нее. Его слюна попала в область живота, в то место, где пуповина (вот почему в народе человеческую пуповину связывают со слюной шайтана). Тут же из этой части человеческого тела появилась собака, которая набросилась на шайтана и отогнала его от человеческой фигуры. Сама же осталась охранять фигурку от дальнейших повреждений, чем и проявила свою преданность по отношению к человеку. С тех пор собака является верным другом человека и служит ему верой и правдой до конца своих дней.

Историко-этнографические материалы содержат аналогичное представление о том, что лошадь сотворена из такого же состава, что и человек. Таджики горной части утверждают, что лошадь обладает большим умом – «асп фарасай, акл дорад». Некоторые поверья, опять же, имеют двойственный характер и противоречат друг другу. Например, считается, что свои бешеные скачки лошадь унаследовала от своих предков-дивов. Здесь

нам удалось зафиксировать интересный рассказ о водяных лошадях. Недалеко от священного места «сурх-пушу, савз-пуш» (с. Вьен) в далекие времена существовало небольшое озеро. По народному преданию, на дне озера водились водяные кони. Один раз в году, глубокой ночью, они всплывали взмыленные со дна озера, выпуская изо рта и носа огонь, скакали вокруг озера и под утро опять исчезали в озере. Следует отметить, что при появлении на суше, они становились невидимыми для окружающих. Тем, кому удавалось все-таки заметить их, не следовало говорить об увиденном, иначе очевидцам грозила слепота.

Культ быка и коровы. Древнейшими отголосками таджикской культуры и мифа можно назвать пережитки культа «говпараст», распространенного во многих регионах северного Таджикистана, в том числе и в Ходженте. Об этом может свидетельствовать находка в квартале Тахти шохтут, близ мазара Хучаи Рушнои отлитой из бронзы фигуры водолея в форме быка. Здесь, как и у других таджиков, широко практиковалось окуривание коровьим навозом помещения, где находился больной или беременная женщина¹.

Ряд интересных обычаев и обрядов связан с первым днем вспашки земли (ранней весной). Для рабочих волов в этот день пекли в золе специальную лепешку – «кумоч», которую хозяин брал с собой (за пазуху) в поле и там кормил ею волов. Перед уходом в поле волам мазали рога топленным маслом и читали над ним благословляющую молитву. Когда возвращались домой, хозяйка, стоя у порога хлева, обсыпала мукой волов и хозяина.

В Ишкашимае и в других районах Памира перед началом пахоты варились «оши кочи». Блюдо приносили на поле, хозяин зачерпывал полную ложку, выливал себе в ладонь содержимое и, став перед быками, запряженными в плуг, брызгал им на морду оши кочи и размазывал рукой. Другие люди, пришедшие с хозяином на пашню, принимались за еду, но они

¹ Мирбабаев А. К. Историческое наследие Худжанда. Душанбе, 1995. С. 129.

не должны были съедать ее до конца, оставшейся частью кушанья они обмазывали лица друг другу¹. Почтительное отношение к быкам – «бык-пахарь», «бык-сеятель», «бык-прародитель» и другие было характерно и таджикам других районов. Жители Костакоза вешали на шею волов амулеты в виде бус, вырезанных из древесины боярышника, а в горных районах делали из дерева туг, либо из простой материи в виде треугольного тумора².

Корова также считалась у таджиков почитаемым животным, но почитание относилось к коровам особой масти. Особенно почиталась корова синей масти. По рассказам жителей селения Хазрати Имом (Куляб), здесь имелось священное место – мазар, где, по народному преданию, был похоронен священник – *ходжи*. Согласно существующим поверьям, тело ходжи везли хоронить на паре синих волов (чуфти гови кабут).

Хорошим и лечебным считалось молоко коровы синей масти. Например, как лекарство оно применялось при простудных заболеваниях, при кашле (кабут-хафа), острых болях в области живота и др. Женщине, у которой случались частые выкидыши, и которая не могла иметь ребенка, рекомендовали употреблять коровью мочу. В этом случае выбиралась корова пестрой масти. Полагали, что после этих процедур болезнь переходила к корове, а женщина приобретала возможность иметь детей.

Когда хозяин решался продать такую корову, то брал немного шерсти с ее лба, заворачивал в чистую тряпочку и прятал в какой-нибудь щели (чихт) хлева. Это делалось с той целью, чтобы сохранить всю благодать этой коровы в хозяйстве. Дойную корову никогда не приносили в жертву – «хумталош».

Согласно существовавшим народным представлениям, животные имели своего покровителя. Им был пророк Ибрагим Халилло, который, как и

¹ Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX начале XX веков. Душанбе, 1984. С.79.

² Еришов Н. Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Таджикской ССР / Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXIII. Сталинабад, 1960. С. 194.

земные люди, имел своих животных. Так, волк считался собакой Ибрагима Халилло и служил только ему, горный козел являлся его козлом; появление на свет овцы также связывают с его желанием и горячим дыханием, олень являлся коровой Ибрагима Халилло.

Культ барана. В Средней Азии почитался и баран. Таджики, как и другие народы Средней Азии, называли барана райским животным – «бихишти». В народных верованиях, связанных с овцой, по мнению Б.А. Литвинского, «наиболее обнажено выявляются тотемистические истоки»¹. Как культовый пережиток, у таджиков сохранилось почитание, как самого барана, так и некоторых его частей. Например, если случайно чабана укусила змея или насекомое, и неоткуда было ему ждать помощи, то он должен был войти в кутан и лечь спать среди овец, так как, согласно существующим поверьям, овца является райским животным и обладает чудодейственной силой, а ее жевание – «нухшор» является своего рода молитвой, направленной на выздоровление чабана. Согласно этим поверьям, место, где держали баранов, считалось недозволенным для оправления. Считалось, что если баран наступит на это место, то он будет хромать.

В прошлом баран являлся единственным жертвенным животным на религиозном празднике Курбан. У всех таджиков к этому празднику выбирали и откармливали в течение 3-х лет барана особой масти. Следует отметить, что в Кулябской области в различных районах для этой цели выбирали баранов различной масти. Когда рождался ягненок синей масти, его тут же объявляли жертвенным – «курбони». Принесение этого барана в жертву считалось обязательным, и через 3-4 года после тщательного ухода совершался обряд жертвоприношения. Мясо жертвенного барана, как и поминального, пускали целиком на трапезу. Во время еды, согласно существующим поверьям, следовало полностью очищать кости от мяса, что якобы способствовало поправлению оставшихся в хозяйстве баранов, иначе

¹ Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История культуры. Связи. М., 1984. С. 78.

можно было повредить стаду, привести к истощению животных.

Овца не только была объектом почитания, ее мясо применялось как лекарство от многих недугов. Так, самым лучшим для употребления мясом является мясо годичной или же двухгодичной овцы. Самой хорошей и вкусной частью для употребления в пищу является часть шеи, плечи и подплечье. Овечье мясо по натуре является горячим второй степени, оно легко усваивается, калорийное и дает человеку силы.

Употребление овечьего сердца, печени и почек укрепляет в человеке соответственно его почки, сердце и печень. Не следует злоупотреблять регулярным использованием в пищу овечьих мозгов, так как может привести человека к частичной потере памяти.

Положительное действие удваивается, если овечье мясо сварить с фасолью и горохом. При этом хорошо также использовать уксус и мед. Очень полезны и овечьи ляжки, которые укрепляют организм, устраняя припадки, частое сердцебиение, усиливают запас калорий.

Считается, что очень эффективным и полезным является овечье сало. Если употреблять свежее баранье сало в сыром виде, сразу после закалывания барана, или же съесть его слегка поджарив, то это поможет при кашле, устраняет внутренние боли в области грудной клетки, помогает от бронхиальной астмы и полезно при венерических заболеваниях. Если взять кусочек свежего бараньего мяса и прижать его или же привязать к месту ушиба, то моментально устраняется боль и предотвращается образование опухоли. Аналогичным качеством обладает и шкура свежезарезанного барана. Зола из бараньего мяса помогает при укусе змеи и скорпиона. Если же эту золу смешать с вином и употреблять как настойку в виде лечебного раствора для компресса, то она поможет при укусе бешеной собаки. Зола от мяса используют также, как сурьму – она может устранить бельмо на роговице. А если смешать ее с уксусом в виде теста и положить на больное место, то можно излечить витилиго.

Овечья селезенка обладает горячей натурой. Она может устранить

различные пятна на лице, а также может помочь от катаракты. Если же к ней добавить и мед, то получится хорошее лекарство от всех видов кожной болезни витилиго.

Если помыть голову раствором, приготовленным из жидкости из селезенки с медом, то исчезнет перхоть на голове. Если только что обожженное место смазать свежей бараньей кровью, то эффект будет моментально положительным. Этот же способ можно применять и против чесотки.

Успешно применяется зола из бараньих копыт. Ею можно посыпать облысевшую голову или же смазать бороду. От этого начинают расти волосы. А если слегка подержать на огне баранье копыто, а затем почистить и употребить в пищу, то исчезнет полное кишечное расстройство.

Для того, чтобы баранина стала легкоусвояемой, ее надо употреблять с уксусом, который смягчает мясо. С этой же целью можно использовать также кисломолочную пищу – чакку, сушеный сыр (крут) и татум.

Большое значение придается также овечьему помету – пору. По натуре овечий помет является горячим и холодным. Его используют как мазь от опухоли или же водянки. Если помет перемешать с касторовым маслом, то он исцеляет раны, полученные от ожога. А если его еще перемешать и с уксусом, то помогает от аллергии, может устранить бородавки или же кисту.

В хозяйствах при лечении скота также очень часто использовался овечий помет. Например, из него готовили лекарственный раствор – «кучови», который применялся, в основном, против инфекционных заболеваний у скота.

Овечий помет помогает излечиться от многих болезней. Так, если болели суставы ног, рекомендовалось держать больные ноги в овечьем помете. В с. Рошткала бесплодную женщину лечили пометом овцы. В лечебных целях использовали обычно коровий и бараний помет, козий считался «холодным» и для лечения не годился. В с. Шитам практиковался сходный способ лечения, но, в отличие от Рошткалы, там пользовались

коровьим пометом – «жов гад», «дид». Свежий овечий помет применялся для лечения свежих ран.

У таджиков почитался также горный баран. Но почтительное отношение не мешало населению охотиться на него, так как его мясо использовалось как лечебное средство от многих болезней. Кроме того, употребление мяса горного барана считалось «савоб» – богоугодным делом.

Шкуру горного барана нельзя было использовать для обуви, хотя она очень прочная, потому что этим шкура осквернялась. Обыкновенно ее использовали как молитвенный коврик «чойнамоз» и как скатерть «суфа» для приготовления теста, изготавливали из нее также кожаный мешок-бурдюк для переноса и хранения сыпучих продуктов – муки, пшеницы и пр. В отличие от горного барана шкуру горного козла можно было использовать для изготовления обуви, но только для голенища. Опять же, по вышеуказанной причине, избегали ее осквернить. Считалось, что шкура горного козла во избежание осквернения также не должна касаться земли.

Исследователи считают, что образы барана и козла в древности, входили в культ как атрибут божества, олицетворяющие силы природы¹. В раннем средневековье они являлись жертвенными животными.

Коза у таджиков, в отличие от других народов, например, казахов, также являлась жертвенным животным. Из мяса жертвенной козы устраивали угощение «садака». Отношение к козе было двойственное. С одной стороны, как и овца, коза считалась райским животным. Существует также поверье: давным-давно, когда человек первый раз хотел вывести овцу из рая, она сопротивлялась, и только когда коза вышла первой, тогда и овца поспешила за ней. С тех пор и стала коза вожаком отары, а овцы всегда идут за ней. С другой стороны, считается, что коза происходит из рода черта – «шайтон аст».

Вера в духов патронов-пиров. Как уже говорилось, происхождение

¹ Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. С. 29.

скотоводческого занятия у таджиков имеет тысячелетнюю историю. Здесь существует немало представлений, приписываемых сверхъестественным силам. С распространением ислама они были исламизированы, и роли основателей этих профессий стали заменяться мусульманскими персонажами из священной книги Коран. Как уже отмечалось, согласно существовавшим народным представлениям таджиков, животные имели своего покровителя. Им был пророк Ибрагим Халилло, который, как и земные люди, имел своих животных. Так, волк считался собакой Ибрагима Халилло и служил только ему, горный козел являлся его козлом: появление на свет овцы также связывают с его желанием и горячим дыханием, олень являлся коровой Ибрагима Халилло.

Многие профессиональные занятия имеют свое объяснение в литографических рукописях – рисола (о происхождении и эволюции данной профессии). Что касается животноводства, здесь все сведения и секреты мастерства передавались устно. Следует полагать, писала О. А. Сухарева, что источником наиболее древних рисола, по образцу которых создавались все остальные, были древние мифы, по своему характеру близкие к имевшим универсальный характер мифам о «культурных героях», научивших людей покорять себе силы природы и использовать их¹. Эти древние персонажи, генетически связанные с патриархальными культами предков, со временем были заменены другими образами. Среди всех таджиков и других народов Средней Азии особо была сильна вера в духов, патронов-пиров, некоторые из них имеют весьма древнее происхождение. Так, патроном чабанов считался Чупон-ато, а патроном пастухов – Занги-бобо или Занги-ота. Чабаны верили, что во всей их деятельности им помогает дух пира, патрона их профессии. Он следит за их работой, может наградить за хорошее и наказать за допущенные ошибки. Поэтому чабаны старались всегда соблюдать неписанный закон своей профессии, требующий быть всегда духовно чистым,

¹ Сухарева О. А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков // Памяти А. А. Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Сталинабад, 1960. С. 197.

читать молитву и соблюдать все правила своей профессии. Каждый день работу следовало начинать с прочтения молитвы, где упоминались имя Всевышнего и имя патронов. Животноводам полагалось ежегодно приносить в честь патронов жертву – одного барана.

Во многих регионах Таджикистана существуют почитаемые места, названия которых связаны с именами покровителей животных и их патронов. В связи с этим, среди населения распространено множество легенд и преданий. Кроме того, эти мифические персонажи имели свои святые памятные места – мазары на территории Средней Азии¹.

Таким образом, в животноводстве сохранилось много архаических пережитков, восходящих к ранним этапам истории таджикского народа.

Древние идеи и образы, присущие этим пережиткам, восходят к начальным формам религиозной идеологии, зародившимся еще в раннем родовом обществе и составляют магико-анимистический пласт доисламской культуры.

Представления, связанные с почитанием животных, очень удачно переплетены со многими сферами жизни скотоводов – семейно-бытовой, праздничной, похоронно-погребальной и отражают раннюю историю хозяйственной жизни таджикского народа.

5.3. Традиции как инновация в реформировании животноводческой отрасли в Республике Таджикистан

Если пройти по страницам традиционной истории хозяйства таджиков советского периода и сравнить ее с нашим временем, то можно получить ответ на состояние и степень развития этого хозяйства, а также перспективы развития этой отрасли и роль традиционного способа в реанимации

¹ Мазар «Чупон-Ато» находился в Самарканде, Пархаре, Даштиджуме, Фергане; мазар «Занги-Бобо» расположен вблизи Ташкента и в Даштиджуме, которые до настоящего времени почитают и посещают паломники. – *Авт.*

животноводческого хозяйства.

В современном экономическом развитии требования к инновационному подходу неуклонно возрастают. Следует отметить, что данная проблема в теоретико-методологическом направлении разработана недостаточно. Мы считаем, что в различных отраслях экономики, особенно в животноводческом секторе, ее применение является необходимостью.

В работе отражено бесчисленное множество исторических сведений различных исторических эпох, развитие животноводческой отрасли, анализ форм и механизмов «исторических сдвигов» и поддержания традиций в обществах, выявление внутренних и внешних факторов, вызвавших трансформации, способствовавших сохранению преемственности и его обновления в настоящее время.

В начале дадим некоторый экскурс в историю советского периода по тематике развития животноводческой отрасли, которой придавалось большое значение. Благополучие этой отрасли зависело от состояния пастбищных угодий и определенной системы ведения хозяйства. Для этого еще в начале 40-х гг. XX в. неоднократно проводились различные попытки распределения пастбищных угодий между колхозами и совхозами.

В 1952–1957 гг. на основе сложившейся обстановки в сельском хозяйстве было проведено распределение пастбищ и все пастбищные угодья были переданы животноводческим хозяйствам. В 1970-е гг. по причине изменения соотношения поголовья скота (увеличение и его планирование) в хозяйствах заново было проведено перераспределение сезонных пастбищ, которое было утверждено 6 ноября 1973 г. на основе указа Совета Министров Таджикской ССР за № 358 «О перераспределении сезонных пастбищ между районами Таджикской ССР». Через несколько лет в связи с изменением количества поголовья скота и соотношения владельцев пастбищ, по требованию Министерства сельского хозяйства республики, было рассмотрено перераспределение пастбищ. 27 марта 1980 г. на основе указа Совета Министров Таджикской ССР за № 93 пастбища в республике были

заново распределены между хозяйствами. Все вышеуказанные изменения проводились в советский период¹.

Таким образом, в советское время, несмотря на принятые радикальные меры по сельскому хозяйству, до 1990 г. в обществе ощущалась острая нехватка животноводческих продуктов. Этот фактор являлся одним из признаков надвигающегося экономического кризиса в стране в целом. В 80-е гг. в Ховалинском районе был построен крупный животноводческий комплекс, где содержали десятки тысяч поголовья крупного рогатого скота. Но в вопросе обеспечения населения мясными и молочными продуктами никаких изменений не произошло.

После распада Советского Союза республика долго не могла перейти к новой экономической политике, особенно в области сельского хозяйства. Несмотря на миллионные расходы на строительство и наличие высококвалифицированных специалистов по данной отрасли в республике, животноводческий комплекс в Ховалинге был ликвидирован. Имея большие внутренние ресурсы для обеспечения и развития сельского хозяйства, ведомственные учреждения правительства Республики Таджикистан не смогли их использовать.

Начавшаяся гражданская война в Таджикистане нанесла огромный ущерб экономике республики. Были разрушены многие фермы, разграблены колхозы и совхозы. Поднялись цены на электричество, дизтопливо и на все виды продуктов питания. В это время в сельской местности происходили массовые забои скота, чтобы пережить голод. Плохие условия жизни привели к уменьшению не только количества скота, но и количества животноводов, пастухов и профессиональных специалистов по животноводству. Началась миграция большей части населения из сельской местности в города (в основном в Душанбе) на поиски работы. Война также нанесла огромный

¹ *Кубодов М.* Роххой окилона истифодабарии чарогоххо дар Чумхурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 100.

психологический и моральный ущерб населению.

В послевоенное время постепенно стало возрождаться сельское хозяйство, в основном в индивидуальном направлении. За это время была утрачена связь между поколениями в познании навыков традиционного ведения скотоводческого хозяйства. Многие специалисты по сельскому хозяйству еще не могли понять суть происходящих изменений в обществе и экономическом укладе. Они ждали денежных дотаций, постановлений, чтобы начать работу, или приостановить, даже в обеспечении ферм сеном или фуражом; ждали помощь или указания сверху. Государственные комбинаты по переработке животноводческих продуктов не получали сырье и перестали работать. Появились перекупщики между рынком и частными хозяйствами. Правительство вынесло постановление о формировании дехканских хозяйств на базе государственных и колхозных хозяйств, о которых речь пойдет в дальнейшем.

Постепенно стали происходить некоторые изменения в экономическом укладе. Несмотря на это, животноводство оказалось в состоянии глубокого кризиса. Учитывая все это, как было отмечено, были приняты некоторые меры в виде постановлений, имеющих характер реформ, которые отразились в основном на проблеме использования пастбищных угодий в республике. Но экономический кризис стал препятствовать всякому новшеству и тормозить прогресс в животноводческом хозяйствовании. С другой стороны, принятые реформы не могли охватить основную сущность недостатков и все стороны данной отрасли.

В период независимости Республики Таджикистан (в связи с истечением срока принятого положения об использовании пастбищ) была принята новая схема распределения сезонных пастбищ между районами и областями республики, которая была предложена Министерством сельского хозяйства в виде реформы земли и утверждено Советом Министров Республики Таджикистан от 14 мая 1993 г. за № 233. В 2003 г. правительство республики заново пересмотрело закон о распределении пастбищ, который

был принят на основе предложений местных, районных и областных Советов. 3 июля 2003 г. за № 49 новый закон был утвержден¹. Но насколько были учтены предложения указанных ведомств и сложившаяся обстановка в животноводческом секторе могут указать следующие факты.

На основе статистических данных о пастбищных угодьях в Республике Таджикистан за период с 1 января 2010 г. в распоряжении сельских хозяйств имелось 3 197 591 га земли. Из них 618 891 га составляли пастбища, в том числе 416 005 га летние и 202 886 га зимние пастбища. Эти пастбища находились в распоряжении государственных, коллективных, колхозных и крестьянских хозяйств. Некоторые статистические данные по количеству поголовья скота показывают, что в 1991 г. крупный рогатый скот (КРС) составлял 1 390 18 голов, из них в государственном хозяйстве числилось 514 966 голов скота (37 %), а в личном хозяйстве – 875 752 (63 %).

Мелкий рогатый скот (МРС) составлял 3 354 928 голов, а в государственном секторе – 1 557 343 голов (46 %), из них в личном хозяйстве – 1 797 585 голов (54 %).

Лошади – 52 612 голов, в государственном хозяйстве – 35 618 голов (68%), а в личном хозяйстве – 16 996 (32 %).

Данные 2010 г. (на 1 апреля):

КРС – 1 845 691 голов, из них в государственном хозяйстве числилось – 41 366 голов (2,2 %). В крестьянских хозяйствах – 109 794 (6,0 %) голов, а в личном хозяйстве – 1 694 531 (91,8 %) голов.

МРС – 4 424 038 голов скота, из них в государственном хозяйстве – 396 675 (9 %), а в крестьянских хозяйствах – 452 384 (10,2). В личных хозяйствах – 3 574 979 (80,8 %).

Лошади – 76 807 голов, из них в государственном хозяйстве – 7 662 (9,9 %) голов, в крестьянских хозяйствах – 13 804 (18 %) голов и в личных

¹ *Кубодов М.* Роххой окилона истифодабарии чарогоххо дар Чумхурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 100.

хозяйствах – 55 381 (72,1 %)¹.

Следует отметить, что приведенные статистические данные (до 1991 г.) отражают советский период (до начала братоубийственной войны) в Таджикистане, постсоветский период, а затем настоящее время. Они показывают, что животноводство в советское время в государственном секторе занимало прочное положение. В 2010 г., несмотря на ряд проведенных реформ и изменений в использовании пастбищ, сохраняется плачевное состояние новосозданных скотоводческих хозяйств, которым принадлежала основная площадь пастбищных угодий. Исходя из приведенных данных, основное количество поголовья скота в республике было сосредоточено в личных хозяйствах, но фактически они пользовались малыми и скудными пастбищами, расположенными около или вокруг сельских поселений. Это свидетельствует об упущении в вопросах равномерного распределения пастбищ в зависимости от поголовья скота в коллективных, государственных и частных хозяйствах, что было отражено в принятом законе от 3 июня 2003 г. за № 349, который непосредственно влиял на состояние животноводческой отрасли в республике в целом².

Как нами уже описано, для традиционного животноводства наличие достаточных пастбищ и сенокосов является главным условием развития данной отрасли. Урожайность природных угодий низкая (пастбищ 1-2 ц/га сухой массы, сенокосов 56 ц/га). Однако на орошаемых и удобряемых сенокосах урожайность достигает до 80 ц/га. Питательность природных кормовых угодий высокая (0,42-0,56 корм. ед. в 1 кг корма). Нагрузка скота на сенокосы и пастбища невысокая (на 1 га сельхозугодий приходится всего 0,3 гол. физ. скота).

Для увеличения урожайности и повышения питательности естественных кормовых угодий можно увеличить их площадь на присельских

¹ Кубодов М. Роххой окилона истифодабарии чарогоххо дар Чумхурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 100.

² Там же.

или общинных территориях, или же необходимо ввести индивидуальную частную собственность на сенокосы и пашню. Использование пастбищ должно регулироваться через сельскую администрацию и местные общественные организации. Возрождение традиционного животноводства может способствовать сохранению от коррозии и истощения земельных угодий, эффективному восстановлению пастбищ и обеспечению рационального экологически безопасного землепользования.

Наша республика является аграрной страной, и принимаемые реформы для реанимации сельского хозяйства в период перехода от одной экономической базы к другой являются необходимыми. К сожалению, на сегодняшний день использование пастбищ в животноводческих хозяйствах поставлено не на должный уровень. Как уже было нами отмечено, причиной является то, что основное поголовье скота сконцентрировано в личных хозяйствах, где сосредоточено 80 % всего поголовья скота, которым выделены наименьшие площади, имеющиеся в республике. В соответствии с зоотехническими правилами на одном гектаре зимнего пастбища позволено пасти два поголовья мелкого рогатого скота, а на двух гектарах – одну лошадь или одну единицу крупного рогатого скота. На летних пастбищах это показание отличается и показывает, что на одном гектаре – одно поголовье МРС и два или три КРС.

Сегодня в личных хозяйствах, то есть у населения при использовании сельских пастбищ грубо нарушается вышеуказанный стандарт. Здесь содержат вместо одного МРС по 10-12 голов КРС и МРС, что составляет в десять раз больше положенного. Это приводит к плачевному состоянию скота в личных хозяйствах, а перегрузка пастбищных угодий повергает к деградации пастбищные земли.

В республике в настоящее время имеются тысячи гектаров пастбищ, которые страдают от эрозии и деградации, превращающие пастбищные угодья в пустыню. Правительством республики (на основе Указа Министерства Республики Таджикистан от 6 июля 2003 г. за № 249)

дехканским хозяйствам и совхозам, расположенным в районах А. Джоми, Кабадиана, Пянджа, Вахша, Кумсангира, Колхозабада, Джиликуля, Пархара, Тимурмалика, Хуросона, Нуробода, Рашта, Таджикабада и Рогуна были выделены сезонные пастбища, которые либо частично, либо вообще не использовались¹. Причиной тому является слабое развитие новых видов животноводческих отраслей – дехканских хозяйств. Принимая эстафету хозяйствования у колхозов и совхозов, они оказались в трудном положении: во-первых, гражданская война нанесла большой урон сельскому хозяйству республики, в основном животноводческому сектору; хозяйственная база некоторых колхозов и совхозов на этот период была уже подорвана; в других хозяйствах в период перехода на новые виды хозяйствования ресурсы оказались истощены или хуже того – разворованными; во-вторых, причиной отсталости этих хозяйств в наше время является то, что новые хозяйства ведут свою работу все еще по старой методике, они не имеют необходимых инструкций по ведению своей деятельности в новой сложившейся обстановке. То есть, эти хозяйства серьезно и на должном уровне не воспринимают происходящие в обществе изменения, как например, в укладе экономики республики, так как у них на первом месте стоят личные интересы и выгоды. Так, поголовье скота резко сократилось, в некоторых местах фермы были разрушены или же на их местах построили новые современные жилые дома, т.е. они используются не по назначению; многие хозяйственники не являются заинтересованными в использовании сезонных пастбищ; причиной тому – частично являются трудности, связанные с перегонем скота на летние пастбища. Во всех областях республики были выделены определенные виды угодья в виде пастбищ и стоянки вдоль перегонной дороги. Например, в Хатлонской области — 113 660 гектаров, в Согде – 29541 га, в ГБАО – 15703 га, в районах республиканского

¹ *Кубодов М.* Роххой окилона истифодабарии чарогоххо дар Чумхурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 101.

подчинения в общем количестве 184 256 гектаров земли¹. Но эти земли оказались в подчинении двух государственных инстанций: во-первых, они относились к местным Советам, на чьей территории они были расположены; во-вторых – «Пастбищно-мелиоративному тресту». Именно последний и должен был кураторствовать над этими землями, благоприятствовать передвижению скота на сезонные пастбища. На самом деле, в этих местах на перегонных дорогах и стоянках местные исполнительные органы передали участки или под посевы, или для строительства жилых помещений, или по другому назначению. В некоторых других местах «Пастбищно-мелиоративный трест» способствовал отчуждению этих земель.

Как видим, при несогласованности между различными государственными ведомствами и структурами власти, а также при несоблюдении закона о принятых решениях, касающихся всех сфер народного хозяйства, никакие постановления и реформы не могут способствовать восстановлению и быстрому развитию животноводческого хозяйства. По этой причине новосозданные дехканские хозяйства оказались в застойном состоянии.

Другая проблема в этой отрасли – обеспечение животноводческой продукцией населения Таджикистана. Здесь также сложилась неблагоприятная обстановка. Если население содержит скот для личных интересов, то есть для обеспечения мясными и молочными продуктами свое хозяйство (семью), то продукция дехканского хозяйства имеет товарное значение. Их продукция нацелена на рынок, который почти полностью монополизирован ими. В настоящее время государство зачастую не в состоянии регулировать цены на молочную и еще больше – на мясную продукцию. Любопытно, что согласно статистике, удельный вес произведенного молока в 2010 г. в хозяйствах населения в общем объеме

¹ *Кубодов М.* Роххой окилона истифодабарии чарогоххо дар Чумхурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 100-101.

составляет 93,7 %, в том числе в ГБАО – 99,3 %, в Хатлонской области – 94,0 %, в Согдийской области – 92,2 % и в районах республиканского подчинения – 92,8 %.

Положительные данные зафиксированы в статистике и по производству мяса. Объем производства мяса во всех хозяйствах на январь – декабрь 2010 г. составил 143 213 т, что на 6,6% больше, чем за аналогичный период предшествующего 2011 г. В хозяйствах Хатлонской области производство мяса увеличилось на 9,7 %, в Согдийской области – на 2,2 %, в районах Гиссарского региона – на 13,8 %, в районах Рудаки – на 7,5 %, в Турсунзаде – на 6,6 %, в Шахринаве – на 4,5 % и Рогуне – на 1,5 %. Несмотря на успехи в производстве мясо-молочных продуктов, ежегодно в Таджикистане цены на мясо повышаются дважды, главным образом, накануне религиозных праздников¹. Причина заключается в том, что мясные и молочные товары частных и индивидуальных предпринимателей лишены доступа к рынку. Они имеют возможность продать свой товар только через посредников, по низкой цене, что невыгодно для частника.

Только за последние два зимних месяца зимы 2011–2012 гг. в результате холодов погибло свыше 3 тыс. голов мелкого и крупного рогатого скота. Пострадали в основном жители Согдийской области, Кулябской группы районов и ГБАО, где потери были и среди «снеголюбивых» животных, таких как яки-кутасы.

Известно, что для многих жителей села домашний скот является единственным богатством. В декабре-феврале 2011–2012 гг. сено на базаре продавали по 5 сомони за килограмм. Чтобы обеспечить сеном на один день пару коров, следовало израсходовать по 80 сомони в день. Такие расходы многим жителям села были не по карману. Поэтому некоторые жители мочили в соленой воде хлопковый стебель (гузапая), нарезав ее на маленькие

¹ *Маликов И. А.* Основные направления совершенствования организации и функционирования рынка мяса в РТ// Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. Душанбе: Эр-граф, 2010. С. 145.

кусочки, давали скотине. Следует отметить, что руководители и ответственные лица по линии сельского хозяйства многих районов так и не помогли доставить сено из районов, где его было достаточно¹.

Подводя итоги, следует отметить, что в Таджикистане земельные ресурсы сельскохозяйственного назначения в настоящее время находятся в государственной собственности. Основными землепользователями являются дехканские, индивидуально-личные и семейные хозяйства. Однако у животноводов не имеется соответствующих документов на право пользования пастбищными и сенокосными угодьями, не указаны определенные скотопрогонные маршруты и стоянки, отсутствуют места кочевков на летовках. Подобная ситуация не создает мотивационного механизма по эффективному использованию земельных ресурсов. Следовательно, необходимо создать более благоприятные условия для развития личных индивидуальных хозяйств, следует увеличить площадь присельских пастбищ.

Отрадно отметить, что таджики имеют огромный опыт ведения традиционного животноводческого хозяйства, который был основан на эмпирическом опыте наших предков. Они испокон веков при ведении хозяйственной деятельности учитывали климатическое и географическое расположение местности. Исходя из этого, были выработаны многочисленные формы и типы ведения животноводческого хозяйства, благодаря чему достигли больших показателей. В том числе, в течение исторического времени были выведены лучшие породы овец и лошадей; были достигнуты немалые успехи в разработке молочных продуктов и применении животноводческого сырья в различных видах ремесел и промыслов. Поэтому любая принимаемая реформа или концепция по отношению к крестьянским хозяйствам в наше время требует досконального изучения и использования хозяйственного традиционного опыта нашего народа в ведении скотоводческого хозяйства.

¹ Готовь сено летом // Азия-плюс. 2012. № 37. 16 мая.

В перспективе в животноводстве таджиков должны быть различные виды товариществ, акционерные общества, семейные животноводческие хозяйства фермерского типа, которые должны развиваться относительно интенсивно с использованием отгонных пастбищ. В связи с этим, в наших условиях необходима система подготовки и переподготовки будущих и настоящих фермеров.

К сожалению, в сфере коллективных сельхозпредприятий республики, у наемных работников, занимающихся традиционным животноводством, мотивация к труду очень низкая, при этом периодически не выплачивается заработная плата. Было бы лучше создать больше условий для доступа к рынку, в результате чего появилась возможность конкурировать с дехканскими хозяйствами, или с обрабатывающей промышленностью, занятой животноводческой продукцией, а это, в свою очередь, позволяет значительно повысить экономическую эффективность животноводческой отрасли. Инновационное использование традиционного животноводства таджикского народа позволяет сохранить экологически безопасную систему производства продукции животноводства.

Такие меры привели бы к стабилизации и насыщенности рынка мясными и молочными продуктами, помогли снять напряженность и угрозу повышения цен на скотоводческую продукцию. Усиление частного сектора – это гарантия благополучия основной части населения республики, у которых находится 80 % поголовья скота. Следует отметить, что на современном этапе животноводство соотнобразуется с рыночной экономикой и подчеркивает традиции и обычаи в экономическом поведении, сложившиеся традиционно для народа.

Аграрная политика на современном этапе ориентирована на рост поголовья скота, но именно из-за повышения плотности скота в расчете на единицу площади пастбищ и кормового клина имеет место снижение кормоемкости сферы обитания животных. Одной из причин нехватки кормов является увеличение поголовья скота. Кроме того, необходима

диверсификация кормовых культур и изменение организационно-хозяйственных форм развития животноводства.

Таким образом, необходимо отметить, что в данной исследовательской работе не просто описаны исторические этапы развития животноводческой отрасли и его социально-экономические аспекты, но предлагается конкретный механизм преемственности в развитии экономики, взаимодействие данной отрасли хозяйства с производством на данном этапе, что является немаловажным фактором развития и совершенствования системы животноводческой отрасли в целом и всех его субъектов в отдельности. В научной работе разработана новая исследовательская концепция, нацеленная на всестороннее использование накопленного отечественной исторической наукой ресурса знаний по традиционному хозяйствованию, являющегося актуальным для развития экономики на современном этапе.

Нами на основе исследования истории животноводства таджиков предлагаются различные типы трансформации, смены и взаимодействия в ведении хозяйств, системы животноводческой отрасли в условиях реформации экономического развития. Специальное внимание уделяется закономерностям и механизмам выполнения, заимствования, переосмысления, преодоления на инновационных этапах эволюции различных элементов традиционного животноводческого занятия и предшествующего классического наследия в целом. Необходимо восстановить некогда потерянные генетические ресурсы животноводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Животноводческое хозяйство таджиков является исторически сложившейся специализацией сельского хозяйства таджикского народа, распространенной на всей этнической территории его расселения. Это четко выявилось при исследовании нами историко-этнографических особенностей животноводческого занятия таджиков северного и юго-восточного районов, западного и восточного Памира Республики Таджикистан, а также таджиков за пределами, точнее Сурхандарьинской, Джизакской и Ташкентской областей Узбекистана, а также таджиков Афганистана.

Как свидетельствуют источники, животноводство начало развиваться на территории проживания таджиков еще в период гиссарской культуры – неолита. Почти на всех памятниках неолитического периода были обнаружены керамические сосуды (например, цедилка), предназначенные для молочного хозяйства. Экономической основой гиссарской культуры периода неолита, вероятно, тоже являлось животноводство.

В свою очередь, характер и расположение памятников эпохи бронзы на рассматриваемой нами территории позволяют сделать вывод о том, что широкое расселение здесь племен было связано с развитием именно животноводческой отрасли в экономике конца бронзового века, а также с появлением подвижных форм скотоводства – летом жители пасли скот на склонах близлежащих горных хребтов (до 1300-1400 м над уровнем моря). Поселения в данный период делились на два типа: долговременные, предназначенные для круглогодичного обитания, и кратковременные или сезонные.

Итак, в эпоху бронзы на территории Таджикистана имело место множество поселений местного древнеземледельческого народа с высоко развитой культурой, «входящей в культурную систему цивилизаций Древнего Востока».

В эпоху бронзы на данной территории также была распространена бешкентская и вахшская скотоводческая культура.

В конце бронзовой эпохи начинается освоение плодородных земель. В этом процессе большую роль сыграли племена степной бронзы с подвижным способом ведения скотоводческого хозяйства. В результате слияния различных культурных традиций – оседло-земледельческой и пришлой степной, а также местной неолитической, на юге Таджикистана сложились основные направления хозяйственной деятельности населения – отгонное животноводство, практикуемое здесь до наших дней и богарное земледелие. В итоге здесь возник новый хозяйственно-культурный тип – животноводческий и оседло-земледельческий, что сильно повлияло на все остальные типы ведения хозяйства, сохранившись в некоторых горных районах современного Таджикистана вплоть до начала XX в. В процессе исследования выяснилось, что в течение многих веков происходило интенсивное культурное взаимовлияние между оседлыми народами и кочевническими племенами среднеазиатского региона.

Кроме того, анализ археологических, исторических и этнографических материалов ясно доказывает, что на рассматриваемой нами территории произошло не только зарождение различных ранних форм животноводства, но, возможно, и первое одомашнивание животных.

Нами в работе были выявлены особенности генезиса распространенных здесь пород скота, разведению которых вполне способствовали географические и климатические условия региона. В основном это был крупный рогатый и мелкий рогатый скот. Особо следует отметить, что именно в рассматриваемом нами регионе предки таджиков вывели такую известнейшую породу лошадей, как хуттальская, и гиссарскую породу овец, отличающуюся многими показателями.

Животноводческое хозяйство играло весьма позитивную роль в развитии земледельческой культуры таджиков на протяжении всей многовековой истории. Проведенный нами сравнительный анализ

археологических, этнографических и исторических источников доказывает ошибочность мнения некоторых ученых о ведущей роли в традиционном хозяйстве таджиков земледелия. Но одно бесспорно: земледелие и животноводство существовали параллельно, и то, и другое являются высоким достижением предков таджикского народа.

В ходе исследования выяснилось, что при наличии ряда общих с другими народами (кочевниками и оседлыми) черт у таджиков в ведении животноводческого хозяйства имелись свои особенности, обусловленные географической средой, социально-экономическим развитием, а главное – этнокультурными традициями таджикского народа. Эти особенности отражаются в формах и типах ведения животноводческого хозяйства, обработке молочной продукции, в типах маслобоек, в видах жилищ и хозяйственных построек, в обычаях и обрядах, связанных с животноводством и т. д.

У таджиков предгорной и горной части большее значение имело молочное хозяйство. Оно удовлетворяло потребности членов семьи в молочных продуктах, а иной раз представляло основной источник денежного дохода семьи. Дойная корова считалась достоянием семьи и имела меновую стоимость. У таджиков равнинно-долинной части продукция земледельческого хозяйства преобладала над продукцией животноводства.

В конце XIX – начале XX вв. в животноводческом хозяйстве таджиков особую значимость приобрели пастбища, которые в этот период считались общинными владениями. В горной части пастбища делились на: летние, зимние и весенне-осенние. Они располагались в трех зонах: равнинной, горной и предгорной. Пастбища делились не только по зональности, но и по тому, для каких видов скота они предназначались. Наши полевые материалы и некоторые исторические источники свидетельствуют о том, что в это время в Восточной Бухаре и других регионах Средней Азии существовали частные пастбища и сенокосные угодья, которые отдавались в наем богатым скотоводам.

В горной части с вертикальной зональностью, где ощущалась острая нехватка покосных и пастбищных угодий, пастбища использовались поочередно, благодаря чему их удавалось защитить от истощения.

Что касается покосных угодий, то их у таджиков было несколько видов – общинные, частные и общие, в основном они располагались в равнинной и горной частях. Делились они также на поливные и естественно-богарные виды.

Нами в работе была выявлена и уточнена роль сельской общины конца XIX – начала XX вв. в развитии животноводческой отрасли, содержании и сохранении пастбищных и покосных угодий. Сельская община регламентировала все сельскохозяйственные работы на основе народного календаря, организовывала уход за сельским стадом, нанимала пастуха, устанавливала порядок очередности («наубат») с целью ухода за скотом, лимитировала поголовье скота в хозяйствах с целью недопущения перегрузки пастбищ, определяла время и организовывала выход населения на летовье и его возвращение обратно в селение, распоряжалась сенокосными и пастбищными угодьями, определяла границы общины, устанавливала время коллективной работы по проведению ремонта, чистки каналов, выносу удобрений на поля и т. д. При этом, как выяснилось, пережитки общинных прав проявлялись также в выпасе скота на жнивье после снятия урожая, в нераздельном пользовании всеми общинниками выпасами, находящимися в собственности всей сельской общины.

Деятельность сельской общины проявлялась и в предоставлении в аренду сенокосных угодий и сельских пастбищ кочевникам-животноводам или другим богатым хозяйствам. Предоставление пастбищных и сенокосных угодий в наем богатым животноводам свидетельствует о процессе становления новых социальных отношений, об ускорении развития товарно-денежных отношений у таджиков в конце XIX – начале XX вв. Взаимоотношения односельчан, проведение общественных работ, а также различных видов родственной и соседской общественной помощи строго

регулюровались сельской общиной.

Исторические факты свидетельствуют о том, что животноводство было значительно развито в Гиссарском, Каратегинском, Бальджуанском, во всех припамирских бекствах и являлось одной из ведущих отраслей экономики Туркестанского края. В 70-е гг. XIX в., после присоединения Гиссарского бекства к Бухарскому эмирату, за мелкий скот ежегодно брался с Гиссарского бекства закот в размере до 25 тыс. тенге. Согласно источникам, к началу XX в. общее количество скота в Каратегине составляло, примерно, 150 тыс. овец и коз, 15 тыс. лошадей и 60-80 тыс. голов крупного рогатого скота. В Кулябском бекстве поголовье скота было ниже – 25 тыс. баранов и коз, 60 тыс. голов рогатого скота, 30 тыс. лошадей, 25 тыс. ослов, 200 верблюдов. В Бальджуане – 30 тыс. баранов и тысячи других видов скота.

Количество скота во всех припамирских бекствах было следующим: рогатого скота около 3500 голов, овец – 33 тыс. лошадей – около 800, верблюдов – менее 100 голов. Катаклизмы природы могли стать причиной уменьшения поголовья скота. Так, на западном Памире в 1902 г. в связи с затяжной зимой и нехваткой кормов погибло много скота. Из-за этого здесь был отменен налог с населения на два года.

В Туркестанском крае животноводство было развито в основном в трех областях – Закаспийской, Сырдарьинской и Семиреченской. Если в пяти областях поголовье скота составляло более 19 млн. голов, то в трех последних областях этот показатель был выше 16 млн. Почти во всех горных районах хорошо было развито овцеводство, которое в экономике хозяйства имело торгово-промысловый характер и молочно-продуктовую значимость. В равнинных районах животноводство было подчинено земледельческому хозяйству и во многом было связано с разведением крупного рогатого скота, в основном рабочего. Как видим, в конце XIX – начале XX вв. таджикское население вело в основном комплексное хозяйство.

В конце XIX – начале XX вв. начинает активно развиваться денежная рента, переплетавшаяся с отработочной рентой. Последняя была самой

распространенной и живучей в Бухарском эмирате. Продуктовая рента существовала в виде натуральной подати со скота и взималась молочными продуктами. Существовали также налоги, имевшие сходство с рентой, но у них были свои особенности и специальное назначение. Следует отметить, что в конце XIX в. закот, как и харадж, имел натуральный характер, но в начале XX в. во многих местах закот взимался уже деньгами.

В работе подробно проанализированы формы содержания скота в конце XIX – начале XX вв. в различные времена года. Выяснилось, что почти все хозяйства пользовались выгонными и стойловыми способами содержания скота. Многим таджикским хозяйствам предгорной и горной части был характерен яйлажный способ. Таджики многих селений свое животноводческое хозяйство вели согласно условиям природно-географического расположения местности и наличию пастбищных угодий для прокорма скота. При этом содержание рабочего скота (быков, ослов, верблюдов и отчасти лошадей) в северных районах, то есть в равнинной части, диктовалось главным образом потребностями земледельца в тягловой силе. Рабочая скотина была необходима при обработке земли, при перевозке продуктов сельского хозяйства, при перевозке навоза для удобрения земли и т. д.

Нами были выявлены также особенности отгонного животноводства у таджиков, которое сочеталось с занятием земледелием, содержанием скота круглый год на подножном корму, с перегоном в горизонтальном направлении на сезонные пастбища, отсутствием хозяйственных построек и запасов кормов на зиму. За скотом ухаживали не члены семьи, а наемные профессиональные чабаны. При данном способе животноводства у таджиков развивались товарно-денежные отношения, и скотина являлась основным мерилем богатства.

В конце XIX – начале XX вв. в равнинно-долинной части в основном развивались земледельческие хозяйства, и животноводство здесь успешно сосуществовало с садоводством, полеводством и ремесленным занятием. В

некоторых районах животноводство было подчинено земледельческому хозяйству и во многом было связано с разведением крупного рогатого скота, в основном рабочего. В процессе развития социально-экономических отношений и сложения некоторых капиталистических производственных и общественных отношений на территории северного Таджикистана начали активно развиваться товарно-денежные отношения, чего не было в данный период в юго-восточном Таджикистане.

В процессе исследования были установлены традиционные скотопрогонные маршруты конца XIX – начала XX вв., которые сыграли весьма положительную роль в развитии экономики, политики, торговли и этнических связей Среднеазиатского региона. Скотопрогонные трассы служили дорогами отхода и переселения народов, для грузопотока с равнинной части на высокогорные места, они связывали области и даже государства. Эти маршруты способствовали развитию культурно-бытовых связей, объединению и укреплению статуса самого этноса.

Описанные нами формы животноводства таджиков в конце XIX – начале XX вв., способы ведения хозяйства оказывали большое влияние на формирование жилых и хозяйственных помещений. Выясняется, что в поселениях в равнинной, предгорной и горной части учитывались сложные географические и климатические условия, рационально размещались хозяйственные помещения, зимой – в самих помещениях, летом – на определенном расстоянии от основных поселений.

Несмотря на группированность или разбросанность параллельных хозяйственных баз и помещений, эти поселения представляли собой единый, органично связанный жилищно-хозяйственный комплекс. Именно с целью развития животноводства в структуре жилого помещения (Каратегина, Ягноба, Куляба, Памира и др.) были объединены места для скота, места для хранения кормов, места для переработки молочных продуктов и места для занятия домашним промыслом. Такой своеобразный комплекс позволял удерживать подольше тепло в жилом помещении и облегчал уход за домашним

скотом. В строении этих жилых комплексов явно прослеживается связь двух отраслей хозяйства (симбиоз) – земледелия и животноводства. Они также свидетельствуют о проживании в них большой патриархальной семьи.

В построении жилых и хозяйственных помещений различных форм, как в селениях, так и на летовках, четко проявлялись этнические традиции. В стационарных переносных жилищах конца XIX – начала XX вв. на летовье явно можно проследить элементы прошлого кочевого образа жизни населения и его хозяйства. Истоки такого рода жизни восходят к эпохе бронзы, когда начали формироваться подвижные формы животноводства. Остатки круглых жилищ легкой конструкции в Тегузаке и Дахане могут быть весомыми аргументами этой научной версии.

Что касается пастухов, то они должны были иметь высокий уровень профессионализма. Труд чабанов поощрялся, и они были заинтересованы в сохранении и увеличении поголовья скота. Пастушество у таджиков – это целый институт, имеющий свои этнокультурные традиции, которые складывались на огромной территории Центральной Азии в течение нескольких веков.

В конце XIX – начале XX вв. население Восточной Бухары по своему социально-экономическому и политическому уровню развития значительно отставало от других регионов Средней Азии. Проводимые здесь некоторые мероприятия по улучшению ирригационных систем, расширению посевных площадей, пастбищных угодий и другие, конечно, не могли улучшить социально-экономическое положение дехкан.

Территория Восточной Бухары до начала XX в. оказалась вне сферы русского экономического влияния. Здесь еще долго существовало комплексное хозяйство, где наравне с земледелием и животноводством в каждом хозяйстве для удовлетворения своих бытовых потребностей занимались различными видами ремесел и домашними промыслами.

Хорошие возможности для развития местных промыслов и ремесел представляло животноводство. Так в конце XIX – начале XX вв. в

исследованных нами регионах таджики занимались одними и теми же видами промыслов – ткачеством, изготовлением шерстяных тканей и др. Ремесленное производство, основанное на животноводческом сырье, подразделялось на различные отрасли. В производственный обиход шли шкура, шерсть и помет скотины. Широкое применение животноводческого сырья в экономике способствовало развитию торговли и производительных сил в регионе.

Развитие ремесел самым положительным образом сказалось на благосостоянии населения. При этом следует отметить, что в центральной и восточной частях Таджикистана в конце XIX – начале XX вв. развитие ремесла и домашнего промысла заметно отставало от их развития в северных районах. Так, на севере в этот период уже функционировала транспортная связь, здесь постепенно развивалось фабричное производство. В южных же районах, из-за отсутствия транспортного сообщения, ремесленное хозяйство долгое время носило замкнутый характер и имело местное назначение. Здесь многие населенные пункты специализировались на производстве определенных видов ремесленной продукции. После завоевания и присоединения северных районов к России сюда начали ввозиться промышленные товары, что постепенно приводило к упадку местного кустарного производства.

В конце XIX – начале XX вв. экономическое производство в рассматриваемых нами регионах все же имело преимущественно натуральный характер. В первую очередь удовлетворялись потребности самого хозяйства, а затем уже излишки произведенной продукции использовались как дополнительный источник дохода семьи.

Изучение системы животноводческой продукции и питания отражает этническую и социальную историю нашего народа, его историко-культурные связи и контакты. Они имеют важное практическое значение, где отражены знание народа, производственные навыки и рациональность.

В своем исследовании мы попытались проанализировать проблемы

зарождения и распространения «культы» животных и его значения в различных сферах быта животноводов. Наш аналитический подход к архаическим пережиткам, связанным с животноводством в различных регионах Таджикистана, позволяет ретроспективно осветить некоторые аспекты данного вопроса. В истории животноводства сохранилось много архаических представлений, восходящих к ранним этапам истории его развития. Зародившись еще в раннем родовом обществе, они составляли основу магико-анимистического пласта доисламской культуры. Примером могут послужить древние образы Занги-бобо и Чупон-ато, связанные с животноводством. Это, в свою очередь, еще раз доказывает этнокультурную особенность таджикского населения в ведении данного хозяйства.

Исторические, археологические и этнографические материалы конца XIX – начала XX вв. подтверждают тот факт, что природные и социально-экономические факторы были определяющими при выработке типов хозяйствования таджиков в тот или иной период. Мы предлагаем разработанную нами типологию ведения животноводческого хозяйства. Так, животноводческое хозяйство таджиков включало в себя две формы (горную и равнинно-долинную) и три типа животноводства. Горная форма животноводства таджиков включала несколько видов содержания скота. Один из них – подвижный тип животноводства, который, в свою очередь, делится на три подтипа: яйлажно-выгонно-стойловый, перегонный и отгонный. Равнинно-долинная форма животноводства делится на 2 типа: сельский, где скот не имел сезонного перемещения, содержался три сезона на присельском пастбище, а зимой – в стойле; и подсобный, который непосредственно был связан с земледельческим занятием. Данный тип делится на два подтипа – стойловый и выгонно-стойловый.

По нашему мнению, можно предположить, что этническая традиция может стать одним из определяющих факторов типологической классификации способов содержания скота и ведения животноводческого хозяйства.

Анализ животноводческого хозяйства равнинно-долинной, предгорной и горной местностей свидетельствует о том, что традиции ведения этого хозяйства, которые сформировались еще в конце неолита, в период энеолита и эпохи бронзы, сохранились вплоть до конца XIX – начала XX вв.

Именно развитие хозяйственно-культурного типа способствовало национальной консолидации таджиков, созданию единого этнопсихологического стереотипа, пробуждению чувства национального достоинства и самосознания.

Развитие животноводческой отрасли, анализ форм и механизмов «исторических сдвигов» и поддержания традиций в обществах, выявление внутренних и внешних факторов, вызвавших трансформации, способствовали сохранению преемственности и его обновлению в настоящее время.

Таким образом, на основе нашего исследования можно сделать вывод о глубокой историко-культурной общности всех таджиков, проживающих в различных местностях. Материальная и духовная культура рассмотренных нами регионов имеет явное типологическое сходство, которое отражает историю и общность этнической традиции всего таджикского народа.

По использованным источникам, характеризуя историю традиционного животноводства, можно утверждать, что в раннем историческом периоде оно являлось господствующим типом хозяйства, а затем, в период классового общества, было одним из основных видов хозяйства после земледелия. Исходя из хронологических рамок исследования, по нашему мнению, история развития животноводства таджиков и его предков насчитывает не менее семи тысяч лет. Этническая территория таджикского народа исторически охватывает большую часть Центральной Азии и можно отметить, что является колыбелью не только земледельческого, но и животноводческого занятия.

Необходимо отметить, что в данной исследовательской работе не просто описаны исторические этапы развития животноводческой отрасли и

его социально-экономические аспекты, но предлагаются конкретные задачи для ее реализации, т. е. механизм преемственности в развитии экономики, взаимодействие данной отрасли хозяйства с производством на данном этапе. Нами на основе исследования истории животноводства таджиков предлагаются различные типы трансформации, смены и взаимодействия в ведении хозяйств, системы животноводческой отрасли в условиях реформации экономического развития. Данное предложение является фактором развития и совершенствования системы животноводческой отрасли в целом и всех его субъектов в отдельности. В научной работе разработана новая исследовательская концепция, нацеленная на всестороннее использование накопленного отечественной исторической наукой ресурса знаний по традиционному хозяйствованию, являющегося актуальным для развития экономики на современном этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники. Архивные документы и материалы

1. *Андреев, М. С.* Андреев, М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) Вып. 2. – Сталинабад, 1958. – 526 с.
2. *Андреев, М. С.* Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 году, посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиатским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства по Таджикистану. Вып. 1. – Ташкент, 1927.
3. *Андреев, М. С.* Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. – Ташкент, 1928. – 41 с.
4. *Андреев, М. С.* По этнографии таджиков // Таджикистан. – Ташкент, 1925. – Кн. 1.
5. *Андреев, М. С.* По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г. // Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Ташкент, 1927. – 101 с.
6. *Андреев, М. С.* Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Деви Сафид // Из материалов мифологии таджиков / Из краткого отчета по этнографии экспедиции под рук. М. С. Андреева в 1925 г. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана, 1927. – С. 60-76.
7. *Андреев, М. С.* Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. 1. // Тр. 9. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – Т. VII. – Сталинабад, 1953. – 249 с.
8. *Андреев, М. С., Половцов, А. А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии: Ишкашим и Вахан: (доложено в заседании Ист.-филол. отд-ния 27 февр. 1908 г.) / собр. М. С. Андреев и А. А. Половцов. – Санкт-Петербург: тип. Акад. наук, 1911. – 41 с., 6 л. ил.
9. *Арандаренко, А.* В горах Дарваза-Каратегина (на Верховье Аму-

Дарьи) // Досуги в Туркестане. – СПб, 1889. – 674 с.

10. *Арандаренко, А.* Скотоводство в Зарафшанской долине // Досуги в Туркестане. – СПб., 1889. – 674 с.

11. *Арандаренко, Г. А.* Дарваз и Каратегин (по расспросным сведениям) // Военный сборник. – 1883. – № 11.

12. *Арандаренко, Г.* Досуги в Туркестане. – СПб., 1889. – 666 с.

13. *Артамонов, Л. К.* По Афганистану. Гератская провинция (гератский театр). Опыт военно-статистического исследования. – Асхабад, 1895. – 283 с.

14. Архив Семенова А. А. (коллекция рукописей и библиотека) хранятся в Доме-музее А. А. Семенова при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан.

15. *Бартольд В. В.* Таджики. Исторический очерк // Таджикистан. Сборник статей /под ред. Н. Л. Корженевского. – Ташкент. 1925. – 291 с.

16. *Бартольд, В. В.* Бухара. Ее памятники и их судьба («Правда Востока». – 1925. – № 190) // Сочинения. – Л., 1927. – Т. 1.

17. *Бартольд, В. В.* История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд-во Ан СССР, 1927. – 256 с.

18. *Бартольд, В. В.* Об одном историческом вопросе // Среднеазиатский вестник. – Ташкент, 1896. – С. 53-59.

19. *Бартольд, В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893-1894 гг. – СПб., 1897. – С. 151.

20. Бухарское ханство под русским протекторатом: т. 1-2. – СПб.: изд.-во имп. Рус. геогр. о-ва, 1911. – Т. 1. – 340 с.; Т. 2. – 357 с.

21. *Вавилов, Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. – 1936. – № 2.

22. *Вавилов, Н. И., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан. – Л.: Всесоюзный институт прикладной ботаники, 1929. – 566 с.

23. *Вамбери, А.* Путешествие по Средней Азии. М.–СПб., 1865. – 266 с.

24. *Варыгин, М. А.* Опыт описания Кулябского бекства // Известия Русского географического общества. Вып.10. – 1916. – Т. 52.
25. *Вяткин, В. Л.* О вакуфах Самаркандской области. Самарканд, Справочная книжка и адрес-календарь Самаркандской области на 1893-1912 гг. Вып. 10. – 1912.
26. *Галкин-Враской, М. Н.* Этнографические и исторические материалы по истории Средней Азии и Оренбургского края. – СПб., 1868. – 162 с.
27. *Гартевельд, В. Н.* Среди сыпучих песков и отрубленных голов: путевые очерки Туркестана (1913). – Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914. – 158 с.
28. *Гейер, И. И.* Туркестан. С дополнительной статьей «Семиреченская область» / сост. А. Л. Кирснером. 2-е изд. – Ташкент: А. Л. Кирснер; Тип. Туркестанского т-ва печатного дела, 1909. – 346 с.
29. *Зайцев, В. Н.* Памирская страна, центр Туркестана. Историко-географический очерк // Ежегодник Ферганской области. – Вып. 2. – Новый Маргелан, 1903.
30. Записки Императорского русского Географического общества / под ред. А. Н. Бекетова. – СПб., 1861. – Кн. 2. 178, 36, 1. Ж (карт.). – 346 с.
31. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Вып. 3. – СПб., 1889. – Т. 14. — 521 с.
32. Записки Императорского Русского географического общества. Книжка 3. – СПб., 1849. – 279 с.
33. *Калантар, А. А.* Задачи и способы исследования скотоводства // МУКЛЗПИСК, 1887. Вып. 1.
34. Каратегин и Дарваз (географический очерк) // Известия Русского императорского географического общества. – Т. XVII. – СПб., 1881. – 38 с.
35. *Кауфман, А. А.* Агрономическая помощь в России // Историко-статистический очерк. – Самара. – 1915. – 32 с.
36. *Кушакевич, А. А.* Сведение о Ходжентском уезде // Записки РГО

по общей географии. – Т. 4. – СПб, 1871.

37. *Кушкеки Бурхан-уд-Дин*. Катаган и Бадахшан // Бурхан-уд-Дин-и Кушкеки // Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения / пер. с персидского П. П. Введенского, Б. И. Долгополова, Е. В. Леваневского / под ред., с пред. и прим. проф. А. А. Семенова. – Ташкент, 1926. – 108 с., 34 карты.

38. *Липский, В. И.* Каратаг и Бальджуан – Куляб // Горная Бухара. – СПб. – 1905.

39. *Логофет, Д. Н.* В горах и на равнинах Бухары (очерки Средней Азии). – СПб.: Издал В. Березовский; Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера, 1913. – 620 с.

40. *Логофет, Д. Н.* Кулябское бекство // Туркестанские ведомости. 1899. – № 93. – 590 с.

41. *Логофет, Д. Н.* Сарийская долина и ее современное положение. // Туркестанские ведомости. – 1903. – № 93. – 80 с.

42. *Логофет, Д. Н.* Через Бухару // Военный сборник. – СПб. – № 1-2. – 1907. – 966 с.

43. *Маев, Н. А.* Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства // Известия Императорского Русского географического о-ва. Т. 12. Вып. 4. Отд. 2. Географические известия. – СПб., 1877.

44. *Маев, Н. А.* Очерки Бухарского ханства, Гиссарского края и горных бекств // Материалы для статистики Туркестанского края. – СПб., 1879. – Т. 5.

45. *Маев, Н. А.* Очерки Гиссарского края // Туркестанские ведомости. 1876. – № 2–7, 10–14, 17.

46. *Масальский, В. И.* Туркестанский край. – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – СПб, 1913. – Т. 19. – 530 с.

47. Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. V. – Ташкент, 1934. – Ч. I. – 126

с., 8 л. черт.

48. Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917-1920 гг. Вып. 1. Поволостные итоги Самаркандской обл. – Ташкент, 1924. – 182 с.; Вып. II. – Самарканд, 1925. – 106 с.

49. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Поселенные итоги. Вып. 1. – Самарканд, 1927. – 123 с.

50. Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане / под ред. Б. Б. Карпа. – Ташкент-Душанбе, 1930. – 247 с.

51. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана. Ч. I. Отдел 2. – СПб., 1911. – 533с.

52. Материалы по районированию Средней Азии // Территория и население Бухары и Хорезма. – Ташкент, 1926. – Ч. 1. – 289 с.

53. Материалы по районированию Туркестана. – № 56-61. § 3-35. – С. 32-53.

54. Материалы по районированию Туркестана. Вып. II. – Ташкент, 1924. – № 11-21; § 30. – 205 с.

55. *Мушкетов, И.В.* Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. – Изд. 2. – Пг., 1915.

56. *Наливкин, В.* Краткая история Кокандского ханства / В. Наливкин. – Казань: Типография императ. ун-та, 1886. – 215 с.

57. *Наршахи, М.* История Бухары / пер. с персидского Н. Лыкошина. – Ташкент, 1897.

58. Население Самаркандской области. Труды Комиссии по племенному составу населения и сопредельных стран. – Л., 1926. – 32 с.

59. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. // Известия Туркестанского отделения РГО. – Т. XVIII. – 1924.

60. *Нечаев, А. В.* По горной Бухаре. Путевые очерки. – СПб., 1914. – 107 с.

61. Обзор Самаркандской области за 1909 г. – Самарканд, 1912. – 21

с.

62. Обзор Ферганской области за 1892 г. / Приложение к всеподданнейшему отчету Военного Губернатора Ферганской области // Ведомость № 1 а. О количестве скота в Ферганской области за 1892 г. Нов. Маргелан. 1894. – 98 с.

63. Обзор Ферганской области за 1898 г. – Новый Маргелан, 1900. – 49 с.

64. Очерк сельского хозяйства Туркестанского края // Сочинения А. Шахназарова. – СПб., 1898. – 152 с.

65. Очерки хозяйственной жизни Туркестанской республики. – Ташкент, 1921. – 102 с.

66. *Покотило, Н. Н.* Отчёт о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г. – Ташкент, 1888. – № 3.

67. *Полен, К. К.* Земельно-податное дело. – СПб., 1910.

68. *Равдоникас, В. И.* К вопросу о возникновении скотоводства // ПИДО. – 1934. – № 3.

69. *Равдоникас, В. И.* Энгельс и проблемы происхождения скотоводства в Европе // Вопросы истории доклассового общества. – М.-Л., 1936.

70. *Радлов, В. В.* Средняя Зарафшанская долина // Записки Императорского РГО. – Т. VI. – 1880. – 43 с.

71. Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. 1887-1888.

72. *Семенов, А. А.* В святой Бухаре // Русские ведомости. – 1899. – № 332. – 351 с.

73. *Семенов, А. А.* История Шугнана // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, 1921-1 (XXI). – Ташкент, 1917.

74. *Семенов, А. А.* По границам Бухары и Афганистана // Путевые очерки 1898 г. ИВ. – 1902. – Т. 87. – № 3; Т. 88. – № 4..

75. *Семенов, А. А.* Этнографические очерки Зарафшанских гор Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – 112 с.
76. *Снесарев, А. Е.* Восточная Бухара (военно-географический очерк) // Сборник географических, типографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXIX. – СПб., 1906. – № 79. – 148 с.
77. *Снесарев, А. Е.* Краткий очерк Памира (по сведениям к 15 октября 1901 года). Добавление к сборнику материалов по Азии. – СПб., 1902. – № 7.
78. *Снесарев, А. Е.* Поездка в Горную Бухару // ТВ. – 1903. – № 105, № 112, № 123, № 128, № 134.
79. *Снесарев, А. Е.* Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. – 1904.
80. *Соболев, Л. Н.* Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе. – СПб., 1874. – 561 с.
81. *Тер-Мосесян И.* Заметки о скотоводстве на Кавказе // Труды КОСХ. – 1885. – № 6.
82. *Февралев, И.* Правобережная полоса Пянджа и Амударьи от Калы Ванча до Керки // Военный сборник. – 1895. – № 19.
83. Фонд № 3 (№ 162). Архив востоковедов ИВ (ИНА) АН СССР (в настоящее время – Российская АН) (в 1962 г. был образован Фонд № 115 «А. Е. Снесарев»).
84. Фонд Бухарского Кушбеги. Оп. 1. Д. 633. Л. 13.
85. Фонд национальной библиотеки им. А. Фирдоуси.
86. Фонд национальной библиотеки Республики Узбекистан им. А. Навои.
87. *Ханыков, Н. В.* Описание Бухарского ханства. – СПб, 1843. – 191 с.
88. *Хорошихин, А.* Народы Средней Азии // Туркестанские ведомости. Ташкент. – 05.04.1871. – С. 10.

89. *Южаков, Ю.* Сарты или таджики – главное оседлое население Туркестанской области // Отечественные записки. – 1867. – №7-8. – 410 с.
90. *Яворский, И.* Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879 гг. – СПб., 1883. – 370 с.
91. ГА ГБАО. Ф. 25. Оп. 3. Ед.хр. 12. Лл. 178-179.
92. Государственный архив ГБАО Тадж. ССР. Ф. 115 (личный фонд А. Е. Снесарева). Ед. хр. 1. 1902, 1907-1908 гг.
93. ИИАЭ АН РТ. Фонд М. С. Андреева. Оп. №1. Ед. хр. 81.
94. РГВИА. Ф. 1396. Оп.2. Д. 171 (Отчет капитана Быкова о поездке в город Карши до устья р. Кафарнигана, 1879 г.). Л.79.
95. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д.578 (Копия отчета о поездке начальника штаба Сырдарьинской области, полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям, 1877 г.). Л.49.
96. ЦАУ Узб. ССР. Узб. ССР. Ф. Политагентства в Бухаре. Д. 260. Л. 22.
97. ЦГА РТ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.
98. ЦГА РТ. Ф.Р.21. Оп. 1. Д. 157. Л. 5.
99. ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 2. Д.2. Л. 5.
100. ЦГА Тадж. ССР. Ф. 1. Оп. 12. Д. 1117. Л. 71.
101. ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1966. Л. 198.
102. ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106–156.
103. ЦГА Узб. ССР. Ф. 1. Оп. 12. Д. 895. Л. 53.
104. ЦГА Тадж. ССР. Ф. 9. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
105. ЦГВИА. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
106. ЦГИА Узб. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23. Л. 188-189.
107. ЦГИА Узб. ССР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 441. Л. 2.
108. ЦГИА Узб. ССР. Ф. 2. Д. 379. Лл. 76-77.
109. ЦГИА Узб. ССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 188-189.
110. ЦГИА Узб. ССР. Ф. 3. Оп. 2. Д. 61. Л. 100.
111. ЦГИА Узб. ССР. Ф. Политического агентства в Бухаре. Д.350.

Лл. 69-70.

Монографии, диссертации, авторефераты

112. *Абдулвохидов, Р. М.* Скотоводческое занятие таджиков Кулябской области в конце XIX – начале XX веков. – Душанбе, 1997. – 170 с.

113. *Абдулвохидов, Р. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства у таджиков в конце XIX– начале XX века. – Душанбе, 2011. – 297 с.

114. *Абдуназаров, Х.* История животноводства Таджикистана (1920-1965 гг.). – Душанбе: Ирфон, 2004. – 256 с.

115. *Абдурахимов, А. М.* Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве. – Ташкент, 1970.

116. *Абрамов, М. М.* Социально-экономическая и культурная жизнь Самарканда в XVI – первой половине XIX в. (развитие связи) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Абрамов М. М. – Самарканд, 1989. – 477 л.

117. *Алиева, Ф. С.* Социально-экономическое развитие села Заравшанской долины в 60-70-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Алиева Ф. С.– Ташкент, 1994. – 89 с.

118. *Андреев, М. С.* Материалы по этнографии Ягноба. – Душанбе, 1970. – 192 с.

119. *Андреев, М. С., Чехович, О. Д.* Арк-кремль Бухары. – Душанбе, 1972. – 164 с.

120. *Андрианов, Б. В.* Земледелие наших предков. – М., 1978. – 108 с.

121. *Андрианов, Б. В.* Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 3. Этнография. – М., 1990.

122. *Антонова, Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука. 1990. – 287 с., ил.

123. *Астанова, Г. Ю.* Документальные источники Бухарского ханства XIX – начала XX вв. об административных делениях и их размерах // Позднефеодальный город Средней Азии; – Ташкент, 1990.

124. *Бабаева, Н. С.* Древние верования горных таджиков южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX начало XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая: 07.00.02. / Бабаева Навраста Самандаровна / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М., 1990. – 18 с.

125. *Бабаханов, М. Б.* Предпосылки революционного Союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 34 с.

126. *Бичурин, Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 334 с.

127. *Боголюбский, С. Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. – М., 1959. – 603 с.

128. *Бромлей, Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М., 1981. – 390 с.

129. *Бурлаков, Н. М.* Скотоводство. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1961. – 112 с.

130. *Вардиман, Э.* Женщина в древнем мире / пер. с нем. М. С. Харитонова. послесл. А. А. Вигасина. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1990. – 335 с: ил. (по следам исчезнувших культур Востока). – 336 с.

131. *Васильева, Г. И.* Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 2000. – 205 с.

132. *Васильева, Г. П., Кармышева, Б. Х.* Этнографические очерки узбекского сельского населения. – М.: Наука, 1969.

133. *Виноградова, Н. М.* Древние охотники и рыболовы

среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 173 с.

134. *Виноградова, Н. М., Кузьмина, Е. Е.* Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / под ред. Б. А. Литвинский. – М.: Наука, 1986. – 253 с.

135. *Гаджиев, М. А.* Скотоводство народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем (историко-этнографический очерк) : автореф. дис. канд. ист. наук : 07.00.02. / Гаджиев М. А. – Л., 1979. – 18 с.

136. *Гамбург, Б. С.* К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX – первой четверти XX в. // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975.

137. *Гафуров, Б. Г.* История таджикского народа в кратком изложении, с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 г. / под ред. И. Брагинского. – М., 1940; 2-е изд., испр. и доп. – М., 1952. – 504 с.

138. *Гафуров, Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 664 с.

139. *Гафуров, Б. Г., Литвинский, Б. А.* Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Теоретический аспект. Тезисы. – М., Наука, 1976. – 99 с.

140. *Генинг, В.Ф.* Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970. – 456 с.

141. *Геродот.* История в 9-ти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. – 600 с.

142. *Гийасаддин, Али.* Дневник похода Тимура в Индию. – М.: Восточная литература, 1958. – 164 с.

143. *Давыдов, А. С.* Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 92-98.

144. *Давыдов, А. Д.* Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. – М.: Институт востоковедения, 1969. – 262 с.
145. *Давыдов, А. С.* Селение и жилище таджиков Верхнего Зеравшана: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Давыдов Амнун. – Душанбе, 1970. – 28 с.
146. *Додхудоева, Л.* Научное наследие А. А. Семенова и М. С. Андреева (архивные документы). – Душанбе, 2013. – 266 с.
147. *Ершов, Н. Н.* Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк). – Душанбе, 1984. – 120 с.
148. *Ершов, Н. Н., Кисляков, Н. А., Пещерева, Е. М., Русаякина, С. П.* Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (по материалам колхоза имени Г. М. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР). – М.-Л.: АН СССР, 1954. – 232 с.
149. *Есикова, М. М.* Влияние землеустройства и агропропаганды на аграрную культуру России (1917 – начало 1930-х гг.). На материалах Центрального Черноземья. – М., 2010. – 194 с.
150. *Есикова, М. М., Есиков, С. А.* Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880-е – 1917 гг.). – СПб., 2008. – 180 с.
151. *Захидов, Ш. Ш.* Искусство проектирования в творчестве не родных зодчих Узбекистана (XIX – начало XX в.). – Ташкент: «Искусство зодчих Узбекистана», 1962.
152. *Заходер, Б. Н.* История восточного средневековья. – Т. V. – М., 1944. – С. 7.
153. *Ибрагимов, О. А.* История развития жилища населения степных районов Узбекистана в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02/ Ибрагимов Очил Ибрагимович. – Самарканд, 1988. – 203 с.
154. *Иванов, П. П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX века). – М., 1958. – С. 141.
155. *Искандаров, Б. И.* Восточная Бухара и Памир во второй половине

XIX века. – Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962-1963. – Т. 32. – Ч. 1. – 356 с.; Ч. 2. – 350 с.

156. *Искандаров, Б. И.* Из истории Бухарского эмирата: Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века. – М.: Восточная литература, 1958. – 132 с.

157. История народов Узбекистана (с древнейших времен до начала XVI в.). – Т. I. – Ташкент, 1950. – 474 с.

158. История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / под ред. Р. Масова. – Душанбе: Суруш, 1998. – Т. 1. – 752 с.

159. История таджикского народа. Т. II. Эпоха формирования таджикского народа / АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша; под ред. Н. Н. Негматова; отв. ред. Р. М. Масов. – Иран: Алхудо, 1999. – 791 с.

160. История таджикского народа. Т. III. XI – XV века // АН РТ. Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша / под ред. Р. М. Масов; отв. ред. Х. Пирумшоев. – Душанбе: 2013. – 580 с.

161. История таджикского народа. Т. IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. – 1917 г.) / под общ. ред. Р. М. Масова. – Душанбе: Дониш, 2010. – 1124 с.

162. История Узбекской ССР: В 4 т. / ред. Аминова. Ташкент: Фан, 1967-1968. – Т. 2. – 534 с.

163. *Керимов, Т. М.* Народные транспортные средства Азербайджана в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07/ Керимов Тофик Махмуд оглы. – Баку, 1987. – 22 с.

164. *Кисляков, Н. А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. – М., 1939. – 160 с.

165. *Козлов, С. А.* Аграрная модернизация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период: по материалам экономической печати. – М., 2008. – 567 с.

166. *Козлов, С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной

России (центрально-нечерноземные губернии). – М., 2002. – 557 с.

167. *Коробкова, Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. – Л.: Изд-во Наука, 1969. – № 158. – 216 с.

168. *Косвен, М. О.* Очерки истории первобытной культуры. – М., 1953. – 24 с.

169. *Костомахин, Н. М.* Скотоводство. – СПб.: Издательство "Лань", 2007. – 176 с.

170. *Кузьмина, Е. Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. – М.: Наука, 1977. – 143 с.

171. *Кузьмина, Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен и др. народов старого света (средняя Азия в древности и средневековье). – М., 1977. – 41 с.

172. *Кузьмина, Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976. – 133 с.

173. *Кушматов, А.* Таджикское крестьянство в конце XIX и начале XX века. – Душанбе, 1998. – 430 с.

174. *Литвинский, Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972. – 272 с.

175. *Литвинский, Б. А., Окладников, А. П., Ранов, В. А.* Древности Кайраккумов. – Душанбе, 1962. – 405 с.

176. *Литвинский, Б. А., Седов, А. В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – 237 с.

177. *Литвинский, Б. А., Седов, А. В.* Тепай-Шах Культура и связи кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

178. *Маджлисов, А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX века. – Душанбе-Алма-Ата: Душанбинский государственный педагогический институт им. Т. Г. Шевченко, 1967. – 331 с.

179. *Макалатия М. Н.* Скотоводство в горной части Восточной

Грузии : автореф. дис.... канд. ист. наук / Макалатия М. Н. –Тбилиси, 1975. – 28 с.

180. *Маллицкий, Н. Г.* Учебное пособие по географии Таджикистана. (Ход. жентский округ). – Сталинабад, 1956. – Т. XXXV.

181. *Мамазаитова, Ю. Х.* Сельское хозяйство Узбекистана в отечественной исторической литературе (от завоевания Средней Азии до обретения независимости) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мамазаитова Юлдузхон Хабибуллаевна. – Ташкент, 1995. – 19 с.

182. *Мандельштам, А. М.* Сложение таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мандельштам Анатолий Максимилианович. – М.-Л., 1951. – 19 с.

183. *Мардонова, А.* Архаические обряды и верования гиссарских таджиков. Похоронно-поминальный цикл : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Мардонова Азиза. – Л.: АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленингр. отд., 1989. – 29 с.

184. *Марков, Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. – М., 1976. – 377 с.

185. *Массон, В. М.* Первые цивилизации. – Л., 1989. – 286 с.

186. *Массон, В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. – М.-Л., 1964. – 467 с.

187. *Махмадшоев, Р.* Таджики Афганистана в новое время (очерки хозяйства и материальной культуры). – Душанбе, 2001. – 180 с.

188. *Мейендорф, Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – С. 285.

189. *Миддендорф, А. Ф.* Очерки Ферганской долины / пер. с нем. В. И. Ковалевского. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1882. – 532 с.

190. *Мирбабаев, А. К.* Историческое наследие Худжанда. – Душанбе: Ирфон, 1995. – 159 с.

191. *Моногарова, Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре

припамирских народностей. – М.: Наука, 1972. – 174 с.

192. *Морган, Льюис Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с английского под ред. М. О. Косвена. – Л., 1934. – 330 с., 11 прил.

193. *Морозова, О. И.* Пастбища в пустыне и предгорной полупустыне, их использование и улучшение. – М.: Сельхозиздат, 1959. – 301 с.

194. *Мукминова, Р. Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке. – Ташкент, 1976. – 233 с.

195. *Мирзо Абдулазим Соми.* История мангитской государей. Изд. текста, предисловие, перевод и примечания Л.М. Елифановой. – М., 1962.

196. *Мухаммед, Ю. М.* Тарих-и Муким-хани. Муким-ханская история / пер. с тадж., предисл., примеч. и указ. А. А. Семенова. – Ташкент, 1956. – 184 с.

197. *Мухиддинов, И.* Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX – начале XX веков (историко-этнографический очерк) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Мухиддинов Икромиддин. – М., 1971. – 26 с.

198. *Мухиддинов, И.* Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX начале XX веков. – Душанбе, 1984.

199. *Мухиддинов, И.* Этнографические аспекты высокогорного земледелия Западного Памира и сопредельных областей (XIX – начало XX веков) : автореф. дис. ... д-ра. ист. наук : 07.00.07 / Мухиддинов Икромиддин. – М., 1984. – 47 с.

200. *Назаршоев, М.* Социально-экономическое положение дореволюционного Памира. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 296 с.

201. *Негматов, Н.Н.* Ходжент во второй половине XIX – начале XX вв. / Вопросы реконструкции города, количество и этнический состав населения // Изв. АН Тадж.ССР / Отд. обществ. Наук. – № 1 (47). – 1967.

202. *Неменова, Р. Л.* Таджики Варзоба. – Душанбе, 1998. – 252 с.

203. *Нестеров, С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990. – 142 с.
204. *Оразов, А.* Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. Ашгабат, 1995. – Ашгабат: Ылым, 1995. – 329 с.
205. *Османов, М.-З. О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – начале XX вв. – М., 1990. – 297 с.
206. *Ошанин, Л. В.* Этногенез таджиков по данным сравнительной антропологии тюркских и иранских народов Средней Азии. – Сталинабад, 1954. – Т. 27.
207. *Петрушевский, И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XII-XIV веков. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1960. – 297 с.
208. *Пещерева, Е. М.* Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе: Дониш, 1976. – 98 с.
209. *Пирумшоев, Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – 132 с.
210. *Пьянкова, Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка») / отв. ред. Б. А. Литвинский. – Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, Институт истории им. А. Дониша, 1989. – 252 с.
211. *Рапопорт, Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма / ред. С. А. Трудновская; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1971. – 127 с.
212. *Ремпель, Л. И.* Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1987. – 192 с.
213. *Ртвеладзе, Э. В.* Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. – Ташкент, 2005. – 288 с.
214. *Рчеулишвили, М. Д.* Отгонное овцеводство Грузии и пути его улучшения. – Тбилиси, 1957. – 493 с.

215. *Семенов, А. А.* Очерки поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. – Ташкент, 1929. – 54 с.
216. *Семенов, С. А.* Происхождение земледелия. – Л., 1983. – 320 с.
217. *Снесарев, Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М.: Наука, 1969. – 336 с.
218. *Соколова, З. П.* Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
219. *Сухарева, О. А.* Бухара. XIX – начало XX в. (позднефеодальный город и его население). – М., Наука, 1966. – 166 с.
220. *Сухарева, О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. – 194 с.
221. *Сухарева, О.* Ислам в Узбекистане. – Ташкент, 1960.
222. *Ташев, Х.* Культура и быт животноводов Зарафшанской долины. (конец XIX – 60-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ташев Х. – Ташкент, 1968. – 44 с.
223. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии / ред. кол. И. А. Амирьянц, В. И. Кочнев, Б. Логашова, Н. Н. Чебоксаров (отв. ред.); АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1981. – 286 с.
224. *Толстов, С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: МГУ, 1948. – 303 с.
225. *Толстов, С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948. – 322 с.
226. *Толстов, С. П., Жданко, Т. А., Абрамзон, С. М., Кисляков, Н. А.* Народы Средней Азии и Казахстана. – М., 1962. – Т. 1.
227. *Толыбеков, С. Э.* Кочевое общество казахов в XVII – нач. XX в. – А.-А., 1971. – 220 с.
228. *Тэйлор, Э.* Первобытная культура (перевод с английского) / под ред. с предис. и прим. проф. В. К. Никольского. – М., 1939. – 568 с.

229. *Фуртунэ, А. Т.* Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в. (историко-этнографический аспект). – Кишинев: Штиинца, 1989. – 111 с.
230. *Цалкин, В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: АН СССР, 1966. – № 135. – 156 с.
231. *Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А.* Народы. Расы. Культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
232. *Шамиладзе, В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. – Тбилиси, 1979. – 337 с.
233. *Эфендиев, О. С.* Хозяйство и материальная культура лезгин Азербайджана в конце XIX – начале XX века (историко-этнографическое исследование по материалам северо-восточных районов Азербайджанской ССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Эфендиев О. С. – Л., 1987. – 20 с.
234. *Эшонкулов, У.* История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе: Деваштич, 2007. – 542 с.
235. *Юсупов, Ш. Т.* Вахшская долина накануне установления советской власти. – Душанбе: Дониш, 1975. – 130 с.
236. *Юсуфбекова, З.* Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Юсуфбекова Зинатмо. – Л., 1987. – 28 с.
237. *Якубов, Ю.* Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (К проблеме становления феодализма). – Душанбе: Дониш, 1988. – 292 с.

Статьи в сборниках и журналах

238. *Абдулвохидов, Р. М.* Быт чабанов в прошлом и настоящем // Краткие доклады научно-практической конференции. – Душанбе, 1989.
239. *Абдулвохидов, Р. М.* Древнейшая история развития скотоводства

южных районов современного Таджикистана // Вестник университета. (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 2 (32).

240. *Абдулвохидов, Р. М.* История изучения традиционного животноводства (способы содержания скота) у таджиков в конце XIX – начале XX вв. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2011. – № 3 (34) (в соавторстве).

241. *Абдулвохидов, Р. М.* История профессионализма как жизненная практика в пастушестве у таджиков // Вестник педагогического университета. – Душанбе: Таджикский государственный педагогический университет им. Садриддина Айни, 2012. – № 5-2 (48).

242. *Абдулвохидов, Р. М.* История развития домашних промыслов в Восточной Бухаре в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2013. – № 3/6 (121).

243. *Абдулвохидов, Р. М.* История формирования и становления некоторых отраслей традиционного народного хозяйства на территории Средней Азии // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – № 4 (51).

244. *Абдулвохидов, Р. М.* К вопросу о типологии традиционной молочной посуды у таджиков // Кишоварз (Земледелец). – Душанбе: ТАУ, 2011. – № 3 (51).

245. *Абдулвохидов, Р. М.* К вопросу об этнической истории и генезисе различных скотоводческих терминов, обычаев и обрядов у таджиков // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2011. – № 9 (73).

246. *Абдулвохидов, Р. М.* Культ коня у таджиков в эпоху раннего средневековья // Известия Отдел общественных наук АН РТ. – Душанбе, 2012. – № 1.

247. *Абдулвохидов, Р. М.* Народное хозяйство Таджикистана в годы Великой Отечественной войны // Вклад таджикстанцев в победу над

фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945. – Душанбе, 2017.

248. *Абдулвохидов, Р. М.* Некоторые архаические представления, связанные с домашними животными // Тезисы доклада респуб. научно-практической конференции молодых ученых. – Душанбе, 1985.

249. *Абдулвохидов, Р. М.* Некоторые архаические представления, связанные с домашними животными у таджиков Кулябской области // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе. Сб. статей. – Душанбе, 1987.

250. *Абдулвохидов, Р. М.* Некоторые архаические представления, связанные с посохом // Тезисы докладов и сообщений. «Вклад иранских народов в мировую цивилизацию. История и современность». – Душанбе, 1992.

251. *Абдулвохидов, Р. М.* Некоторые архаические элементы и обряды, связанные с перетапливанием масла у таджиков // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений (1991-1992 гг.). – СПб, 1992.

252. *Абдулвохидов, Р. М.* Отголоски древних архаических представлений о кооперации молочной артели у таджиков // Кишоварз (Земледелец). – Душанбе: ТАУ, 2014. – № 3.

253. *Абдулвохидов, Р. М.* Развитие животноводческой промышленности в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2017. – № 3/3.

254. *Абдулвохидов, Р. М.* Роль животноводческого хозяйства Восточной Бухары в развитии экономики Туркестанского края // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2017. – № 3/2.

255. *Абдулвохидов, Р. М.* Роль сезонных поселений в развитии традиционного животноводства таджиков в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2013. – № 3/7 (124).

256. *Абдулвохидов, Р. М.* Роль традиционно-скотопрогонных маршрутов в развитии экономики и хозяйства таджиков в конце XIX – начале XX вв. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – № 1 (44).

257. *Абдулвохидов, Р. М.* Сведения о некоторых традиционных видах ремесел и домашних промыслов у таджиков // Доклады научно-практической конференции, посвященной 70-летию советской власти в Кулябе. Куляб, 1991.

258. *Абдулвохидов, Р. М.* Типология скотоводческого хозяйства у таджиков в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе, 2011. – № 10 (74).

259. *Абдулвохидов, Р. М.* Традиционная маслобойка в молочном хозяйстве таджиков (конец XIX – начале XX вв.) // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2014. – № 2 (45).

260. *Абдулвохидов, Р. М.* Традиционное животноводство таджиков конца XIX – начало XX вв. // Ученые записки Худжанского государственного университета им. А. Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – Худжанд: ХГУ, 2011. – № 4 (28).

261. *Абдулвохидов, Р. М.* Традиционное скотоводческое занятие и народный календарь таджиков // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2012. – № 3 (38).

262. *Абдулвохидов, Р. М.* Традиционный способ использования пастбищ в Кулябском регионе // Материалы по истории таджикского народа. – Ленинабад, 1989.

263. *Абдулвохидов, Р. М.* Традиционный способ использования пастбищ у таджиков в Хатлонской области в начале XX века // Сборник докладов международной научно-практической конференции «Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история и общение». 26-27 ноября 2010 г. – Дангара,

2010.

264. *Абдулвохидов, Р. М.* Экономические аспекты животноводческого хозяйства в конце XIX – начале XX вв. // Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2013. – № 1 (40).

265. *Абрамзон, С. М.* Программа для сбора материалов по теме «Животноводство» к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана // Региональное совещание по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана: метод. материалы. – М., 1967.

266. *Андрианов, Б. В.* Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // Советская этнография. – 1982. – № 4.

267. *Андрианов, Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. – 1972. – № 2.

268. *Аргынбаев, Х. А.* Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1975. – 230 с.

269. *Аргынбаев, Х.* Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1975.

270. *Архангельский, С. Ф.* Кулябский вилайет // Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане. – Сталинабад, 1930.

271. *Асимов, М. С.* Исследование этнической истории древней Центральной Азии (II тыс. до н.э.) в советской науке // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (2 тыс. до н. э.). Сборник статей. – М., 1981. – 376 с.

272. *Бабаханов, М. Б.* К вопросу о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве в северных районах Таджикистана в конце XIX и начале XX вв. // Из истории Таджикистана. Сборник ТГУ им. В. И. Ленин. – Вып. 1. – 1957.

273. *Басилов, В. Н.* Хозяйство западных туркмен-емудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования // Очерки по истории хозяйства народов. Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1973.

274. *Беленицкий, А. М.* Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // Труды СТАЭ. – Т. 1. – М.-Л., 1950. (МИА № 15).

275. *Беленицкий, А. М.* Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. – 1948. – № 4.

276. *Бернштам, А. Н.* Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши // СЭ. – Вып. 4. – 1948.

277. *Бочанова, Г. А.* Животноводство в Сибири конца XIX – начала XX в.: улучшение содержания и породности крупного рогатого скота // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX в. – Новосибирск, 2001.

278. *Бромлей, Ю. В.* О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности // СЭ. – 1983. – № 6.

279. *Бромлей, Ю. В.* Очерки теории этноса. – М., 1983. – 414 с.

280. *Брюкович, В. В.* О некоторых вопросах развития феодального общества // Вопросы истории. – 1952. – № 2.

281. *Вавилов, Н. И., Букинич, Д. Д.* Земледельческий Афганистан // Избр. тр. в 5-ти томах. М.-Л., 1959. – 318 с.

282. *Виноградова, Н. М.* Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // ЮТАЭ (1978). – 1984. – 74 с.

283. *Витт, В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. – 1952. – № 16.

284. *Вольфганг Холтсварт.* Хуччатхои бойгони аморати Бухоро оид ба холати чорводори дар Хатлонзамин // Сб. докладов международной научно-практической конференции «Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история и общение». Дангара, 26-27 ноября 2010 г. – Душанбе: Эр-граф, 2010.

285. *Гарданов, В. К., Долгих, Б. О., Жданок, Т. А.* Основные направления этнических процессов у народов СССР // СЭ. – 1961. – № 4.

286. *Гинзбург, В. В.* Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков // СЭ. – 1936. – № 3.

287. *Гумилев, Л. Н.* Этнос и ландшафт // Известие ГО СССР. – Л., 1968. – Вып. 3.

288. *Давыденко, Н. А.* К изучению социокультурных факторов развития сибирского животноводства (конец XIX – XX в.) // «Сибирь — мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования. Сборник научных трудов / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999.

289. *Давыденко, Н. А.* Сельская кооперация и развитие животноводческих традиций сибирского крестьянства в начале XX в. // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития. Сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Николаев. – Новосибирск: Изд-во СУПК, 2003. – Вып. 4.

290. *Давыдов, А. Д.* Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. – М: Наука, 1969. – 264 с.

291. *Давыдов, А. С.* Некоторые представления таджиков, связанные с животным миром // Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985.

292. *Давыдов, А. С.* Селение и жилище Верхнего Зеравшана // Известия отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, 1970. – № 4.

293. *Давыдов, А. С.* Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // Советская этнография. – 1969. – № 6.

294. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия. – № 15 (История и этнография). Сталинабад: Изд-во АН СССР, 1949.

295. *Джахонов, У.* Традиционное скотоводство у таджиков долины Соха в конце XIX начале XX в. // История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981.

296. *Ермолова, Н. М.* Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. – Ташкент: Фан, 1986.

297. *Ершов, Н. Н., Кисляков, Н.А., Пещерева, Е. М., Русайкина, С. П.* Культура и быт таджикского колхозного села (по материалам колхоза им. Г. М. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР) / под общей ред. Н. А. Кислякова // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. XXIV. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954; Т. XXIV.

298. *Ершов, Н. Н.* Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк) // Труды АН Тадж. ССР / Институт истории, археологии и этнографии. – Т. XXIII. – Сталинабад, 1960. – 174 с.

299. *Ершов, Н. Н.* Ремесло таджиков Каратегина и дарваза зав. отд. общ. наук АН Тадж. ССР. – Вып. 1 (36). – 1958.

300. *Ефременко, А. В.* Агрономический аспект столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. – 1996. – № 11-12.

301. *Жданко, Т. А., Шаниязов, К. Ш.* Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана // Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Восточная литература, 1975. – 230 с.

302. *Зарубин, И. И.* Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской АН. – Петроград, 1917. – Т. V.

303. *Искандаров, Б. И.* О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX-XX вв. // Труды АН Тадж.ССР. – Сталинабад, 1958. – Т. 83. – 140 с.

304. *Кабо, Р. М.* Природа и человек в их взаимоотношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. – М., 1947.

305. *Калиновский, К. П., Марков, Г. Е.* Скотоводы Азии и Африки. Проблемы истории, типологии и периодизации // Вестник МГУ. – 1983. – № 4 (серия 8. История).

306. *Караев, С. К.* Иранско-тюркские топонимические параллели Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. (ТД). – М., 1988.

307. *Кармышева, Б. Х.* Степень изученности скотоводства у таджиков и узбеков // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1973.

308. *Кармышева, Б. Х.* К истории происхождения гиссарской овцы // Доклады АН Таджикской ССР, 1953. – Вып. 7.

309. *Кармышева, Б. Х.* Об этнических процессах у населения горной зоны Средней Азии в новое время // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1990. Вып. 3: Этнография.

310. *Кармышева, Б. Х.* Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. – М., 1969. – № 3.

311. *Кармышева, Б. Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Ин-т. ист, арх. и этн. – 1953. – Т. XXVIII. Ст-д. – 169 с.

312. *Кармышева, Б.Х.* [Рецензия на:] Шамиладзе В.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии // СЭ. – 1982. – № 3.

313. *Касымов, Н.* Прогрессивное значение образования русских посёлков в Ходжентском уезде. – Душанбе: Дониш. 1968. –152 с.

314. *Кинятина, Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. – 1983. – № 4.

315. *Кисляков Н. А.* К вопросу об этногенезе таджиков// Сб. «Советская этнография». – Вып. VI–VIII. – 1947. – Т. 6.

316. *Кисляков, А. П.* Бурх – горный козел (древний культ в Таджикистане) // СЭ. – 1934. – № 1/2.

317. *Кисляков, Н. А.* Древние формы скотоводства и молочного хозяйства горных таджиков бассейна реки Хингоу // Известие таджикского ФАН СССР. – 1949. – № 15 (история и этнография).

318. *Кисляков, Н. А.* Кулябские таджики // СЭ. – 1949. – № 5.

319. *Кисляков, Н. А.* Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX – нач. XX в. // Труды института этнографии. – 1962. – Т. 74. – 193 с.

320. *Кисляков, Н. А.* Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу // СЭ. – 1947. – № 1.

321. *Кисляков, Н. А.* Этнографическое изучение Таджикистана // Труды Таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад, 1951. – Т. XXIX.

322. *Колпаков, А. П.* К вопросу о скотоводческих терминах у таджиков Кулябской области // Сообщение Таджикского филиала АН СССР. – 1948. – Вып. IX.

323. *Кондауров, А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // Труды института этнографии. – Т. III. – Вып. 1. – Серия этнографическая. – М.-Л., АН СССР, 1940. – 80 с.

324. *Кондауров, А. Н.* Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // Труды института этнографии. – Вып. 1. – М.-Л., 1940. – 80 с.

325. *Крюков, М. В.* Об общих принципах типологического исследования явлений культуры (на примере типологии жилища) // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984.

326. *Курылев, В. П.* Кумыс – ритуальный напиток кочевников Евразии. В сб. «Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации // Материалы международной конференции. г. Алматы, 5-7 июня 1995 г. – Алматы, 1995.

327. *Курылев, В. П.* Опыт типологии скотоводческого хозяйства казахов: вторая половина XIX-начало XX в. // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

328. *Курылев, В. П.* Основные типы скотоводческого хозяйства у казахов (конец XIX – начало XX в.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л., 1977. – 263 с.

329. *Левин, М. Г.* К проблеме соотношения хозяйственно-культурных типов в Северной Азии // Краткие сообщения Института этнографии. – 1947. – Вып. 2.

330. *Левин, М. Г., Чебоксаров, Н. Н.* Хозяйственно-культурные и историко-географические области. К постановке вопроса // СЭ. – 1955. – № 4.

331. *Литвинский, Б. А.* Археологические открытия на восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности // Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов. – М., 1963. – Т. 3.

332. *Литвинский, Б. А.* Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК АН СССР. – М., 1960. – Вып. 80.

333. *Литвинский, Б. А., Окладников, А. П., Ранов, В. А.* Древности Кайраккумов // Древнейшая история Северного Таджикистана. – Душанбе, 1962. – 405 с.

334. *Маджлисов А.* Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX веков. – Душанбе. – Алма-Ата, 1967.

335. *Маликов, И. А.* Основные направления совершенствования организации и функционирования рынка мяса в РТ // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. – Душанбе: Эр-граф, 2010.

336. *Мандельштам, А. М.* О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье // Советская археология. Сборник. – М., 1954. – Т. 20.

337. *Марков, Г. Е.* О терминах и понятиях в этнографии // Советская этнография. – 1983. – № 5.

338. *Марков, Г. Е.* Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответы оппонентам) // Советская этнография. – 1982. – № 4.

339. *Марков, Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. – 1981. – № 4.

340. *Массон, М. Е.* К истории происхождения локайской лошади // Известия. ТФАН СССР. – № 15. – 1949

341. *Миклухо-Маклай, Н. Д.* географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Уз ИВАН. – 1954. – Т. 9.

342. *Мирбобоев, А.* О собирательных названиях домашних животных в ваханском языке // Вопросы памирской филологии. – Душанбе, 1985. – Вып. 3.

343. *Мирбобоев, А.* Об одном этнолингвистическом явлении в лексиконе летовщиков Вахана // Вопросы памирской филологии. – № 3. Душанбе. – 1985.

344. *Мкртумян, Ю. И.* Соотношение земледелия и скотоводства и его роль в формировании современной культуры и быта сельского населения Кавказа // IX МКАЭН. – М., 1973. – 22 с.

345. *Мкртумян, Ю. И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века // Советская этнография. – 1968. – № 4.

346. *Моногарова, Л. Ф.* Материалы по скотоводству населения Южного Таджикистана и Западного Памира // Итоги полевых работ института этнографии в 1971 году. – М.: Наука, 1971.

347. *Моногарова, Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев // Среднеазиатский этнографический сборник II. Изд. АН СССР. (Труды Ин-та этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XLVII. / отв. ред. Н. А. Кисляков, Т. А. Жданко. – М., 1959.

348. *Моногарова, Л. Ф.* Язгулемцы Западного Памира (по матер. 1947-1948 гг.) // СЭ. – 1949. – № 3.

349. *Мухиддинов, И.* К вопросу о формах коллективного труда в кишлачной общине в Вахане и Ишкашима (XIX – нач. XX в.) // Памяти А. А. Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. – Душанбе, 1980.

350. *Мухиддинов, И.* Народный опыт преодоления бездорожья и водных преград на Западном Памире (XIX – начало XX в.) // Этнография в Таджикистане. – Душанбе, 1989.

351. *Мухиддинов, И.* Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем (XIX – нач. XX в.) // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1982.

352. *Нарзикулов, И. К.* Краткие сведения о дореволюционной кустарной промышленности Таджикистана // Труды АН Таджикской ССР. Т. XXXI. / ред. проф. А. А. Семенов. – Сталинабад, 1957. – 69 с.

353. *Неменова, Р. Л.* Некоторые особенности бальджуанских говоров таджикского языка // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – Сталинабад, 1954.

354. *Ноздрин, Г. А.* Ветеринария в Сибири в XIX – начале XX вв. // Опыт природопользования в Сибири XIX – XX вв. – Новосибирск, 2002.

355. *Османов, М.-З. О.* О формах и типах скотоводства (по материалам Дагестана XIX в.) // СЭ. – 1984. – № 6.

356. *Периши, А. И.* Роль природного пастбища как средства труда в переходе от присваивающего хозяйства к производящему // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тезисы докладов. – М., 1974.

357. *Петрин, В., Рейснер, И. М., Фесенко, Т. М.* Иран, Афганистан и Синьцзян (Западный Китай), политико-экономический очерк // Всесоюзная торговая палата. – М., 1936. – 805 с.

358. *Пещерева, Е. М.* Домашняя и семейная жизнь // Культура и быт колхозного крестьянства // ТИЭ. Новая серия. – М.–Л., 1954. – Т. XXIV. – 227 с.

359. *Пещерева, Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним, обычаи по Таджикистану. – Ташкент, 1927. – Вып. 1.

360. *Пирумшоев, Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX — начала XX вв. – Душанбе: Дониш, 1992. – 132 с.

361. *Писарчик, А. К.* Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года // Известия Таджикского филиала АН СССР. – Сталинабад. 1949. – № 15.

362. *Писарчик, А. К.* Михаил Степанович Андреев (1873–1948) // Труды АН Таджикской ССР. – 1960. – Т. 120.

363. *Писарчик, А. К., Кармышева, Б. Х.* Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области // Известия АН Таджикской ССР. – 1953. – № 3.

364. *Пославский Ю. С.* Экономический очерк Таджикистана (источники и материалы) // Таджикистан. Сб. статей – Ташкент, 1925

365. *Пославский, Ю. И.* Экономический очерк Таджикистана (источники и материалы). Таджикистан. Сб. статей. – Ташкент, 1925.

366. *Потанов, Л. П.* Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. – Л., 1977.

367. *Пьянков, И. В.* Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1990. – Вып. 2: История и археология.

368. *Ракитников, А. Н.* Некоторые особенности исторической географии земледелия и животноводства в Средней Азии // Вопросы географии. – М., 1960. – Т. 50 (историческая география).

369. *Рано, В. А.* Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985.

370. *Ранов, В. А., Коробкова, Г. Ф.* Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – № 2.

371. *Рахимов, М. Р.* Зарафшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. // Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32).

372. *Рахимов, М. Р.* Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза // Памяти М. С. Андреева Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. – Сталинабад, 1960.

373. *Робакидзе, А. И.* Жилище и поселение горцев Грузии в прошлом и настоящем // КСИЭ – М., 1962. – Вып. 36.

374. *Руденко, С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии ГО СССР. – Л., 1961. – Вып. 1.

375. *Рябинский, А.* Царская Россия и Бухара в эпоху империализма // Истори–марксист. – Т. 92. – 1941. – № 4. – 743 с.

376. Саки Памира // Вестник Древней Истории (ВДИ). 1956 (1). – М.-Л., 1956.

377. *Сарианиди, В. И.* Статуэтка лошади с Алтын-депе // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973.

378. *Симаков, Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX – начале XX века // Советская этнография. – 1982. – № 6.

379. *Симаков, Г. Н.* Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. – 1978. – № 6.
380. Средняя Азия. Физико-географическая характеристика / отв. ред. доктор географических наук Э. М. Мурзаев. Институт географии АН СССР. – М.: АН СССР, 1958. – 648 с.
381. Средняя Азия. Физико-географическая характеристика. Институт географии АН СССР. – М.: АН СССР, 1950. – 610 с.
382. *Станюкович, К. В.* Еще раз о том, что называется Памиром // Известия Всесоюзного географического общества. – 1952. – Т. 84. – № 4.
383. *Староверов, В. А.* Типы скотоводческого хозяйства у киргизов Памиро-Алая и Каратегина в конце XIX – начале XX вв. // Советская этнография. – 1984. – № 4.
384. *Суринов, В. М.* К определению этнических традиций в земледелии // СЭ. – 1971. – № 3.
385. *Сухарева, О. А.* К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков // Труды Академии наук Тадж ССР. – Т. 120. – Сталинабад, 1960.
386. Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1966. Вып. 1. – 376 с.
387. Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1970. Вып. 2. – 313 с.
388. Таджикистан. Физико-географический очерк. Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. Вып. 23. – Л.: Издание Таджикско-Памирской экспедиции 1936. – 400 с.
389. *Фирдоуси Абуль Касим.* Из Шахнаме. – М., 1949. – 214 с.
390. *Формозов, А. А.* К истории древнейшего скотоводства на юге СССР // Основные проблемы терминологии. – М., 1972.
391. *Фрейденберг, М. М.* Проблемы отгонного скотоводства в современной балканистике // Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. – М., 1979.
392. *Хамиджанова, М. А.* Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982.

393. *Хидоятов, И.* О характере сельского хозяйства многонациональных районов Сурхандарьинской области в дореволюционное время // Советская этнография. – 1970. – № 2.

394. Хозяйство казахов на рубеже XIX – XX веков: материалы к историко-этнографическому атласу. – Алматы, 1980. – 254 с.

395. *Чеснов, Я. В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

396. *Чеснов, Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М. Г. Левина) // СЭ. – 1970. – № 6.

397. *Шамиладзе, В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // СЭ. – 1982. – № 3.

398. *Шенников, А. А.* Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (к дискуссии об агроэтнографии) // Советская этнография. – 1968. – № 6.

399. *Щукин, И. С., Гилярова, М. А.* Кухистан // Таджикистан (физико-географический очерк). Вып. XXIII. Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933. – Ленинград: Издание Таджикско-Памирской экспедиции, 1936.

400. *Юсупов, Ш.* Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX вв. // Труды АН Таджикской ССР. – Т. XVI. – Душанбе, 1964. – 126 с.

на таджикском языке

401. *Абубакр Мухаммад Наршахи.* Таърих-и Бухоро // Таджикская версия Абунабра Ахмада. Н. – Бухара. 1904. – 125 с.

402. *Кубодов, М.* Роҳҳои оқилона истифодабарии чарогоҳҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник

докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. – Душанбе: Эр-граф, 2010.

403. Фарҳанги забони тоҷики (аз асри X-то ибтидои асри XX). Ҷилди I,2. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 937 с.

404. *Холтсварт, В.* Хуччатҳои бойгони аморати Бухоро оид ба ҳолати чорводори дар Хатлонзамин // Вопросы животноводческой отрасли в Республике Таджикистан на примере Хатлонской области: история общения. Сборник докладов международной научно-практической конференции. Дангара, 26-27 ноября 2010 г. – Душанбе: Эр-граф, 2010.

на английском языке:

405. *Boesch H.* Nomadish. Transhumans und Alpwirtschaft. Die Alpen. XXVII. Bd. 6. 1951.

406. *Downe J. E. Ekwall R. B.* Animals and Social Types in the Exploitation of the Tibetan Plateau. MCA RAHEA.

407. *Erobert R.* Der Kaukasus und seine Volker. Lpz. 1887.

408. *Evans E. E.* Transhumance in Europa // Geography. 1940. V. 25.

409. *Ferdinand K.* Nomadism in Afghanistan // VHOES.

410. *Foldes L.* Quellen zur Transhumance in Sieben-Burgen-Walachei aus der Ersten Hälfte des 19 Jh. // VHOES.

411. *Kramrisch.-S. Kramrisch.* The Temple as Purbasa. Studies in Indian Temple Architecture. Ed, by Pramod Chandra. New Delhi. 1975. 41 p.

412. *Kusstone F.* Badakhshan und Seine Tagiken TYibus. 4, Stuttgart, 1965.

413. *Muller E.* Herdenwanderung im Mittelmeergebiet (Transhumance) // Petermanns geographische Mitteilungen. Gotha. 1938. Bd. 84.

414. *Muller J. M.* Transhumance in Bosnia and Herzegovina // Geographical Review 1968. V. 58. № 2.

415. *Novak V.* Übersicht über Viehhaltungsformen und Alpwesen in Slovenien // VHOES.
416. *Schurmann H. F.* The mongols of Afganistan. On Ethnography of the Mongols and Related Peoples of Afganistan / H.F. SCHURMANN. I-ague, 1962.
417. *Stika I.* Westiche Grense der Karpatischen Salaschenkultur (Almwirtschaftur) // Труды VII МКАЕН. М., 1971. Bd. 2.
418. *Vayda A.R.* Antropologist and Ecological Probleme // MCA RAHEA.
419. *Vladutiu I.* Almenwirtschaftliche Viehhaltung und Transhumanc in Brangebiete // VHOES. C.197-241.
420. *Wissler C.* Man and Culture. N.Y. 1923.